

НИКОЛАЙ САМОХИН

рассказы

Н. Самохин

12+

Николай Самохин

**Николай Самохин. Том
1. Рассказы. Избранные
произведения в 2-х томах**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Самохин Н. Я.

Николай Самохин. Том 1. Рассказы. Избранные произведения в 2-х томах / Н. Я. Самохин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В двухтомник Николая Самохина, изданный в 2019 году, когда писателю исполнилось бы 85 лет, включены повести и рассказы, написанные и изданные в 60–80-х годах XX века. Те сборники Николая Самохина стали уже библиографической редкостью, и этот двухтомник поможет почитателям его таланта вновь открыть перед собой страницы произведений.

Перед вами мир Николая Самохина. Мир, созданный им в его рассказах и повестях, написанных – нет, не то слово – прочувствованных и выстраданных Николаем Самохиным за эти, казалось бы, недавние три десятилетия 60–80-х годов. Недавние, да – но уже прошедшего века, и даже уже прошедшего тысячелетия. Для одних – вчера, для других – эпоха. Кто-то, удивившись, скажет – почему выстраданных? Ведь этот мир Николая Самохина, с одной стороны, казалось бы незатейлив и незамысловат: обычная жизнь обычных людей, с их обыденностью, простотой, порой нелепостью... А с другой – кто еще мог так увидеть, и создать этот свой мир, совместив забаву с лирикой, улыбку с болью, усмешку с печалью, кто мог прощаться с весельем не прощаясь, и философствовать без занудства и нравоучения, как он? Как внешне легки, как естественны и непринужденны его произведения. Настолько, что кажется порой, что вот – и я же так могу, ведь это так просто – взять, пробежаться строчками по бумаге и стать писателем как он... А Николай Самохин себя писателем не называл. Говорил: «Я не писатель – я литератор. Сказать о себе, что я писатель, все равно, что сказать – я Бог». Но, скромно открещиваясь от звания равного Богу, он все-таки был тем, кем себя именовать не решался – настоящим писателем. И как настоящий писатель, из мозаики своих произведений сотворил свой мир. Как полагается целому миру – разнообразный, противоречивый, порой несуразный, но естественный и живой. ...Николай Самохин родился в 1934 году. И покинул этот наш большой мир в году 1989-м. По теперешним меркам – практически молодым, в 54 года. Рано. Ведь последующие годы для писателя – ну просто расцвет творчества, создавай том за томом. И в нынешнем 2019-м, став сверхзаслуженным и орденосным, принимай поздравления с 85-летием... Но нет. Ни поздравлений, ни орденов, ни выхода к трибуне за грамотой и орденом... Ну так Николай Самохин этого никогда и не желал. Он, не называя себя писателем, создавал свой мир не за почести и награды, а потому, что не мог не создавать. Мир, который и достался нам. И который сегодня открыт для нас. Заходите в мир Николая Самохина, смейтесь и грустите, печальтесь и улыбайтесь. Мир Николая Самохина разнообразен, но одно точно: в его мире вам не будет скучно.

ТОЛЯ, КОЛЯ, ОЛЯ и ВОЛОДЯ ЗДЕСЬ БЫЛИ

1975 г.

Если вам доведется быть на краю света, отыщите там, на самом его краешке, посередине маленькой полянки, большую черную бутылку. Она стоит в ямочке, и заметить ее можно по торчащему горлышку. В бутылке, свернутая трубочкой, лежит бумажка – такой, знаете, листик в прямую клеточку, вырванный из блокнота. Так вот, развернув бумажку, вы прочтете эти самые слова: «Толя, Коля, Оля и Володя здесь были». Потому что мы действительно там были.

ГЛАВА I

Я проявляю упрямство. Сборы в дорогу.

Папа вошел ко мне в комнату, и я сразу поняла, что у него зародилась какая-то мысль. Вообще-то мой папа ученый, физик, доктор наук, и считается, что мысли у него должны быть постоянно. Но все же сразу бывает видно, когда у папы есть мысль, а когда нет. Сейчас она у него была. Мысль прямо распирала папу, он даже стал круглее, чем обычно.

– Малыш, – начал папа, и это означало, что мысль у него приятная, – через месяц у нас с мамой начинается отпуск...

– Ура! – сказала я.

– Однако на этот раз мы поедем отдыхать не вместе. То есть отдыхать едет одна мама... как всегда – в Сочи. Что же касается меня, то видишь ли... ну, словом, группа товарищей, и я в том числе, собрались в такой, как бы это выразиться, полутуристский-полуделовой маршрут – в Приморье и на Курильские острова. Мы будем читать там лекции, работать в общем, и только в редкие минуты, если, разумеется, удастся выкроить эти редкие минуты, отдыхать. Так вот... Тебе в связи с этим надо сделать выбор: поедешь ли ты с мамой в Сочи, или...

– С тобой на Курилы! – быстро сказала я.

– Видишь ли, детеныш, – сказал папа, и это означало, что поспешность моя не вызвала у него восторга. – Видишь ли... выбирая Курилы, ты, естественно, лишаешь себя ежедневного мороженого с наполнителем, ну там... э-э-э, персиков, миндальных пирожных и так далее. Ничего этого не будет. Я уже не говорю про южное солнце.

– С тобой на Курилы, – сказала я.

– Ольга, – взмахнул руками папа, и мне даже стало чуть-чуть жалко его: слово «Ольга» означало, что папу совершенно не устраивает такой поворот событий. – Ольга! – повторил папа, нервно снимая очки, – не подумай, что я запугиваю тебя. Но учти: развлечений не предвидится. Нас ждут трудные переходы, ночевки у костра, комары, тайфуны, а возможно, и землетрясения!

Я зажмурила глаза, чтобы не видеть расстроенного папиного лица, и упрямо сказала:

– С тобой на Курилы!

– Ну, хорошо, – окончательно сник папа. – В конце концов, ты сама выбрала... Прошу только еще раз учесть: это не прогулка на городской пляж. Ты будешь носить рюкзак, стирать свою одежду, варить кашу. Да-да! Варить кашу! И никакого нытья! Никакого нытья, никаких жалоб, никаких капризов – запомни. А теперь собирайся. Мы пойдем к дяде Толе – у него назначен сбор участников.

– К дяде Толе-Паганелю? – спросила я.

– К дяде Толе-Паганелю.

И мы пошли к дяде Толе-Паганелю.

Паганель – это не фамилия дяди Толи. Просто его все так зовут – за высокий рост и рассеянность. А вообще, дядя Толя тоже физик и доктор наук. Они с папой читают лекции в университете.

Хотя Паганель, видимо, не такой хороший доктор, как папа. Мой папа круглый, солидный, носит очки в золотой оправе, имеет привычку потирать руки и любит повторять слова: «кондиционно» и «заведомо». У папы есть «Волга», моторная лодка, садовый участок, а живем мы в коттедже. Правда, это не целый коттедж, а половинка, но все равно в нашей половине пять комнат, не считая кухни и веранды, она двухэтажная, и с первого на второй этаж ведет лестница, на которой, как говорит Паганель, можно снимать сцены из комедий Островского.

Дядя Толя-Паганель живет в двухкомнатной квартире, у него есть велосипед, магнитофон, две теннисные ракетки и гитара, разрисованная автографами всех бардов страны. Паганель молодой, лопоухий, стрижется «под Алешу», носит бороду и говорит вместо «вообще» – «апше». Это все, что у него осталось от одессита, утверждает мой папа.

... В квартире Паганеля царил напряженная предподходная обстановка. Сам он, похожий из-за бороды и распахнутой рубахи на атамана казачьего войска, вышагивал по комнате, разгоняя головой перистые облака табачного дыма, и выкликивал:

– Мы выходим на последнюю прямую!

При виде нас с папой Паганель объявил, не здороваясь:

– Стуков не поедет – он все еще в Голландии! Маляревский вышел из игры – у него разыгралась язва! Сам я болен, едва стою на ногах, но рассчитываю поправиться. Зато к нам согласился примкнуть еще один товарищ – вот, познакомьтесь.

Тут мы увидели, что с дивана торчат чьи-то острые колени, обтянутые джинсами, а уж за коленями разглядели человека с худым желтым лицом и огромной трубкой в зубах. Это он, оказывается, и напустил столь ко дыму.

– Николай... Дядя Коля, – сказал человек, протягивая поочередно руку – сначала папе, затем мне. В свою очередь папа представил меня.

– Вот, прошу, – взял он меня за плечи. – Четвертый член экипажа.

Паганель и дядя Коля слегка побледнели.

– Так, – молвил Паганель и почесал бороду. – Выходит, трое в лодке, не считая собаки... то есть в данном случае, не считая ребенка.

Вернее, считая ребенка. М-да. Апше, дети, разумеется, цветы нашей жизни. Но сейчас нам нужны не столько цветы, сколько консервы.

– Ну, зачем... зачем так, – сказал дядя Коля. – Детей тоже иногда берут – я знаю, например, мои соседи в прошлое воскресенье ездили за грибами на Четвертый километр и брали с собой сынишку. И представьте – ничего. По ровному месту он даже кое-где шел своими ногами... Ты сколько вешишь, старуха?..

– Положим, она у меня и по неровному месту пойдет своими ногами, – заметил папа. – Я на нее еще рюкзачок повешу. Не хватало нам носить на руках ученицу седьмого класса, второразрядницу по плаванию.

– Второй разряд? – изумился дядя Коля. – Ай да старуха!

– По плаванию? – переспросил Паганель. – Ну, тогда другой разговор. – И он совершенно успокоился, как будто нам предстояло добираться на Курильские острова вплавь.

После этого они сразу забыли про меня и принялись обсуждать маршрут путешествия.

Папа развернул карту.

– Я – пас, – заявил дядя Коля, снова сел на диван и спрятался за свои коленки. – Решайте, вычерчивайте, подсчитывайте – я пас.

Дядя Коля подмигнул мне и сказал, что по географии он больше тройки никогда не получал, до сих пор не знает и не сможет показать, хоть режь его на куски, в какой стороне находится, допустим, Ямало-Ненецкий национальный округ, и вообще примкнул к Паганелю и папе только потому, что они ученые, а ученые должны все знать и если куда завезут, то, в конце концов, надо полагать, вывезут обратно.

Маршрут обсуждали папа с Паганелем. Сомкнувшись головами над картой, они тыкали карандашами в разные точки и произносили какие-то командирские слова.

– Бухту Посьет, – говорили они, – мы возьмем за неделю... За три дня возьмем Южно-Сахалинск. Кунашир и Шикотан надо взять за пять дней максимум. Итуруп придется брать на обратном пути...

Так они сидели и захватывали разные территории, как два полководца. Не хватало только портупей, наганов, сабель и канонады за окном.

Дяде Коле тоже, наверное, так показалось.

– Хорошенькая собралась компания, – шепнул он мне. – Еще нам военного с пушечкой – и мы присоединим эту окраину к России.

Позабрав все, что можно, Паганель и папа стали обсуждать снаряжение.

– Только кеды! – настаивал папа.

– Только туристские ботинки! – не соглашался Паганель.

– Я – пас, – сказал дядя Коля. – Обсуждайте, прикидывайте, я пас... У меня, кроме домашних тапочек, ничего нет. Завтра пойду с рюкзаком по друзьям – может, чего и накидают.

Сказав еще раз четыре «я – пас», дядя Коля распрощался и ушел.

– Кто такой? – спросил папа, когда дверь за дядей Колей закрылась.

– Писатель, – ответил Паганель. – Журналист. Апше, хороший человек. Коммуникабельный.

– Ноль информации, – недовольно заметил папа. – Но пусть едет – делать нечего. Только бы фельетон про нас потом не написал. А то они такие...

ГЛАВА II

Отъезд. Этот ужасный Аэрофлот.

Варенье на борту.

Когда мы приехали в аэропорт, дядя Коля уже поджидал нас возле входа.

Не знаю, сколько друзей обошел с рюкзаком дядя Коля перед отъездом, но одет он был, как сказал мой папа, с вызывающей роскошью. На нем были прекрасные туристские ботинки из желтой кожи, зашнурованные белой тесьмой, хорошо подогнанные джинсы и черная кожаная куртка. На плече дяди Коли висела офицерская планшетка. Вместе с дымящей трубкой он выглядел так великолепно, что его можно было снимать для кино в роли иностранца. Рядом с ним на земле стоял тугой, как яблоко, рюкзак без единой морщинки.

– А ну, кто смелый, сдвиньте с места, – предложил дядя Коля. Паганель схватил было рюкзак за лямки, но дядя Коля замахал на него руками:

– Что ты, что ты! Надорвешься! Ты его ногой попробуй пхни.

Паганель от души пхнул рюкзак ногой. Рюкзак не пошевелился. На нем даже вмятины не осталось.

– Какова укладочка? – хвастливо спросил дядя Коля.

Зато рюкзак Паганеля укладочкой не блистал. Это был огромный и рыхлый, какой-то двуутробный мешок со множеством топорщившихся карманов и карманчиков. Продолговатые предметы, такие, как ласты, термос, ружье для подводной охоты, «с головой» в рюкзак почему-то не уместились и грозно торчали наружу, как противотанковые надолбы. Сам Паганель был наряжен в старую защитную штормовку, в такого же цвета широченные штаны, схваченные у щиколоток резинками, отовсюду свисали у него шнурочки, веревочки, ремешки – так что вместе с рюкзаком, вместе с этими веревочками, бородой и ушами Паганель занимал ужасно много пространства.

Аккуратнее всех выглядел папа. Живот его плотно обтягивала болоньевая куртка, ниже шли конусообразные брюки «эластик», заправленные в синие кеды тридцать девятого размера. Пала был похож на ромб, поставленный на острый угол.

– Прежде всего, надо освободиться от рюкзаков, – сказал Паганель.

Никто не стал ему возражать, и мы освободились от рюкзаков одними из первых. Впереди нас оказалась только дама с двумя красивыми полосатыми чемоданами в руках. Паганель спрятал в карман талончики и помахал рюкзакам рукой:

– Летите, голуби, летите!

– Летите, голуби, – подхватил дядя Коля. – Только, пожалуйста, летите во Владивосток, а не в Ташкент.

– А что, разве бывают случаи? – встревожилась дама.

– Сколько угодно! – заверил ее дядя Коля. – Только в одном «Крокодиле» штук десять, однако, фельетонов было опубликовано на эту тему. И все без толку. Аэрофлот продолжает зафуговывать чемоданы куда попало. Прямо эпидемия какая-то.

– Позвольте! – запротестовала дама. – А если у меня там аккредитив?

– Вот это зря, – сказал дядя Коля. – Запугивать вас не хочу, но все может быть. У меня у самого однажды был случай И дядя Коля рассказал действительно ужасную историю.

Как-то он летел в творческую командировку, причем это была такая своеобразная командировка, что дяде Коле необходимо было по несколько дней задерживаться в разных городах: в Красноярске, потом – Иркутске, Улан-Удэ и так далее. Так вот, на протяжении всего этого пути дяди Колин чемодан, в котором как раз находился аккредитив, летел на полсутки впереди него. Дядя Коля бедствовал, ночевал на вокзалах и питался подаями. В Чите он ненадолго встретился со своим чемоданом, но так растерялся, что вытащил из него почему-то не аккредитив, а теплые носки. Дядя Коля обменял теплые носки на четыре пирожка с картошкой и полетел обратно. Тогда чемодан начал отставать. Он болтался на каких-то неизвестных рейсах, и в то время, как дядя Коля подлетал, допустим, к Иркутску, чемодан сидел еще где-то в Благовещенске по причине нелетной погоды. Словом, когда исхудавший, небритый, отчаявшийся дядя Коля окончательно соединился с чемоданом, то рыдал над ним, как ребенок.

Паганель с трудом дождался конца дяди Колиной истории и сразу же принялся рассказывать свою. Его история была еще ужаснее. Чемодан одного сотрудника Паганеля вот так же однажды миновал родной город и приземлился в Хабаровске. Из Хабаровска его послали в Новосибирск, но, видать, шибко разогнали – и чемодан оказался в городе Джамбуле. Джамбулские товарищи маленько перепутали и послали его вместо Новосибирска в Новороссийск, после чего чемодан начал скитаться по Черноморскому побережью Крыма и Кавказа. У сотрудника Паганеля из ценных вещей в чемодане находилась только нейлоновая рубашка, электробритва и старые джинсы, которые он всегда возил с собой вместо пижамы. Сам чемодан тоже был дешевенький, так что этот сотрудник мог, в принципе, махнуть на него рукой – как-никак он был все же кандидат наук, неплохо зарабатывал и при желании имел возможность хоть каждый месяц покупать себе по два чемодана или по десять пар джинсов. Но дело в том, что у него там, на самом дне, под нейлоновой рубашкой, лежала почти готовая рукопись докторской диссертации. И сотрудник, конечно, стал действовать. Сначала он писал жалобы: в «Литературную газету», в «Известия», в тот же «Крокодил», в Аэрофлот, в Правительство. Но потом, видя, что жалобами чемодан не догонишь, стал преследовать его лично. Он отказался от поездки на симпозиум в Швейцарию, продал коллекцию старинных монет, японский магнитофон фирмы «Соня», дачный участок – и через полтора года почти непрерывной погони настиг свой драгоценный чемодан в городе Ханты-Мансийске. Самое обидное, что за это время другой ученый, в Ленинграде, успел опровергнуть все выводы его диссертации. Так что сотрудник Паганеля оказался в результате и без дачи, и без докторской степени.

– Ну, уж я-то без дачи не останусь! – сказала дама, дослушав историю. – Черта лысого они у меня дождутся! – И, грозно свистя болоньевым плащом, она отправилась разыскивать дежурного по вокзалу.

Я летела на самолете первый раз в жизни и, честно говоря, немножко побаивалась. Но папа меня успокоил, сказав, что страшно бывает только на маленьких самолетах. На больших же обычно не трясет, не тошнит, шума турбин внутри почти не слышно, и если специально не караулить, то можно даже не почувствовать, как оторвешься от земли и окажешься в воздухе.

На всякий случай я все же зажмурила глаза и решила считать до тысячи, а к этому времени мы уж наверняка поднимемся.

При счете семьсот пятьдесят самолет два раза дернулся и снова затих. «Все, летим», – подумала я, открывая глаза. Первое, что я увидела в иллюминатор, были чьи-то толстые ноги в шерстяных носках и резиновых ботах. Ноги потоптались маленько и зашагали от иллюминатора. И тогда стало видно, что принадлежат они пожилой тетеньке, которая на полном ходу спокойно разгуливает по крылу самолета, волоча за собой шланг. Не успела я изумиться, как в самолет вошла та самая дама, плюхнулась на сиденье рядом с папой и, раскрыв сумочку, стала пудрить покрасневший от возбуждения нос.

– Я присутствовала при погрузке! – победоносно сообщила дама. – Дачу они захотели! Пусть лучше застрелятся!

Паганель высунул бороду из-за спинки переднего сиденья:

– При погрузке в самолет?

– Нет, на тележку.

– А наших рюкзачков там не заметили? – Это уже дядя Коля спросил.

– Рюкзаков не видела, – сказала дама.

– Хотел бы я знать, куда они сейчас летят? – вздохнул дядя Коля.

Мы-то сами никуда пока не летели. Это я окончательно поняла, когда из-за перегородки вышла стюардесса и сказала:

– Мужчина, сдавший в багаж ведро с вареньем, пройдите к трапу!

Кругом засмеялись и заговорили:

– Во дает, кретин!
– Ну, сейчас его чайком попотчуют!
– Надо же, додумался!
– А эта куда смотрела, приемщица?
– Физиономию ему этим вареньем вымазать!
Стюардесса похлопала в ладоши:
– Товарищи, кто сдавал ведро? Не задерживайте рейс!
– А в чем дело? – спросил папа.
– Так это ваше ведро? – наклонилась к нему стюардесса.
– Нет, не ихнее, – сказала дама. – У них рюкзаки были. А это ведро я вроде видела. Оно рядом с моими чемоданами стояло. Розовой тряпкой завязанное.
– Бедные чемоданы! – хихикнули сзади.
– Выбросить к свиньям его, раз хозяин не признается! – посоветовал кто-то.
– Выбрасывать мы не имеем права, – объяснила стюардесса.
– А вот перемажет оно другие вещи – так отвечать не будем. Так и знайте.
– Да уж, поди, перемазали, – догадалась бабушка в платочке. – Они ведь их как швыряют-то, господи! Одно слово – чужое добро, не свое.
– А-а-а, чужое! – вскочила вдруг дама, сообразившая наконец, что и ее красивым чемоданам грозит опасность. – А ты зачем сдавала его, вредительница!
– Тише вы! – сказали даме. – Чего кидаетесь? Слышали же – мужчина сдавал.
– А мне хоть черт! – заявила дама. – Я с него с живого не слезу – пусть только пятнышко останется!
– Так он и пришел за ним, – произнес тот же голос. – Сидит, поди, где-то, суслик, – хвост поджал.
Папа подумал немножко, поприкидывал в уме и сделал вывод:
– Наши рюкзаки не перемажутся. Заведомо.
– Конечно, – живо откликнулся дядя Коля. – А чего им мазаться. Они чистенькие прилетят... в Самарканд.
Мужчина, сдавший ведро, так и не отозвался, и мы полетели, заминированные его вражеским вареньем. Скоро, правда, все позабыли про это ведро – самолет набирал высоту, стало неприятно закладывать уши, пассажиры сосали леденцы и обессилено закатывали глаза.
Дядя Толя опять повернулся к нам и возбужденным голосом сообщил:
– Ну, летим. Возврата теперь нет. Через три часа будем в Иркутске, затем – еще два часа до Хабаровска, час – от Хабаровска до Владивостока и там – минут пятьдесят до бухты Посьета на местном рейсе. Короче, уже завтра утром я буду кормить вас жареными трепангами. Если поправлюсь. Пока еще чувствую слабость. Но думаю, что море и солнце поставят меня на ноги.
– Уж эти мне ученые затворники, – скептически хмыкнул дядя Коля. – Жизни не знаете. Так летать можно – только не выходя из кабинета. А где коэффициент на нелетную погоду? На несовпадение рейсов? На тетю Пашу? Тоже мне – прогнозист.
– На какую тетю Пашу?
– Которая тетя Мотя, – буркнул дядя Коля. – Погоди, еще наплачешься.
...Утром мы прилетели во Владивосток. В аэропорту было тепло, сумрачно и мокро. Сверху сыпалась водяная пыль, незаметная глазу, но такая плотная, что куртки наши через минуту заблестели, а через пять минут с них покатались тяжелые капли.
– Ну что, гады-физики? Где ваше солнце? – немедленно задрался дядя Коля.
Паганель лизнул ладонь и разнеженно вздохнул:
– Приморье. Чувствуете?.. Это ничего не значит, здесь – дождь, а в Посьете, возможно, солнце. Приморье – оно такое. Надо скорее в Посьет.
Даже сдержанный папа засуетился.

– В Посьет, в Посьет, – повторял он. – И немедленно в море. Первым делом надо поймать кальмара и сфотографироваться с ним. Представляешь кадрик, малыш, ты – с живым кальмаром в руках?!

– Это какие еще кальмары? – спросил дядя Коля – Которые корабли, что ли, топят?

Вопиющая дяди Колина безграмотность тут же была наказана – его заставили получать рюкзаки. А мы втроем пошли узнавать про билеты на Посьет.

Самолеты в Посьет, конечно, не летали. Они вообще никуда не летали. Девушка из справочного бюро прямо так и сказала:

– Рейсов нет, и неизвестно.

– Что именно неизвестно? – попытался уточнить Паганель.

– Ничего не известно, – сказала девушка.

Возле багажного павильона, подняв руки вверх, сдавался кому-то растерянный дядя Коля. Увидев нас, он, не опуская рук, шагнул навстречу и попросил:

– Понюхайте меня.

Паганель нюхать отказался, поскольку в связи с недомоганием у него заложило нос.

Папа же, вытянув шею, осторожно обнюхал рукав дяди Колиной куртки.

– Варенье, – определил он. – Смородиновое. Кондиционная вещь.

– Ага, кондиционное, – согласился дядя Коля. – На клею оно, что ли? Не оттирается, холера! – Он кивнул на рюкзаки.

И тогда мы сообразили, что рюкзаки наши потемнели не от дождя – они были густо залиты смородиновым вареньем...

ГЛАВА III

Будущий Сан-Франциско. Куда люди едут.

Встреча с Японским морем.

Кроме дяди Толи-Паганеля, никто из нас до этого не бывал во Владивостоке. Даже папа, объездивший большую половину мира. Со стороны, однако, могло показаться, что, наоборот, никогда не бывал в этих краях один Паганель. Он высовывал нос в неплотно прикрытую дверь автобуса, шумно вдыхал целительный морской воздух, ахал, причмокивал и без конца тормозил нас, приглашая любоваться окрестностями дороги, ведущей из аэропорта в город.

Так продолжалось до середины пути, а потом мы отмучились. Похвала здешних мест очень растрогала одного дядьку, местного жителя.

Этот местный житель сначала с гордостью сообщил Паганелю, что по генеральному плану развития Владивосток скоро превратится во второй Сан-Франциско, а затем, схватив его за плечи, стал тыкать лбом то в одно, то в другое окно, выкрикивая: «Посмотрите направо!.. Посмотрите налево!» Дядька беспокоился, видать, как бы приезжий человек не пропустил какой достопримечательности. У него даже нос вспотел от старания

Особенно трудно Паганелю пришлось и самом городе, где новые дома и жилмассивы пошли один за другим. Дорога бежала с сопки на сопку, кинотеатры, рестораны, здания башенного типа так и выныривали навстречу, и не успевал Паганель пробормотать: «Апше, действительно, здорово», – как распалившийся местный житель уже поворачивал его в другую сторону, чтобы он успел кинуть взгляд на бухту Золотой Рог или бывшую Корейскую слободу, которая – и правда – была очень красива.

Местный житель до того закружил Паганеля, что, когда мы вылезли из автобуса возле железнодорожного вокзала, Паганель, выписывая пологий вираж, боком-боком пошел прямо под катящийся с горы трамвай. Дяде Коле с папой пришлось ловить его и, выкручивая руки, оттаскивать в сторону.

День разгулялся. Светило солнце, такое яркое, что казалось, будто хмурое дождливое утро было не два часа тому назад, а в прошлом году и за две тысячи километров отсюда. Мимо

железнодорожного вокзала с песней шли военные моряки. Высоко в синем небе летели неторопливые «кукурузники» – в Посьет, Сучан и порт Находку. А наш поезд уходил только поздно вечером.

Паганель посмотрел на соседнее здание, по фасаду которого тянулись слова: «Владивосток – порт четырех океанов», и сказал, что можно попытаться уплыть морем. И они с папой ушли на разведку, а мы остались караулить рюкзаки и читать надписи на подоконнике вокзала.

– «С бичей в армию!» – вслух прочел первую надпись дядя Коля и посочувствовал: – Отпрыгался парнишка.

Рядом было написано почти стихами: «Дорогая Надя! Шлю тебе я привет – вышли рыбы и конфет!»

«Что делать?» – спрашивали химическим карандашом.

«Делать можно все, – отвечали шариковой ручкой. – Женица или выйти замуж. Даже можно... сами догадывайтесь».

Под ответом кто-то нацарапал гвоздем: «Правильно твоя губа шлепнула! Делать можно все!»

И поверх карандашей, авторучек, гвоздиков были вырезаны слова: «ТЯПА И БУГАЙ ЗДЕСЬ БЫЛИ».

– Ах, Тяпа и Бугай, Тяпа и Бугай! – вздохнул дядя Коля. – Вас-то куда понесло?... Куда, вообще, люди едут, старуха?

Я не знала, что ответить. Просто посмотрела вокруг. Все и правда, ехали куда-то. В разных направлениях по вокзалу озабоченно спешили люди: сгибались под тяжестью огромных рюкзаков, несли раздувшиеся авоськи, волокли бьющие по ногам чемоданы...

– Не надо спрашивать их, – положил мне руку на плечо дядя Коля. – Они все равно не скажут правды. Они не знают ее. Я тебе отвечу.

У истока любого путешествия, сказал дядя Коля, начиная с плавания Христофора Колумба и кончая воскресной вылазкой за город, всегда надо искать энтузиаста – такого ушастого длинноногого человека, со сбившейся набок бородой и вытаращенными от восторга глазами... В целом человечество не любит путешествовать – это надо твердо знать, человечество любит по утрам ходить на работу, покупать месячные проездные билеты на троллейбус, варить сосиски в целлофановой обертке, а по вечерам сидеть у телевизора и размышлять: натуральные или крашенные волосы у диктора Центрального телевидения Анны Шиловой.

Но где-то существует энтузиаст. У энтузиаста нет телевизора. У него есть глобус. Поэтому он в свободное от работы время елозит носом по глобусу, отыскивая места, где невозможно пройти в лакированных туфлях, где имеется наибольшее количество шансов заблудиться, утонуть, вывихнуть ногу и подвергнуться нападению диких животных. Выбрав самое гиблое место, энтузиаст хватается трубку и звонит приятелям: «Старик, есть прекрасная идея! – кричит он. – Есть идея махнуть в тартарары! Маршрут двадцать четвертой категории трудности! Пять восхождений, двадцать бродов и четыре обвала! Кроме того, есть надежда, что потреплет штормиком!..» Легче всего клюют на такое людоедское предложение почему-то люди, которые никуда дальше городского парка культуры и отдыха не выезжали, а штормы и обвалы видели только в кино. Лично дядю Колю, когда ему позвонил такой энтузиаст («Не будем называть фамилию», – сказал дядя Коля), совратило слово «Курилы». Наверное, из-за созвучия с кораллами. Курилы – кораллы – коралловые рифы – голубые лагуны – белые яхты. И дядя Коля согласился.

Однако дальше про энтузиаста. Уже через несколько дней знакомые его бегают по магазинам в поисках кирзовых сапог и телогреек. Сам же он в это время лежит на диванчике и посвистывает в кулак. У него-то все имеется: есть рюкзак, есть спальный мешок на гагачьем пуху, пуленепробиваемая штормовка, палатка, котелок и топор. Все это хранится у него в кладовке

с позапрошлого года, когда он заманил вот таких же доверчивых людей в Уссурийскую тайгу, откуда их потом, больных цингой, вывозили на вертолетах.

В самый последний момент, правда, наиболее трезвые люди успевают отказаться от поездки – под предлогом болезни живота. Остаются два-три слабовольных человека, которые больше всего боятся, как бы их не обвинили в отсутствии характера. Очень скоро эти несчастные жертвы начинают понимать, в какую авантюру они оказались вовлечены. Они спят в палатках, имеющих свойство впускать комаров и не выпускать их обратно, умываются ледяной водой, которую терпеть не могут и от которой у них трескаются губы, грызут черствые сухари и получают у костра ожоги первой степени. Но у них не хватает мужества прекратить эти муки в самом начале пути.

Произнеся все это, дядя Коля умолк и задумался. Потом вдруг шагнул к рюкзакам и решительно схватил за ляжки верхний. Я подумала, что сейчас он, наверное, взвалит его на плечи и, не оглядываясь, уйдет назад по шпалам железной дороги. Но дядя Коля никуда не ушел. Он отшвырнул рюкзак, выдернул завалившуюся под него планшетку и пробормотал:

– Это надо записать. Это может пригодиться.

Папа с Паганелем вернулись и начали вслух прорабатывать варианты – как нам ехать: через восемь часов на поезде – но зато утром мы будем в поселке Краскино, откуда шесть километров ходу до Посьета, или же через два часа на катере, но тогда мы поздно вечером придем в Славянку, там неизвестно как переночуем и лишь потом на автобусе поедem в Краскино, откуда все те же шесть километров до Посьета.

– Давайте лучше морем, – попросила я.

– Не мешай им, старуха, – сказал дядя Коля. – Конечно, мы поплывем. Но пусть посравнивают. Ученые люди, все же. Иначе они себя уважать перестанут.

Папа и Паганель все сосчитали, перемножили, разделили, внесли поправки и приняли окончательное решение: ехать поездом. Но море сияло под солнцем, вкусно пахло водорослями и мазутом, у причала толпились белобокие теплоходы, над мачтами парили чайки.

– Аппсе, неплохо бы и поплыть, – вздохнул Паганель. – Подышать ионами. Но тогда мы за два часа не успеем взять Владивосток.

– Возьмем! – заверил его дядя Коля, давно карауливший этот момент. – Заберем на сопку, которая повыше, и возьмем.

Так мы и сделали. Эскалатор поднял нас на сопку под названием Голубиная, и сначала мы оказались на маленьком базарчике, на «блошином рынке», как их называют во Франции, – сказал папа. Здесь торговали вареными креветками, японскими зонтиками и шерстяными кофточками, магазинными полуботинками на микропорке, сигаретами «ВТ», болоньевыми плащами и школьными учебниками. И вообще, наверное, здесь всем торговали, потому что даже к даме, прогуливающей крохотную японскую собачку, подошли два молодых человека и серьезно спросили: «Почем?»

– Говорил я вам, что здесь почти Одесса! – ликовал Паганель. – Все приморские города похожи друг на друга.

Как в Одессе, наверное, к нам подошел гражданин с тонкими усиками, дружелюбно спросил: «Откуда сами?», а узнав, откуда, посочувствовал: «Из далекой Сибири, выходит».

А потом мы сидели на самом вершине Голубиной сопки, на горячих камнях, рассматривали в бинокль прекрасный город Владивосток – почти Сан-Франциско – и ели вареных креветок. Паганель, напрактиковавшийся в своей родной Одессе, шелушил их с необыкновенным проворством и говорил:

– Завтра мы будем черпать это добро ведрами

...Возле зыбкого деревянного причала покачивались два маленьких катера – «Мезон» и «Нуклон» Папа и Паганель пришли в непонятное волнение, стали подталкивать друг друга локтями и перемигиваться.

– Вы чего? – покосился на них дядя Коля.

– Это же элементарные частицы! – кивнул на катера Паганель. – Вот тебе примета времени! Можешь представить, насколько популярна физика и в какие области она косвенно проникла.

Дядю Колю этот факт, однако, совсем не восхитил.

– Хорошо, – сказал он, – что ваша чертова физика не проникла дальше, и поплывем мы не на этих лилипутах, а на судне поприличнее.

И дядя Коля ткнул трубкой в третий, пузатый и крепкий на вид, катер, куда уже шла погрузка:

– На таком хоть в океан.

– Ну, в океан не в океан, – снисходительно сказал папа, пересекший за свою жизнь три океана.

Большинство пассажиров разместилось на носу катера (на баке, сказал папа). Сидели на чемоданах, рюкзаках, на железных крышках люков. Некоторые вскарабкались даже на борт. Тут же играли в прятки два неизвестно чьих конопатых пацана и толстая бабушка быстро вязала чулок, шевеля губами. У всех пассажиров, не считая пацанов, были обветренные мужественные лица бывалых людей. Но прекраснее всех выглядел дядя Коля со своей капитанской трубкой в зубах. Сначала катер бежал ровно, но потом его начало покачивать, и тогда бывалые стали пугать друг друга.

– Вот выйдем из бухты – начнет поливать! – говорили они зловеще.

– Ага, сейчас закуривай!

– Держись за землю губами! Но с палубы почему-то никто из них уходить не торопился.

Теперь я думаю, что виноват во всем был дядя Коля. Он так спокойно посасывал свою трубку, так небрежно шурился на вспухающие за бортом волны, что остальным пассажирам, видать, неудобно было прятаться от опасности в присутствии морского бродяги.

Первый фонтанчик вырвался из отверстия, в которое уходила якорная цепь.

– Ай-ай! – хихикнул Паганель и попытался закрыть отверстие ботинком.

Из отверстия плюхнуло сильнее, и ботинок моментально промок.

– Только этого не хватало, – загрустил Паганель. – Не хватало промочить ноги сейчас, когда я еще чувствую слабость.

Но грустил он недолго. Большая волна накрыла его с головой, в белой пене мелькнули оба промокших дяди Толиных башмака.

Я схватилась за папу, папа – за якорную цепь – и мы удержались. Все остальные пассажиры уже катились по скользкой палубе к борту. Волны догоняли их, переворачивали, рвали из рук чемоданы и авоськи.

– Спасайте детей и женщин! – страшным голосом закричал дядя Коля. Расставив ноги и согнувшись, он держался за свой чугунный рюкзак, который не оторвал бы от палубы и девятибалльный шторм.

Первым спас ребенка Паганель. Его припечатало спиной к переборке и прямо в объятия заплеснуло одного из конопатых пацанов.

Паганелю не за что было ухватиться руками – и он спас мальчишку. Следом, подталкиваемая волной, к нему мелко присеменила бабушка с вязанием. Паганель заодно спас и бабушку.

Через минуту в салоне, вымокшие с головы до ног, мы пересчитывали раны. У папы было разбито колено, у Паганеля сочилась кровь из губы, проткнутой бабушкиной спицей.

– Где твой рюкзак? – вдруг спросил его дядя Коля. Паганель, пососав губу, гордо ответил:

– Я спасал детей и женщин!

– Карамба! – прорычал дядя Коля и, втянув голову в плечи, ринулся на палубу. Когда раскисший рюкзак шлепнулся рядом с остальными, Паганель сознался еще в одной потере.

– Очки смыло, – виноватым голосом сказал он.

Дядя Коля, подавив судорожный вздох, расстегнул на нем штормовку и вынул пропавшие очки из внутреннего кармана.

– Потрясающе! – изумился Паганель. – Как их туда занесло? И это всего лишь Японское море. Представляете, что нас ждет в океане?

Дядя Коля сердито сказал, что лучше бы это Японское море, а вместе с ним все другие моря и океаны, в один прекрасный момент пересохли к чертовой матери. Он также ничего не будет иметь против, если заодно пересохнут искусственные водохранилища, материковые озера, великие реки, речушки, ручейки и арыки.

Дядя Коля был очень расстроен. У него промокла трубка, и пользоваться ею снова можно было теперь не раньше, чем часа через полтора.

ГЛАВА IV

Ночлег в Славянке. Мы ищем биостанцию.

Заночевали мы на катере, который остался у причала Славянки до утра.

Команда сварила флотский борщ. Дядя Толя достал большую граненую бутылку с тремя богатырями на этикетке. Один из моряков посмотрел на эту бутылку, цокнул языком и принес пузатый графин со спиртом.

Меня отсадили за отдельный столик и налили такую великанскую миску борща, что я, не доплыв до середины ее, начала клевать носом.

Папа два раза сказал: «Малыш – на боковую», – и забыл про меня, потому что у них за столом завязался интересный мужской разговор.

Раскрасневшийся капитан стащил через голову рубаху и остался в одной майке. По толстым волосатым рукам его плыли русалки и пароходы. Ссутулившийся механик, который, наоборот, не снял даже фуражки с крабом, все повторял: «Лендлиз... Лендлиз». Моряки вспоминали, как во время войны они возили через океан американскую помощь, как боялись японских подводных лодок, как в городе Сан-Франциско, в специальном магазине для русских, они покупали широкие штаны, которые сами американцы тогда уже не носили, и туфли на шпильках. Они до сих пор удивлялись тому, что на всех четырех этажах магазина не было ни одного продавца, а товары лежали навалом – подходи и бери.

Радист, какой-то все время разламывающийся на части и выпрыгивающий из себя человек, хотя по молодости американских грузов не возил и штанов в Сан-Франциско не покупал, хотел, чтобы его слушали больше всех.

– А вот я!.. – выкрикивал он то и дело. – А вот у меня!.. А вот у моего брательника!..

Дядя Коля уловил наконец момент, когда можно говорить совсем откровенно, и спросил по-простецки:

– Ну, ладно, мужики... Вот вы опытные морские волки. Как же вы нас на выходе из бухты искупали? Знали, небось, что начнет поливать? Чего же не прогнали людей с палубы?

– Да ведь разве вас прогонишь? – сказал капитан. – Народ – он баран. Мы еще специально бортом к волнам развернулись.

– Завсегда так делаем, – признался механик. Тут капитан сообразил, наверное, что сканули лишнее, и недовольно одернул механика:

– Чего болтаешь, Власыч!

А радист, который задремал было, вдруг проснулся и сказал:

– Да... Почему такое?.. Почему мы другим ничего не рассказываем, а вам – все? Вы какие есть люди?.. Вас утопить надо!

К счастью, капитан с ним не согласился. Капитан зевнул и сказал, что пора спать.

И мы живыми ушли в отведенный нам маленький носовой кубрик.

Опьяневший же радист еще долго шаршился по палубе, стучался о переборки и кричал, что мы наверняка шпионы. Или, того хуже, – корреспонденты. И тогда нас обязательно надо побросать за борт.

... Утопить нас не утопили, но утром подняли чуть свет. Морякам надо было готовиться в обратный рейс.

– Давай, давай, ребята! Не телись! – поторапливал нас радист.

Вдоль берега стояли уютные домики – двухэтажные, с верандами, украшенные цветным кирпичом. «Колониальный стиль», – сказал папа. На сопках, окружавших Славянку, росли непривычные деревья, с высоко поднятой и отброшенной на одну сторону кроной.

Из-за края дымящегося туманом моря выползло огромное солнце.

На витринах закрытых еще киосков лежали диковинные консервы «Банановый джем» и «Славянский ерш».

Подошел маленький автобус, и мы отправились в Посьет. Утро становилось все теплее и солнечнее, сопки, окружавшие дорогу, были очень красивы. От всего этого, да еще от предвкушения будущих удовольствий, у нас возникло прекрасное настроение. Дело в том, что мы ехали в Посьет не наобум Лазаря, а к хорошим друзьям Паганеля, работающим там на биостанции. И Паганель, кроме теплого моря, которое он гарантировал в любом случае, твердо обещал нам лодки, акваланги, пищевое довольствие, а возможно, и отдельный домик.

– В крайнем случае поставим палатки, – говорил он, – но только в крайнем. Думаю, они нам не понадобятся.

За такую щедрость все прониклись к нему большим уважением, а дядя Коля даже один раз назвал его в разговоре «командором».

В Посьете, однако, про биостанцию ничего не знали. Какой-то сжалившийся строительный начальник целый обеденный перерыв возил нас на своем газике по крутым улочкам поселка, сам стучался в двери разных учреждений, спрашивал – но бесполезно.

Наконец мы приехали на берег моря, и здесь водитель угрюмо сообщил начальнику, что бензин кончился.

Потом он посвистел маленько и сказал:

– А станцию эту я знаю. Она не здесь, она под Славянкой работает.

– Ты что же молчал, Петрович? – обиделся начальник.

– А-а, вам хоть говори, хоть не говори...

– Тьфу на тебя, малахольного! – в сердцах плюнул начальник.

– Ну, что? – спросил папа, когда мы вылезли из газика. – Назад в Славянку?

– Никуда я дальше не поеду, – сказал дядя Коля. – Хватит! – и он сбросил на землю рюкзак, отчего глазевшая на нас собака испуганно шарахнулась в сторону.

– Да и куда ехать-то? Вы посмотрите вперед.

Мы посмотрели.

Прямо перед нами коротким сапожком уходил в море красивый, как на цветной открытке, полуостров. «Голенище» этого «сапога» занимали длинные строения рыбоучастка, возле ворот которого мы стояли; у «каблука» лепилось несколько домиков, а «носок» – зеленый и тупой – врезался в море, и у окончания его кипели белые волны.

– Да-а, – вздохнул Паганель. – Швейцария!

– Ну, Швейцария не Швейцария, – хмыкнул папа, не раз бывавший в Швейцарии.

– Нет, не Швейцария, – сказал дядя Коля. – Это настоящий Капри!

– Ну, Капри не Капри, – пожал плечами папа, которому доводилось бывать и на Капри.

– Во всяком случае, – заметил дядя Коля, – если существует рай на земле, то он должен выглядеть именно так. Или примерно так. Вступим же во врата рая, – он показал на калитку рыбоучастка, – пока в них не возник архангел с берданкой.

ГЛАВА V

Дяди Колин рюкзак. Среди картошки.

Первые дары моря.

Лучший укладчик рюкзаков среди нас дядя Коля. Он говорит, что это у него врожденный талант. Потому что опытом дядя Коля похвастаться не может. Ни туризмом, ни альпинизмом он не увлекался, в походы не ходил, у костров не ночевал и палатки в бурю не ставил. Просто дядя Коля однажды видел, как укладывал рюкзак какой-то знаменитый турист, мастер спорта, и этого ему оказалось достаточно.

А мастер так утрамбовал свой рюкзак, что между вещами невозможно было просунуть палец.

И действительно, рюкзак у дяди Коли уложен научно. Во-первых, все твердое и остроугольное помещается внутри, а все мягкое – по краям. Поэтому дяди Колин рюкзак не трет спину, не давит, его можно швырять, пинать ногами, ставить сверху контейнеры без боязни раздавить что-нибудь.

По виду рюкзак у дяди Коли самый маленький, но по весу ему нет равных. Когда дядя Коля роняет его на землю, земля явственно вздрагивает. Прежде чем надеть рюкзак, дядя Коля напрягает мышцы, делает несколько вдохов и выдохов, наклоняется – и рывком, как русский богатырь Василий Алексеев свою штангу, кидает рюкзак через плечо. Рюкзак издает короткий снарядный вой и шлепается на худую дяди Колину спину. «Ап!» – выкрикивает дядя Коля, сгибаясь в коленях. Находиться в этот момент рядом с ним небезопасно – можно получить контузию.

Вообще дяди Колин метод укладки можно было признать идеальным, если бы рюкзак время от времени не приходилось распаковывать. Первый раз это пришлось делать в Посъете, когда мы устраивали лагерь. Дядя Коля распустил на рюкзаке все веревочки и какое-то время стоял над ним в глубокой задумчивости. Затем попытался просунуть внутрь палец. Палец не просунулся. Тогда дядя Коля ухватился за что-то там двумя руками, раскрутил рюкзак, как молот, и кинул – рассчитывая, наверное, что рюкзак полетит, а то, за что он ухватился, останется у него в руках. Но то, за что он держался, не выдернулось – и вцепившийся мертвой хваткой дядя Коля исчез вместе с рюкзаком в окружавшем площадку кустарнике.

После этого они приступили к распаковке вдвоем с Паганелем.

Паганель взялся за углы рюкзака, а дядя Коля за то самое, неподдающееся, внутри него, и они, раскачиваясь по команде, стали дергать рюкзак каждый в свою сторону. На четырнадцатом рывке рюкзак с пугающим звуком взорвался. Паганель полетел в кусты, а дядя Коля на этот раз – в сторону моря, к обрыву. Дядю Колю спасла раскрывшаяся, как парашют, палатка (это за нее он, оказывается, все время держался).

– Ну что? – горделиво спросил мастер укладки, когда исцарапанный Паганель выбрался из кустов.

– Потрясающе! – признался Паганель, выплюнув изо рта полынь. – Одного не могу понять: как она в рюкзак залезла.

– Хо-хо! – сказал дядя Коля. – Залезла! У нас залезет! Это у вас, физиков, не залезет, а у нас, у лириков, залезет! Но вот уж установка – по твоей части. Учти – я в этом деле ни в зуб ногой. Так что – командуй.

Паганель растерянно посмотрел на гигантскую кучу брезента, веревок, застежек и ответил, что вообще-то ему, конечно, приходилось в своей жизни сотни раз устанавливать палатки. Он, будьте здоровы, ставил их и ночью – на ощупь, и в проливной дождь, и в пургу, и в гололедицу. Однако, заметил он, это, безусловно, какой-то особый тип палатки – и предстоит повозиться. Хотя, впрочем, принцип, разумеется, один – прежде всего нужно отыскать днище.

Мы с папой давно установили свою палатку, выбрали и расчистили место для костра, папа достал ласты, маску, привязал к поясу авоську и ушел на первую подводную охоту... А дядя Коля с дядей Толей все еще барахтались в складках брезента, сдавленными голосами выкрикивая:

– Тяни за этот конец!

- Стоп! Не тяни!
- Где вход? Где-то должен быть вход!
- Закрепляй! Закрепляй, кому говорю!

Наконец палатка поднялась. Господи, что это было за строение! Громадный островерхий шатер с окнами-бойницами и входом, пригодным для двустороннего автомобильного движения. Наверное, такие палатки ставил князь Ягайло в битве при Грюнвальде. Во всяком случае, средневековый рыцарь в полном вооружении и на бронированном коне мог въехать в нее, не пригибая головы. Дядя Коля с Паганелем долго еще бродили вокруг палатки, аукаясь, – проверяли, хорошо ли натянуты веревочки.

Потом Паганель вытер пот со лба и сказал, что вообще-то не мешало бы попробовать море. Однако лично ему с этим спешить, пожалуй, не стоит, так как он все еще чувствует некоторую слабость. А лучше он теперь поспит. Сон на свежем воздухе, сказал Паганель, поставит его на ноги.

Приняв такое решение, он забрался в успевшую раскалиться палатку и задраил за собой полог – на все двадцать четыре застежки... Мы с дядей Колей сразу осиротели.

Я вдруг представила себе – как будто сверху посмотрела, – что вот сидим мы на этом узком мысу совсем одни, с трех сторон окруженные водой, а все остальные люди где-то далеко-далеко позади нас. И не только люди, но и дома, трамваи, голуби, магазины, телевизоры, цистерны с квасом и тележки мороженщиц. А впереди нас – только море и море, до самой Японии, бесконечное и пустынное, если не считать папы, который плавает в нем вот уже второй час – крохотный и беззащитный, словно пылинка в космосе.

Когда я так подумала про папу, у меня даже мурашки по спине пробежали.

Наверное, дядя Коля почувствовал то же самое, потому что он резко вскочил и прикрикнул на меня:

– Но-но, старуха! Надо действовать!

Надо действовать, сказал дядя Коля, хлопотать, суетиться, придумывать пусть даже необязательные дела – только так, видимо, и следует вести себя вдаль от цивилизации. Нам, в частности, сказал дядя Коля, надо запастись пресной водой.

Нарочно гремя и звякая, мы собрали все котелки, бидоны, фляжки и отправились за водой. Но не успели мы сделать и двух шагов, как путь нам загородил сердитый дядька в грязно-белой рубаше навывпуск и с лопатой в руках. Видать, дядька давно уже таился поблизости, дожидаясь, когда мы ступим за пределы своего лагеря.

– Ну шо? – грозно спросил он. – Так и будем топтать картошку?

– Какую картошку? – растерялся дядя Коля.

– Як какую?! – затрясся от возмущения дядька. – Як какую!..

А ото шо? – он ткнул лопатой возле сапога. – Разувай глаза!

Дядя Коля, низко пригнувшись, осмотрел, чуть ли не обнюхал плотный ковер из цветущей сурепки, пырея, еще какой-то травы и честно признался, что не видит здесь картошки.

– А я не бачу, шо ты чоловік! – высокомерно сказал дядька.

– Ну, хорошо, – сдался дядя Коля – Раз, как вы утверждаете, здесь посажена картошка, мы будем ходить по меже. То есть, я хотел сказать, по обочине.

И мы двинулись по меже, которая одновременно была и обочиной, потому что проходила по краю скалистого обрыва, заросшего высокими, почти в человеческий рост лопухами. Под лопухами оказались незаметные сверху канавы и промоины, дядя Коля то и дело оступался, нырял с головой в бурьян и раздраженно бормотал:

– Ах, как мило!.. Чудесно! Проехать шесть тысяч километров. Ночевать на рюкзаках. Голодать, нервничать, мерзнуть. Тонуть в Японском море! И ради чего? Чтобы услышать сакраментальную фразу: «Значит, так и будем топтать картошку?» Кошмар! Где найти приют и отдохновение?

Когда мы вернулись с водой, посреди лагеря стоял еще не успевший обсохнуть папа, а у ног его, как на владивостокском толчке, был разложен первый улов: остроконечные морские звезды и морские ежи. Ежей я не сразу узнала, потому что до этого видела только одного, он лежит у нас дома, на серванте, выпотрошенный, засохший, с повалившимися иголочками. А это были упругие шевелящиеся шары – черные, с длинными сверкающими иголками, и маленькие серые, похожие на замерзших взьерошенных детенышей этих черных.

– Руками не трогать! – предупредил папа, увидев нас.

– Да-да, руками ни в коем случае, – сказал дядя Коля и тут же схватил самого большого ежа. – Черт их знает, старуха, может, они ядовитые.

– Положим, ядовитыми они никогда не были, – снисходительно заметил папа. – Но уколоться можно. Малыш, отойди! – тут же закричал он на меня. – Можешь потрогать звезду. Об нее, по крайней мере, не уколешься. Заведомо.

Из палатки вылез разомлевший Паганель. Сон не принес ему облегчения, он по-прежнему чувствовал себя неважно. Превозмогая слабость, Паганель боком подкатился к папиным трофеям и болезненным голосом начал лекцию:

– Посмотрите на это уникальное сооружение, – пригласил он, поднимая на ладони ежа. – У него сотни иголок, и каждая имеет самостоятельную подвеску. На первый взгляд, они шевелятся беспорядочно – не так ли? Но вот я ставлю его на землю. Обратите внимание, как слаженно они действуют при видимой хаотичности. Куда он ползет, позвольте спросить? Он ползет не на северо-запад, а именно на юго-восток – в сторону моря. Потрясающе! Идеальный луноход! Человечество еще тысячу лет не сможет построить такой механизм. – Тут в глазах у Паганеля появилась какая-то мысль. – Ну-ка, дайте мне нож! – приказал он, не спуская глаз с ежа, и жестом хирурга протянул в сторону руку. – Ведь в них должна быть сейчас икра. Черт побери! Икра морских ежей! Знаменитое тонизирующее средство! Это поставит меня на ноги.

И взяв свой охотничий тесак, Паганель принялся безжалостно крошить уникальные сооружения природы на глазах побледневшего папы.

– Чувствую прилив сил, – сообщил он после десятого примерно ежа. – Заметно поправляюсь... А вкус какой! Это вам не из баночек. Рекомендую, – Паганель подцепил икру на кончик ножа и протянул папе. – Можно без соли.

– Кушай, кушай, – сказал папа, отворачивая лицо. – Мы здоровые – нам ни к чему...

ГЛАВА VI

Куда девалась рыба? Повседневные заботы.

Бой с комарами.

Уже пятый день мы живем в палатках в бухте Посьета. Жизнь наша протекает так.

Папа, проснувшись утром, на скорую руку выпивает полчашки растворимого кофе и ныряет в море, чтобы вынырнуть только к обеду. Папа – главный наш добытчик. Гребешками, трепангами, икрой морских ежей он уже накормил нас и теперь хочет подстрелить рыбу. Но рыба ему не попадается, о чем он и сообщает нам всякий раз с большой растерянностью.

– Нет рыбы, – говорит папа, обводя нас тревожным взглядом. – Совершенно нет. Просто удивительно.

– И скоро совсем не будет, – успокаивает его Паганель. Рыбные запасы, говорит Паганель, основательно подорваны – это общеизвестный факт. Подумать только, еще лет пять назад он покупал в магазине свежую стерлядь. По три рубля за килограмм. Теперь Паганель готов отдать за килограмм двадцать три – но кому отдавать? Рыбы нет даже в Одессе. Завалешего бычка не найдешь. Один хек серебристый. Это в Одессе – скумбрийной, ставридной и кефальной! «Шаланды, полные кефали, в Одессу Костя приводил». А теперь что он туда приводит? Шаланды, полные свежемороженого хека?

Если Паганель знает за одесскую рыбу, то дяде Коле известно все про обскую. Раньше в Оби было очень много рыбы. Она там, можно сказать, кишмя кишела. Дядя Коля сам, когда еще был студентом, ловил стерлядь на том месте, где теперь построена Обская ГЭС. Он брал обыкновенную бельевую веревку, привязывал к ней ржавый крючок, цеплял червяка и забрасывал эту пустяковую снасть в воду. Стерлядь хваталась, как сумасшедшая. А недавно вот дядя Коля по своим журналистским делам плывал по Оби. Он проплыл почти три тысячи километров, от Новосибирского водохранилища до Карского моря, но рыбы так и не обнаружил. Только один раз шкипер самоходки угостил его кусочком полусырого язя, да еще в городе Нижневартовске дядя Коля встретил как-то человека, несшего на прутике двух чебаков.

Правда, был еще третий случай – в самых низовьях, почти в Обской губе. Однажды прямо к сидевшему на бережку дяде Коле выплыл из камышей катер без опознавательных знаков, весь увешанный по надстройкам осетрами. Но когда дядя Коля спросил у небритых мужчин, управляющих катером, где они взяли рыбу, те грубо ответили: «А тебе какое дело, крыса!» – и уплыли обратно в камыши.

– Аппе, я очень опасаясь, что уже ближайшие наши потомки будут всерьез полагать, будто рыбу добывают из рыбных консервов, – подводит итог Паганель.

Папа после таких собеседований обычно говорит:

– Пойду все же попробую еще. Только бы мне ее встретить –

уж я не промахнусь.

И он опять ныряет в море – на этот раз до ужина.

В промежутках между ныряниями папа воспитывает меня: за то, что я карабкаюсь к лагерю по скалам, обдирая колени; за то, что плетусь как черепаха в обход, когда могла бы пулей взлететь по скалам; за то, что не хочу идти в воду; за то, что отказываюсь вылезать из воды; за то, что сижу сложа руки, как барыня; за то, что суюсь не в свое дело... Методов воспитания у папы несколько. Чаще других он употребляет показательный, или – как я его про себя называю – метод вопросов и ответов.

– Малыш, а что сейчас на моем месте сделала бы мама? – спрашивает он. Отвечать нужно так:

– Мама взяла бы ремень.

– Заведомо, – кивает папа. – А я что делаю?

– А ты ограничиваешься замечанием.

– Вот именно, – соглашается папа. – А ты что должна делать?

– А я должна это ценить.

– Молодец, – совсем уже благодушно говорит папа – Соображаешь.

Это метод понарощечный. Папа любит демонстрировать его перед дядей Колей и Паганелем, чтобы показать им, какое у него хорошее взаимопонимание с дочерью.

Второй метод – заугольный. Его папа не любит демонстрировать. Поскольку углов здесь нет, папа уводит меня за палатку и там, раздувая ноздри, сдавленным голосом спрашивает:

– Ты чего добиваешься, дрянь?! Хочешь, чтобы я немедленно отправил тебя домой? Ты этого хочешь, говори?

Можно, конечно, ответить: «Ага, хочу», – все равно ведь папа не отправит меня одну за пять тысяч километров. Но, во-первых, я понимаю: дети – а я, в глазах папы, ребенок, да еще и настырный – не должны так отвечать. И во-вторых, мне кажется, что если я так отвечу, раскаленный докрасна папа просто разорвется на мелкие кусочки.

– Не хочу, – говорю я, потупясь.

– Ну, смотри! – Папа трясет пальцем перед моим носом. – Последний раз предупреждаю! Последний!

Дядя Коля рубит дрова для костра, моет посуду, проветривает палатки, ходит за пресной водой. Целыми днями он хлопочет, трубка его, не переставая, дымит, отчего дядя Коля напоминает маневровый паровоз, снующий туда-сюда по рельсам.

К морю дядя Коля относится как к одному из обязательных дневных дел: раз уж приехали за тридевять земель, надо купаться, ничего не попишешь. Раза три-четыре за день он спускается на пляж, с озабоченным видом сбрасывает одежду и быстро отплывает метров на пятьдесят. Потом так же быстро возвращается и бегом выскакивает на берег. Дядю Колю бьет крупная дрожь.

– Б-б-большая теплоотдача, – извиняется он. – Очень скоро замерзаю. Даже в теплой воде.

– Напрасно ты не хочешь нырнуть, – ласково уговаривает его Паганель. – Ты лишаешь себя двух третей удовольствия. Там, под водой, совершенно потрясающий мир.

– Б-б-боюсь, – говорит дядя Коля, прыгая на одной ноге. – Ну его к лешему. В-вода в уши нальется.

Паганель, больше всех грезивший морем, не купается вовсе. Он сидит на берегу, скрестив по-восточному ноги, и радуется, глядя, как ныряют другие.

– Правда ведь, замечательно? – заглядывает он нам в глаза. – Ну, сознайтесь, что это прекрасно. Помните, я говорил: здесь лучше, чем на Черном море!

У Паганеля такой довольный вид, словно он лично подарил нам и этот живописный мыс, и маленький пляж, усеянный ракушками, и поднимающийся напротив двугорбый остров с белым маяком. Один лишь раз за все время Паганель сам окунулся. Он торжественно надел ласты, выполнил полное йоговское дыхание, по всем правилам – пятками вперед – забрел в воду, отплыл метров на десять, нырнул, красиво взбрыкнув ногами, достал со дна маленького уродливого гребешка, сказал: «Потрясающе!» – и тут же вернулся назад.

Дядю Колю, кроме большой теплоотдачи, терзает еще бессонница. Обнаружилось, что он не может спать в палатке. Дядя Коля считает, что это из-за комаров. Не потому, что они кусают его. Мы все спим в спальнях мешках, выставив наружу только носы: мешок комар прокусить не в силах, а с носа его всегда можно сдуть. Дядю Колю угнетает комариный писк. Лучше бы уж волки выли, говорит он, это, наверное, легче. А комариный писк действует ему на нервы. Особенно, когда комар вьется где-то в ногах, тычется бесполезно, не находит лазейки, начинает раздражаться и взвизгивать. Это раздражение передается дяде Коле, ему в такие моменты хочется сказать:

«Ну что ты там зудишь?! Лети сюда – вот открытое место. Кусай – только замолчи!»

Так он лежит по целым ночам и злится.

Правда, какую-то пользу можно извлечь даже из бессонницы, говорит дядя Коля. Например, он любит восход солнца, который мы регулярно просыпаем. Еще дядя Коля знает, что по утрам из поселка прибегает собака – вылизывать наши миски, сложенные под кустиком.

Но польза пользой, а бессонница здорово подкосила дядю Колю. Он еще более заострился, потерял аппетит, под глазами у него появились синие круги. Поэтому на третью ночь они с Паганелем решили дать комарам генеральное сражение. Сначала они пытались выкурить их, для чего развели внутри палатки, на листе фанеры, костер из сырой травы и, размахивая полотенцами, стали гнать комаров вон.

– Ну как, летят? – спрашивали они нас. – Вылетают – нет? Вылетают ли комары, плохо было видно, но сами дядя Коля с Паганелем скоро выскочили из палатки. Минут пять, наверное, они сидели на земле и страшно кашляли, мотая головами. Трава в палатке между тем подсохла и вспыхнула огнем. Нерастерявшийся папа залил пожар компотом, выбросил тлеющую фанеру наружу и принялся топтать ее ногами.

– Может, вы просто подожжете палатку? – спросил он. – Тогда уж заведомо все комары погибнут.

Дядя Коля с Паганелем ничего не ответили. Они покашливали еще немножко и приступили ко второй половине операции. Теперь началась борьба с отдельными уцелевшими комарами. Дядя Коля с Паганелем, включив фонарики, брали летящего комара в перекрест, снижали на стенку палатки и били кедом.

Туго натянутая палатка на каждый удар отвечала пушечным выстрелом. Зенитчики вошли в азарт. Палатка гудела. В Посьете лаяли растревоженные собаки. В конце концов с моря подошел сторожевой катер, осветил нас мощным прожектором, и оттуда сердито крикнули:

– Эй, на берегу!.. Вы что там, с ума посходили?!

Сражение пришлось остановить. Но дядя Коля не сдался. На следующий день он сходил в поселок, вернулся с бутылкой коньяка и, потрясая ею, грозно сказал:

– Ну, я т-т-ебе покажу!

...В эту ночь дядя Коля спал, как убитый.

Папа аккуратно ведет дневник. Каждый день он ухитряется выкроить минутку, достает маленький пузатый блокнотик и мелким почерком заносит в него разнообразные данные: температуру воды, облачность, количество пойманных гребешков, мелкие происшествия и свои вытекающие размышления.

Дядя Коля, которому в силу профессии его полагается быть нашим летописцем, ходит вокруг папы со страдальческим лицом, заглядывает через плечо и стонет:

– Меня надо расстрелять, – говорит дядя Коля. – Поставить к стенке и безжалостно кокнуть, как злостного растратчика.

Сам он вел записи только первые два дня, а потом охладел к этому делу. Красивая планшетка его, где в специальных гнездах хранятся отточенные карандаши и авторучки, беспорядочно валяется на земле, об нее вечно все спотыкаются и отшвыривают ногой в сторону. Яростнее всех отшвыривает планшетку дядя Коля.

Вообще дядя Коля говорит, что сам не в состоянии объяснить, как он при таком отвращении к перу и бумаге, при таком варварском неумении работать, сумел все же написать несколько книжек и почему эти книжки получились такими, что его пока не подвергают за них гражданской казни с конфискацией имущества.

...Прекраснее всего наши вечера здесь, когда мы, поужинав, завариваем чай, разливаем его по кружкам и папа начинает рассказывать нам о звездах. Заводит такие разговоры обычно дядя Коля. Он знает небесную географию еще хуже, чем земную, из всех созвездий умеет отыскать только Большую Медведицу и поэтому всякий раз просит папу:

– Ну-ка, Володимир, покажи мне еще, где у нас созвездие Лебедь?.. Ага... А это... Как оно?.. Рака и щуки? Папа показывает сначала неохотно, а потом увлекается сам и начинает интересную экскурсию по созвездиям и туманностям.

Мы лежим у потухающего костра, смотрим в небо, слушаем, как негромко шумят деревья, как пошлепывает внизу море о камни – и полуостров наш постепенно превращается в маленькую планету, медленно плывущую куда-то в пространстве.

ГЛАВА VII

Наши практичные соседи.

Вечер культурных развлечений.

Рядом с нами на мысе расположились туристы из Москвы. Вернее, это мы расположились рядом с ними. Место для лагеря ходил выбирать Паганель, и тогда еще, вернувшись, он сказал:

– Там уже стоят две палаточки, но, думаю, они нам не помешают. Ребята вроде симпатичные – я уже познакомился с ними. Все – молодые инженеры из Москвы.

Когда мы подошли к этому месту, палаток стояло уже четыре. Я сразу поняла, что инженеры из Москвы опытные туристы. Их было восемь человек, но они умудрялись одновременно выполнять столько работы, что казалось, будто людей на полянке вдвое больше. Вот

что они делали: закрепляли последнюю палатку, рубили дрова в два топора, ремонтировали ботинки, драили песком один большой котел и четыре маленькие кастрюли, заряжали кинокамеру, осматривали в большой бинокль морские дали, развешивали для вяления рыбу-горбушу, стирали штормовки в алюминиевом корыте, надували резиновые матрацы и выколачивали пыль из одеял.

При этом они успевали еще и загорать, поворачиваясь к солнцу разными местами, чтобы не спалить какую-нибудь одну часть тела.

– Бог в помощь! – крикнул Паганель. А папа спросил: «Рыбка здешняя?»

– Нет, сахалинская, – ответили туристы. – А крабы – шикотанские.

– Так вы, значит, уже оттуда? – обрадовался Паганель. – А мы как раз туда собираемся.

Туристы неопределенно шевельнули плечами: дескать, глядите – дело ваше.

– Вот! – поднял палец Паганель. – Век живи – век учись. Заметьте, как поступают умные люди: сначала едут на холодные, туманные острова, а потом уж в солнечный Посыет – отогреться после трудного путешествия.

Туристы согласно шмыгнули носами: дескать, ага – мы такие.

– Проворные молодые люди, – негромко проворчал дядя Коля. – И на островах раньше побывали, и здесь успели застолбить лучший участок.

Участок москвичи, действительно, выбрали самый лучший. Здесь был единственный пологий выход к морю, единственный спуск к маленькому пляжу на внутренней стороне мыса, единственная тропа к колодцу с пресной водой и единственный пяточок, не засеянный картошкой, что мы обнаружили гораздо позже.

– Ничего! – бодро сказал Паганель. – У нас местечко не хуже.

– И он повел нас вперед по густой траве, под которой, как мы потом выяснили, находилось картофельное поле.

– Здесь, – Паганель указал на дикие заросли какой-то высокой, переплетающейся травы. – Ну, придется маленько расчистить. И ветерок тут, на вершине, конечно. Зато комаров не будет. Разумеется, тайфун – если он случится – нас отсюда сдует. Но, полагаю, далеко мы не улетим – вон те деревья задержат палатки.

Место, и верно, было надежным. Не считая тропинки, которую стерегли москвичи, со всех сторон нас окружали неприступные отвесные скалы. Здесь, наверное, запросто можно было выдержать длительную осаду превосходящих сил морских разбойников.

– Спускаться к морю мы будем через лагерь соседей, – решил Паганель. – Думаю, они не станут возражать.

Так мы поселились рядом с москвичами.

Правда, к морю через их лагерь мы не ходим. Папа в первый же день отыскал другой спуск. Он начинается сразу за нашими палатками. Надо пройти через высокие лопухи к обрыву (он сначала не очень крутой и травянистый), по ложбинке съехать на пятой точке до первого выступа, потом, прижимаясь спиной к скале, пройти несколько метров по наклонному узенькому карнизу до горизонтальной площадки, повиснув на руках, достать ногами следующую площадку, оттуда, прыгая с камушка на камушек, спуститься к полоске из зыбких водорослей, прибитых к берегу, а уж по водорослям (если их за ночь не смоев волнами) легко добраться до пляжа.

Ходит через лагерь москвичей один Паганель. Паганель говорит, что он равнодушен к молодежи и не может пропустить лишнюю возможность пообщаться с нею. А эти ребята ему особенно нравятся. Нравятся своей основательностью, здоровым рационализмом, спокойной уверенной силой и независимостью суждений. Москвичи снаряжены, действительно, хорошо. Кроме палаток, спальных мешков, котлов, кастрюль, надувных матрацев, большого корыта, на которое мы сразу же обратили внимание, – у них есть еще гидрокостюмы, акваланги, кинокамеры, ледорубы и много всяких других вещей. У них нет только выючных лошадей. Но зато

имеются важные документы, прочитав которые, все местные власти должны обеспечивать им содействие катерами, паромами, лодками и другим транспортом. И вообще, они не просто так путешествуют, а снимают по дороге фильм о подводном мире, который рассчитывают продать за большие деньги Клубу кинопутешествий.

Распорядок дня у них очень строгий. Когда мы часов в девять утра только спускаемся по своей тропинке умываться, покрывшиеся гусиной кожей аквалангисты, бесшумно, как диверсанты в приключенческом фильме, уже появляются из воды с полными авоськами трепангов. Бородатый командир их дает ныряльщикам пару раз дохнуть свежим воздухом и снова гонит в море.

Потом туристы здесь же, на берегу потрошат свои трофеи: режут большими ножами трепангов, выколупывают из раковин гребешков, полощут в каком-то растворе ежей и морских звезд и раскладывают их по картонным коробкам со множеством специальных отсеков.

Разговаривают они между собой короткими фразами, как хирурги во время операции:

- Жень, нож!
- Держи угол!.. Хоп – довольно!
- Бэби – вода?
- Двадцать градусов, – четко отвечает Бэби.
- Пойдешь еще?
- Да. На сорок минут.
- А воздуху осталось?
- На сорок две.

Иногда кто-нибудь из них посещает нашу стоянку, и тогда нам становится неловко: за наши неимпортные ласты, за маски с заклеенными изолентой трещинками на стеклах, за единственный закопченный котелок, представляющий из себя магазинную кастрюльку с протытым сквозь ручки куском ржавой проволоки. Гость небрежно перекидывает наш скромный улов и говорит:

- Мелковаты ежики. Самые крупные ежи вон на той косе.
- Ого! – говорим мы. – Так ведь до нее – только на подводной лодке...
- Без аппарата, конечно, трудно, – соглашается гость.
- Гребешки едите? – спрашивает он. – Мы из них варим суп. Вкусно.

Тут Паганель, как бывший одессит и специалист, начинает объяснять, что гребешки хороши не только в супе, но также и сырые, жареные на сковородке с маслом и прямо на костре в собственном соку. Попутно он сообщает, что в морских ежах есть ценная икра, а трепангов надо сначала кипятить в течение четырех часов, затем обжаривать и лишь потом есть.

– Ага... Угу, – внимательно слушает гость. – Вон что... Неужели?.. А то нам суп уже приелся... Так-так... Ну, спасибо.

– Ручаюсь, что после этой информации они удвоят уловы, – говорит довольный Паганель.

Соседи, и точно, на другой день удваивают улов. Паганель не перестает восхищаться москвичами. Он говорит, что после общения с ними начинает как-то светло и оптимистично смотреть в наше будущее, оно представляется ему в надежных руках.

Дядя Коля, наоборот, не разделяет этих восторгов.

– Черт-те что! – сердито удивляется он. – От кооперации они, что ли? По договору?.. Ведь это еще две-три такие бригады – они море опустошат.

Дядя Коля все ждет, когда туристы устанут от заготовок и займутся каким-нибудь приличным делом: станут играть в волейбол или плавать наперегонки. А в последнее время у него появилась новая надежда. Накануне дядя Коля познакомился с местным рыбаком – высоким костлявым парнем с вертикальными глазами. Они выпили с ним на причале рыбоучастка две бутылки красного вина, после чего рыбак, царапая деревянными пальцами дяди Колину куртку, стал открывать ему свою душу. Рыбак говорил, что нет правды на земле.

– Вот, мы пашем, так? – говорит рыбак. – Берем гребешка, мидий берем и так далее. План даем – как с пушки. Мало – два плана даем, раз для народа требуется. А на острове Попова завод не успевает перерабатывать. И тогда начальство привозит нам аванс. Или спирт забрасывает. И мы запиваем. Вглухую. И завод спокойно перерабатывает улов.

После этой встречи дядя Коля ходит и мечтает вслух:

– Может, и эти орлы запыют, – говорит он – Хоть бы запили.

Но эти не запили. Они, наоборот даже, придумали механизацию. Как-то утром я рано проснулась, вышла из палатки и увидела дядю Колю, сидевшего на краю обрыва.

– Глянь-ка сюда, старуха, – позвал меня дядя Коля. Я подошла.

Внизу под нами соседи уже вели промысел. Они спустили на воду свое корыто, один из них, шлепая ластами, подталкивал его вперед, а два других, выныривая, перегружали в корыто улов из авосек.

Дядя Коля выколотил о камень трубку, поднялся и грустно сказал:

– Здравствуй, племя... Младое, черт побери, незнакомое.

К вечеру дядя Коля затосковал окончательно. Он протер мокрой тряпкой свою заграничную куртку, сменил шнурки на ботинках и объявил, что пойдет сегодня в клуб. Хватит, сказал дядя Коля, он не в силах больше терпеть это безобразие. Может, в кино ему повезет. Вдруг покажут каких-нибудь молодых романтиков или каких-нибудь старомодных чудаков, абстрактных гуманистов, шизофреников, наконец, каких-нибудь...

Я стала проситься с дядей Колей.

– Ни в коем случае! – сказал папа. – Во-первых, тебя не пропустят на вечерний сеанс. Заведомо.

Но дядя Коля поставил меня рядом, и я оказалась чуть не по плечо ему.

– Вот что делает акселерация, – сказал тогда дядя Коля. – Она же почти невеста. Если спрятать косу под платочек, то в полумраке поселкового клуба ты вполне сойдешь за взрослую даму, старуха. Впрочем, я думаю, ты окажешься там далеко не самой юной.

В клубе была в этот вечер большая программа: сначала концерт агитбригады студентов нашего, между прочим, электротехнического института, потом – кино, а после кино – танцы под студенческий оркестр.

– Считаю, уже повезло, – сказал дядя Коля – Посмотрим на земляков. Это надо же – в какую даль ребята забрались!

Перед концертом на сцену вышел руководитель бригады – кандидат каких-то наук, рассказал, в скольких местах уже побывали студенты и как хорошо их встречали трудящиеся. А под конец объявил, что сейчас прочтет лекцию о наших достижениях в области науки.

– У-у-у-у! – разочарованно загудел зал.

Кандидат благодарно поклонился, как после бурных аплодисментов, взошел на трибуну, достал из внутреннего кармана толстый пласт бумаги и начал лекцию. Его никто не слушал. В зале лузгали семечки, хлопали стульями, переговаривались, мяукали, в последнем ряду потихоньку играли на двух гитарах и пели хором. Только четыре солдата, приехавших на побывку, сидели по стойке смирно, положив на колени фуражки кокардами вперед.

– Господи! – прошептал измаявшийся дядя Коля. – Надо же сворачивать. Как можно скорее сворачивать – неужели он не понимает!

Мяукавшие тоже, видать, надеялись, что лектор вот-вот закруглится.

Но кандидат был человек крепкой кости. Он все бубнил и бубнил, и в конце концов ему начали подхлопывать и кричать: «Дядька, смойся!»

– Эти люди правы, – сказал дядя Коля. – Они не сделали ему ничего дурного. За что он так надоедает им?

В перерыве дядя Коля спрятался за колонну – он боялся встретиться с кандидатом, который был ему немного знаком, чтобы не травмировать того после жуткого провала. Сам

кандидат, однако, разгуливал по фойе с довольным видом, ничуть не был огорчен, улыбался и солидно кивал направо-налево.

Увидев такое дело, дядя Коля ужасно расстроился. На него прямо жалко было смотреть – казалось, он вот-вот разрыдается.

– Все! – сказал он. – Конец!.. Я ничего не понимаю в этом мире! Режьте меня на куски – я ничего больше не понимаю!

Он хотел тут же уйти из клуба. Кое-как я уговорила его остаться. Так что мы посмотрели еще и концерт, и фильм «Подсолнухи». Только на танцы не решились оставаться.

...Луны не было, но мы хорошо знали дорогу и безбоязненно шли в темноте. Только перед лагерем москвичей дядя Коля включил фонарик.

– Не перетоптать бы вундеркиндов, – сказал он. – Такая потеря для будущего.

Но «вундеркинды» не спали. Они сидели вокруг едва тлеющего костра и были расположены к задушевности.

– Из кино? – спросили они, осветив нас тремя фонариками. – Как вам понравились «Подсолнухи»?

– Э-э-э, видите ли, – сощурился дядя Коля. – Разумеется, Софи Лорен, как всегда, очаровательна. И Марчелло Мастоаянни играет талантливо... Но, по-моему, на этот раз очень тонкая психологическая проблема сведена где-то к мелодраме, а это снижает...

– А вам не кажется, что мы стали слишком избалованы? – сказал строгий молодой голос. – Избалованы всеми этими новомодными приемчиками, подтекстом, философичностью?..

– Ну-у... в какой-то мере, конечно, – затоптался дядя Коля. – Но вот война, допустим... Нельзя же так лубочно...

– Значит, такой они ее видят, – перебил голос. – В конце концов, не довольно ли этой окопной правды, снижающей героину.

– Возможно, – сказал дядя Коля, отступая в темноту. – Возможно, вы правы... Наверное... Спокойной ночи...

– Ишь, сопляки! – обижался дядя Коля, ухая в колдобины (напуганный тем небритым дядькой, он даже в темноте шел по обочине). – Прорабатывают, понимаешь!.. Эрудиты! Художественную литературу, небось, читают... Периодическую печать. И когда только успевают?

Я поняла, что культпоход не улучшил дяди Колиного настроения...

ГЛАВА УШ

Снова этот ужасный Аэрофлот.

Кое-что имеется. На Сахалин.

Во Владивостоке опять шел дождь.

В агентстве Аэрофлота, куда мы сразу же заявили, стояла многодневная очередь небритых командировочных – билеты в Южно-Сахалинск регистрировали только на первую декаду сентября.

Нас это не устраивало. У папы и Паганеля первого сентября начинались лекции в университете. Дядя Коля никуда не спешил, но именно он-то расстроился больше всех. Горела дяди Колина программа-минимум – добраться до Сахалина, и это могло подорвать его семейный авторитет.

Дело в том, что теща дяди Коли каждый месяц летает в здешние места по служебным делам. Вернувшись с работы, она бросает в маленький спортивный чемоданчик зубную щетку и шлепанцы, оставляет мужу записку: «Борщ в холодильнике» – и уезжает на аэродром. А через несколько часов уже звонит из Южно-Сахалинска, чтобы напомнить домашним про цветы, которые необходимо поливать. Короче, теща перед отъездом не останавливает на перекрестках знакомых и не сообщает им с притворной небрежностью: «А я, знаете, на Сахалин лечу. Говорят, там тайфун ожидается и два землетрясения. Любопытно будет взглянуть».

А дядя Коля собирался полмесяца. Ограбил всех приятелей, издергал родственников. За неделю до отъезда он начал ходить по городу в туристских ботинках – растапывал их. Дал в редакции прощальный банкет на восемнадцать персон. Жена, провожая его в аэропорт, обливалась слезами и заламывала руки... Словом, после всего этого дядя Коля не мог вернуться назад с половины дороги.

Можно было попробовать еще один вариант – морской. Правда, тогда ломался график и на «взятие» Кунашира и Шикотана, как тут же подсчитал папа, оставалось всего по два с половиной дня.

Сгорбившись, засунув руки в карманы и сдувая с носа водяные капли, мы побрели на морской вокзал.

На морском вокзале висела красивая карта – «Туристские маршруты Дальневосточного пароходства» Разноцветные стрелки вели к пунктам назначения: Холмск, Южно-Сахалинск, Корсаков, о. Кунашир, о. Итуруп, о. Шикотан. Под картой было написано веселыми буквами: ПУТЕШЕСТВУЙТЕ НА НАШИХ ПАССАЖИРСКИХ ЛАЙНЕРАХ!

Мы очень хотели путешествовать на лайнерах, но подошедший Паганель сказал, что это приглашение для миллионеров и коронованных особ – для тех, словом, кто может купить любой лайнер за наличные деньги. А мы – Паганель уже все разузнал – можем воспользоваться только одним лайнером – теплоходом «Туркмения», который отходит на острова завтра. Вернее, мы не можем им воспользоваться, потому что все билеты распроданы еще неделю назад, и сейчас идет запись на палубные места.

Желающих уехать на палубе оказалось немало, хотя про места еще ничего не было известно – дадут или нет. На всякий случай мы тоже записались – восемьдесят шестыми.

– Вот случай, когда наука бессильна, – сказал дядя Коля. – Остается способ, рассчитанный на «а вдруг». Через полтора часа в Южно-Сахалинск улетает самолет. Мест на него нет. Но вдруг кто-то опоздает. Или напьется. Или, не дай бог, попадет в автомобильную катастрофу. Или кого-то схватит аппендицит. Кажется, по-вашему, это называется теорией вероятности... Правда, сразу четырех пассажиров аппендицит вряд ли схватит, но чем черт не шутит.

...По дороге в аэропорт наше такси остановил автоинспектор. Видать, он долго размышлял, останавливать или нет, махнул палочкой в последний момент, и мы поэтому основательно проскочили его.

Автоинспектор пошел к машине. Он шел неторопливо, любуясь по пути окружающей природой. Губы его были вытянуты трубочкой – автоинспектор что-то неслышно насвистывал. Потом он устал идти и махнул водителю, чтобы тот спятился. Водитель сказал: «У, козел!» – и спятился.

– Первое «а вдруг», – вслух заметил папа. Автоинспектор строго глянул на него, но промолчал.

Водителю он тоже ничего не сказал. Проверил его документы, постучал ногтем по приборам и знаками приказал, чтобы тот проехал сначала вперед, а потом возвратился сюда. Водитель, зло дергая рукоятку скоростей, проехал, развернулся и остановился возле желтой «Волги» с красной полосой.

Из желтой «Волги» вылез второй автоинспектор, и они вдвоем с первым стали задумчиво рассматривать колеса нашей машины. На нас они не смотрели вовсе. Насмотревшись досыта, автоинспекторы велели таксисту опять ехать вперед, сделать поворот и, разогнавшись, затормозить. Водитель выполнил все это: как следует разогнался и резко затормозил.

Рюкзаки, лежавшие возле заднего стекла, попадали нам на головы.

Автоинспекторы достали рулетку и, присев на корточки, принялись измерять что-то на асфальте. Пока они ставили свои опыты, папа, не отрываясь, смотрел на часы и время от времени сообщал:

– Идет регистрация багажа!

- ...регистрация закончена!
- ...объявлена посадка!

Наконец автоинспекторы нас отпустили. Папа этого даже не заметил, он все смотрел на часы. Минут через пять папа сказал:

– Все. Взлет. Поздравляю. – И откинулся на сиденье.

...Самолет, к счастью, не улетел. В Южно-Сахалинске упал туман, и рейс задержался. Свободных мест на него, впрочем, все равно не было. Была надежда, как нам сказали. Но слабая. Папа остался караулить рюкзаки, а мы пошли изучать окрестности. Изучение закончилось возле ближайшего летнего павильона. Здесь дядя Коля взял себе стакан вина, а Паганель – стакан лимонада. Мне досталась шоколадка. Дядя Коля с Паганелем обреченно устали в стаканы и повели такой разговор:

- Значит, загораем...
- Еще как загораем.
- Загораем – будь здоров как...
- Сто лет бы я не хотел так загорать.
- Хорошо, хоть Посьет взяли. Теперь не стыдно и назад.
- Ну уж, черта с два! – возразил дядя Коля. – Скорее, я вплавь...
- Апше, можно продаться на «Туркмению», – сказал Паганель.
- В качестве агитбригады. Лекции почитать.
- Видали они твои лекции, – сказал дядя Коля. – Вот если бы концерт.
- А почему бы и не концерт? – подхватил эту мысль Паганель.
- Я в школьной самодеятельности играл на ложках. На алюминиевых. Здорово получалось.

Дядя Коля, покраснев, сознался, что вроде бы неплохо читает собственные рассказы. Некоторые люди даже смеются.

– Художественное слово, – загнул палец Паганель. Я припомнила, что мы с папой иногда делаем дома такой номер: папа ложится на спину и поднимает ноги вверх, а я выполняю на его поднятых ногах стойку.

– Прекрасно! – оживился Паганель. – Соло на ложках, автор-исполнитель рассказов и парный акробатический номер. Конферанс я беру на себя...

Тут мы увидели, что от аэровокзала к нам бежит папа, придерживая руками живот.

– Что это с ним? – прищурился Паганель.

Дядя Коля тоже прищурился и озабоченно сказал:

– Пойду закажу ему стаканчик.

Папа добежал, остановился возле приступки павильона и, глядя снизу вверх, заговорил:

– Позвольте вам заметить, – высокопарно начал он. – Позвольте вам заметить... что вы два идиота!.. Я, ты и она, – папа указал на меня и Паганеля, – летим!.. А ты! – Он обидно ткнул пальцем в дядю Колю. – Ты останешься!

Оказывается, папа караулил, караулил рюкзаки и вдруг услышал сообщение о каком-то дополнительном рейсе. Папа не растерялся и быстренько зарегистрировал на него наши билеты. А дяди Колиного билета у него не было. И теперь вот мы летели, а дядя Коля, больше всех стремившийся на Сахалин, оставался. И, может быть, ему даже предстояло с позором возвращаться назад.

– Минуточку, – сказал Паганель. – Одну минутку... Раз появился дополнительный рейс, то на основном могут освободиться места. Правда, за них наверняка будет драчка... И все же... Ну-ка, возьми трубку! – скомандовал он дяде Коле. – В зубы возьми, в зубы! – это ему пришлось уточнить, потому что дядя Коля схватил трубку и судорожно зажал ее в побелевшем кулаке. – Так... Теперь сделай умное лицо. Можешь ты сделать умное выражение?! Ну, хорошо. Здесь сойдет. Пошли...

Через полчаса мы все сидели в ресторане и неторопливо хлебали солянку. Спешить было некуда. Рейсы наши, и основной и дополнительный, снова откладывались, но теперь это уже не имело значения. Главное, что все билеты были зарегистрированы, и мы могли спокойно ночевать на подоконниках аэровокзала.

Паганель, все еще возбужденный после схватки с администрацией, поднял ложку и сказал:

– Запомните, друзья: всегда и везде все есть. Даже то, чего вообще быть не может, где-нибудь да имеется. Надо только уметь взять... Есть где-то дефицитная черная икра, польские подтяжки, мокасины из оленьей шкуры и билеты на единственный самолетный рейс. Есть суповые тарелки, сборники стихов Евтушенко, электроутюги, можно, наконец, купить босоножки летом и утепленные ботинки – в разгар зимы... Ну, конечно, требуется немалое упорство, – заметил он, – и крепкие нервы. А то один его знакомый, например, разыскивая среди зимы как раз теплые ботинки, чуть было умом не повредился на этой почве, чуть было не дошел до мистики и суеверий.

Дело в том, что знакомого холода застали, что называется, в белых тапочках. То есть он как ходил в своих излюбленных демисезонных полуботинках на микропорке, так в них и остался. Не успел купить теплую обувь. Вернее, он даже и не старался. Поскольку все предыдущие зимы были относительно теплыми, знакомого круглый год устраивали его демисезонки.

А тут – неожиданно – минус тридцать. И знакомый закуковал.

Правда, он впоследствии вышел из положения: разыскал в сарае старые, немодные теперь боты «прощай, молодость», обулся в домашние тапочки, накрутил портянки из байкового одеяла, потом – целлофановые мешочки (никакой носок такую толщину уже не брал) и все это загнал в боты. Так и проходил ползимы. Не очень красиво получалось, но зато тепло.

Но до этой рационализации знакомый додумался не сразу. А сначала прыгал в своих стылых туфельках. Сослуживцы даже стали жалеть его. Что это, говорили они, Вениамин Орманович, вы себя не бережете. Купили бы теплые ботинки. На здоровье разве можно экономить.

Знакомый послушался сослуживцев и кинулся по магазинам.

В одном ему сказали:

– Были на той неделе.

В другом:

– Загляните через пару дней.

В третьем:

– Иногда завозят.

Тогда знакомый засел на целый вечер дома и составил график, согласно которому выходило, что если, отложив все дела, в течение четырех дней заняться поисками, то в одной из точек, по теории вероятности, будто бы кривая ищущего и кривая теплых ботинок должны пересечься.

Он попросил на работе четыре дня без содержания и начал поиски по этому своему графику. Но, видать, где-то в его расчеты вкралась ошибка – кривая знакомого с ботинками так и не пересеклась.

Тогда он составил новый график, рассчитанный на внезапность. Отпуска без содержания знакомый больше не брал, а заказывал по телефону такси на специально запланированное время и производил неожиданные налеты в магазины, выпадающие по графику. Так он кружил около недели, но результата опять не достиг.

Несколько дней подряд потрясенный знакомый бродил по улицам, не поднимая глаз, рассматривал ноги прохожих. Он никак не мог соединить вместе два этих противоположных факта: отсутствие теплой обуви в магазинах и присутствие ее на ногах граждан. Потом знакомый признавался, что ему тогда даже приходила в голову мысль: может, все эти люди так и родились обутыми в утепленные ботинки.

Он собрал свои графики и отправился в Главобувьторг – проконсультироваться у специалистов.

На лестнице Главобувьторга знакомому повстречался давнишний школьный приятель. Соклассник посмотрел его графики и сказал:

– Выбрось ты к свиньям свою документацию и приходи завтра к одиннадцати. Утрясем.

И ровно через сутки знакомый стал обладателем роскошных, обтекаемых, как локомотив, чехословацких ботинок на искусственном меху...

– Так что все всегда можно достать, – еще раз повторил Паганель. – Включая птичье молоко. Надо только иметь к кому приходиться в одиннадцать. А так все есть.

– Кроме рыбы, – подсказала я.

– Совершенно верно – кроме рыбы, – согласился Паганель, вонзая вилку в жирный кусок золотистого палтуса.

Ночевали мы на креслах в аэропорту

Вечером дважды приходила тетенька со шваброй и выгоняла всех пассажиров под противный морозящий дождь. Тетенька не щадила даже малых детей. Пассажиры, расположившиеся на подоконниках и на полу, выходили на улицу без страха. Кресельники и скамеечники, опасаясь, что их места захватят, перебежали табуном из одного конца зала в другой, не спуская глаз со своих чемоданов. Отдельные счастливики помогали тетеньке в уборке – двигали туда-сюда кресла. Лица у них сразу делались неприступными, так и казалось, что сейчас они начнут покрикивать: «А ну, посупись! Ишь, расселся!»

В двенадцать часов пришла другая тетенька и закрыла на большую палку туалет.

Потом электричество несколько раз нерешительно мигнуло, как будто человек, державший руку на выключателе, сомневался еще: перебудутся в темноте или не перебудутся? Наконец он решил, видимо, что перебудутся, – и свет погас.

В пять часов утра нас разбудил папа.

– Где этот кретин?! – кричал он, схватившись за голову.

Оказывается, только что объявили посадку на дополнительный рейс, но в темноте исчез куда-то Паганель. Тогда дядя Коля, самолет которого пока не летел, твердо сказал:

– Ничего. Вы собирайтесь. Я его разыщу, – и выбежал на улицу.

Вернулся дядя Коля минуты через три – мокрый, но горячий. Видать, он обегал все окрестности. От дяди Коли шел пар.

– Нет нигде, – сообщил он.

– О-о-о-о! – сказал папа. – Держите меня! – И он, приседая, закрутился на месте, словно хотел укусить себя за ухо.

– Володя, Володя! – испуганно схватил его за плечи дядя Коля. – Успокойся, старик!.. Ну, отстанет. Ну, аллах с ним. Догонит потом. Вы летите.

Сонная стюардесса пересчитала нас, тыча в каждого пальцем. Пять мест были пустыми.

– Ну, как, летим или ждем? – спросила стюардесса выглянувшего из кабины пилота.

Пилот не ответил.

Стюардесса зевнула и пошла закрывать дверцы.

И тут мы увидели, как от аэропорта, прижимая к животу какой-то тюк, вскачь несется Паганель, а за ним гонится дядя Коля с рюкзаком в руках. На середине дистанции дядя Коля настиг обезумевшего Паганеля и отнял у него чужой багаж.

Оказывается, Паганель с половины ночи спал на втором этаже в пустом гардеробе ресторана, потому что в кресле у него от скрюченности занемели ноги. Все это он тут же рассказал нам, глотая воздух раскрытым ртом.

Стюардесса тоже послушала. Потом спросила:

– А билет ваш где?

Паганель побледнел, схватился за грудь и взвизгнул:

«Документы!»

В следующий миг он, как десантник, выбросился из самолета и, воздев руки, помчался за медленно удаляющимся дядей Колей.

Пассажиры приникли к иллюминаторам.

Было хорошо видно, как дядя Коля остановился, придержал вихрем налетевшего на него Паганеля, похлопал его по бокам, потом развернул, достал из заднего кармана брюк пропавшие документы и яростно потряс ими. Какие слова говорил при этом дядя Коля, нам не было слышно.

ГЛАВА IX

Грустная история дяди Колиной куртки. Как мы поужинали.

Легенда о спирте.

В Южно-Сахалинске папа купил себе черные кеды. Мы, правда, уговаривали его купить лучше полуботинки, потому как на другой день папе предстояло читать здесь лекцию о современном состоянии физики, и нам казалось, что в кедах он будет выглядеть легкомысленно. Но папа все-таки сделал по-своему. Полуботинки, сказал он, ему в дальнейшем не понадобятся. А черные кеды, если к ним специально не присматриваться, вполне могут сойти за приличную обувь, каковой они на самом деле и являются, по его глубокому убеждению.

Мой папа вообще предпочитает демократическую одежду. Он любит носить разные свитера, курточки, распашонки, а когда, по торжественным случаям, ему приходится надеть костюм, папа говорит, что чувствует себя в нем – как водолаз в скафандре.

Этим папа походит на Паганеля, который принципиально не признает костюмов. Паганель даже на защиту собственной докторской диссертации заявился в заштопанной на локтях шерстяной кофте, после чего один известный академик сказал ему:

– Ну, батенька, без галстуков мне еще приходилось видеть соискателей, но без пиджака вы первый.

Дядя Коля говорит, что все это «бзик», пижонство наоборот. Паганеля и папу не клевал еще жареный петух. Но однажды клюнет – и они побегут покупать смокинги.

Лично дядю Колю этот петух клевал. Свою роскошную кожаную куртку дядя Коля приобрел несколько лет назад в Польше. Он посещал в ней лучшие рестораны Варшавы, Кракова, Вроцлава и не чувствовал никакой дискриминации. Везде его принимали как дорогого гостя, и в конце концов дядя Коля уверовал в неотразимую элегантность куртки. Странности начались на обратном пути, в Москве. В ресторанах к дяди Колиному столику подходил администратор, ставил табличку «Для делегации» и холодно рекомендовал пересечь ближе к двери. У подъезда гостиницы «Россия» его хватили за рукав командировочные и жалобно умоляли: «На Стромьнку, шеф!» А когда сам дядя Коля ехал в такси, водители называли его «братка», откровенничали про калым и не давали сдачи с рубля, если даже на счетчике было всего тридцать копеек.

Но самое ужасное случилось с ним дома, в родном провинциальном городе. Как-то дядя Коля разогнался в одно кафе – пообедать.

Швейцар, растопырив руки, загородил ему дорогу и потребовал:

– А ну, снимай куртку!

В первый момент дядя Коля решил, что кафе захватила шайка переодетых грабителей. Он принял боксерскую стойку и оглянулся, ища чьей-нибудь помощи. И помощь пришла. Она подоспела в лице усатой женщины-администратора, но не к дяде Коле, а к швейцару. Вдвоем эти люди стали требовать, чтобы дядя Коля снял недостаточно аристократическую для ихнего кафе одежду.

Тогда дядя Коля вспылел. В таком вот виде, высокомерно сказал он, его пускали в европейские рестораны, которые, конечно же, не чета этой паршивой забегаловке. И вообще, пусть

ему покажут постановление горисполкома, где было бы записано, что в импортных восьмидесятирублевых куртках из чистого хрома нельзя посещать второразрядное кафе.

– Будет тебе сейчас постановление, интеллигент собачий! – сказал кровно оскорбленный швейцар, схватил дядю Колю за шиворот и пинком вышиб на улицу.

После этого рассказа мы все приуныли. Мы как раз собирались идти ужинать в ресторан при гостинице «Сахалин» и рассчитывали именно дядю Колю поставить впереди, как приличнее всех одетого. Но дядя Коля даже слушать не захотел. Хватит с него того держиморды, сказал он, сбросил куртку и остался в зеленом свитере. Тогда мы поставили впереди Паганеля, надеясь, что благодаря темным очкам, бороде и рубашке с погончиками, его признают иностранцем. За Паганелем шел папа – в золотых профессорских очках и парадных кедах, которые, если не присматриваться к ним внимательно, вполне могли сойти за ботинки. За ним – я, а позади всех – дядя Коля (мы уговорили его не оставлять в номере хотя бы трубку). Самую большую опасность представляли, по общему мнению, кеды. Поэтому Паганель, заметив два свободных места, подтолкнул к ним нас с папой.

– Быстро, быстро! – прошептал он. – Ноги под стол! Но враг не дремал. Немедленно к столику подошла дама в коричневом костюме и, каменно глядя поверх наших голов, заявила:

– Вас я обслуживать не велю. Вы – в кедах.

– Ну и что же? – невинно спросил Паганель – Ведь они не ставят их на скатерть.

– Не острите! – оборвала его дама таким тоном, словно говорила «не хулиганьте!». –

Остряк нашелся!

Она рассерженно метнула взглядом и остановила его на мне.

– Ах, они еще и с девочкой! – пропела дама подрагивающим от возмущения голосом.

– Что значит с девочкой?! – запетушился дядя Коля. – В каком смысле – с девочкой? Это не девочка, это – дочка нашего товарища.

Дама и слушать не хотела.

– Как вы могли привести девочку в такое неприличное место! – ужаснулась она. – Сейчас же освободите столик!

Пришлось освободить.

– Так! – стиснул трубку дядя Коля. – Он явно закипал.

– Чудесно! Кругом надираются, извиняюсь, в стельку граждане в штиблетах и белых манишках, а мы вынуждены топтаться посреди зала, как деклассированные элементы! Как бродяги!.. Нет, сейчас я разнесу это поганое заведение в мелкие щепки!

– Спокойно. Не стоит нервничать, – удержал его Паганель. – Вспомни о швейцаре... Сейчас что-нибудь придумаем. – Молодой человек! – затормозил он пролетавшего мимо рыжего официанта. – На минуточку.

Молодой человек остановился так резко, что фужеры на его подносе опасно заскользили к краю. Но рыжий сделал едва заметное движение и фужеры покорно вернулись на середину.

– Послушайте, – взял его за рукав Паганель. – Вот эти двое – видите? – Он повел бровью в сторону папы и дяди Коли. – Один писатель, другой – профессор, э-э-э... ядерщик.

Официант вскинул одно ухо.

– Ну, и я – тоже, – понизил голос Паганель. Тут он смешался, не зная, видимо, как представить себя, поднял для чего-то палец и шепотом закончил: – Но совсем из другой области. Из другой... Соображаете?

Официант метнул быстрый взгляд на дяди Толины темные очки и судорожно проглотил слюну.

– Усек, – хрипло сказал он. – Щас.

Через минуту молодой человек вернулся в сопровождении дамы в черном костюме. Эта дама была явно поважнее первой, но и она, увидев нас, растерялась.

– Что же мне с вами делать, товарищи? – говорила она, прижимая к груди руки. – Что же делать?

Рыжий тарасил нахальные глаза из-за спины дамы в черном. Он свое дело сделал – объяснил ей, какие мы важные персоны.

– Может быть, подать ужин в номер? – подсказал папа.

– Правильно, в номер! – обрадовалась начальница. – Дуся, распорядитесь подать им ужин наверх.

– В номер! – застонала дама в коричневом. – В номер им подавай! Глядите, какие!

– Подашь в номер! – раздельно сказала дама в черном. – Я прослежу.

Папа, злорадно улыбаясь, начал диктовать заказ. Он старательно перечислил все меню, от салата из морской капусты до кофе-гляссе. Дама в коричневом записывала. На лице ее полыхали багровые пятна.

– И наконец... – сказал папа.

– Ну, уж водку-то я вам туда не подам! – взорвалась дама.

– А мы ее и не пьем. Вот так вот! – быстро ответил папа. – Нам бутылочку сухого вина.

– Им бутылочку вина! – оскорбленно закричала дама в коричневом. – Бутылочку им!

Посмотрите на них!

Ни здесь – в зале, ни там – в номере мы не вызывали у нее доверия. Пришлось папе ограничиться двумя бутылками пива.

– Да, это не Рио-де-Жанейро, – покачал головой папа, когда мы вернулись в номер. – В Рио-де-Жанейро мне приходилось видеть, как знатные дамы приходили в самый аристократический ресторан босиком.

– Идея! – сказал дядя Коля. – Поступлю и я, как те знатные дамы.

Мы все последовали примеру дяди Коли: разулись, с наслаждением вытянули ноги и смотрели, как рыжий официант сгружает с тележки наш королевский ужин.

Рыжий был страшно доволен. Наверное, впервые в жизни ему приходилось заниматься таким обслуживанием. Это походило на действие из какого-нибудь заграничного фильма, и рыжий тоже оказался героем его.

Вдобавок дядя Коля попросил:

– Синьор, будьте любезны – открывашечку для пива.

– Открывашечек нет, – сказал рыжий. – Растаскивают, знаете... Но, я думаю, вы не из тех людей, которые могут растеряться в подобной обстановке.

– А вот это верно, – согласился дядя Коля и тут же открыл бутылки о батарею.

На другой день все были заняты делом. Паганель читал где-то лекцию от общества «Знание». У папы лекция сорвалась, он посмотрел на свои ненужные теперь выходные кеды, вздохнул и спрятал их в рюкзак – до следующего раза. Дядю Колю уговорили выступить в местном гарнизоне перед военнослужащими, а потом он встретился со своими сахалинскими коллегами. Вернулся поэтому дядя Коля только к вечеру, веселеньким, и с порога объявил, что друзья назначили его губернатором залива Терпения.

Папа, свободный от лекций, весь день хлопотал о билетах на «Туркмению», которая должна была подойти через сутки, и занимался покупками. На столе среди разных свертков и пакетов возвышались три бутылки спирта.

Дядя Коля, увидев спирт, отнесся к нему весьма одобрительно. Он сказал, что одну бутылку надо выпить немедленно, а две другие можно оставить на потом. Папа ответил, что спирт этот неприкосновенен. Он куплен для обмена. Еще в бухте Посьета наши соседи-москвичи рассказывали, что на Шикотане за бутылку спирта дают двадцать баночек консервированных крабов. Не желаешь крабов, бери красную икру: пятнадцать баночек. Значит, за три бутылки папа мог получить шестьдесят банок крабов либо сорок пять – икры. И то и другое его вполне устраивало.

– Наивные люди! – презрительно сказал дядя Коля. – Дилетанты. Вы же попались на удочку.

Существует, объяснил он, легенда о всемогуществе спирта на Крайнем Севере и Дальнем Востоке. Когда дядя Коля путешествовал по Оби, один его попутчик вот так же мечтал раздобыть несколько песцовых шкур. То есть не сам он мечтал, а жена ему наказала без шкурок домой не возвращаться. Кто-то посоветовал этому несчастному запастись спиртом, взять его побольше – в качестве самой надежной валюты. Попутчик набил бутылками рюкзак и, как последний идиот, таскал его везде за собой, закрывал собственным телом, чтобы на рюкзак, упаси бог, не уронили что-нибудь тяжелое, караулил по ночам от зарившихся на дармовую выпивку «бичей». Однако чем дальше на север они плыли, тем спирту в магазинах становилось все больше. В крайней точке путешествия, далеко за Полярным кругом, на мысе Каменном, спирт вообще лежал штабелями. Отчаявшийся попутчик три дня выпивал свои запасы знакомым метеорологам, но сумел облегчить рюкзак только на одну треть. Весь остальной спирт ему пришлось везти обратно, кружным путем – через Амдерму, Архангельск и Москву. Дома он настоял спирт на лимонных корочках и пил его каждый день в течение полугода. Попутчик этот плохо кончил: сделался алкоголиком и угодил в психиатрическую лечебницу.

Папа посмеивается. Кроме спирта у него еще хранится бутылка старого шотландского виски. Он везет ее из дому. Дядя Коля считает, что и виски тоже надо выпить. Папа не соглашается.

– За кондиционный товар, – говорит он, – только кондиционный товар.

ГЛАВА X

График на завтра и послезавтра.

Наперегонки с дельфинами. Как встречают пароходы.

Наш Паганель неисправимый прогнозист-оптимист. Давно уже сломался разработанный дома четкий график путешествия. Мы двое суток вместо двух часов добирались из Владивостока в Посьет, а добравшись, не нашли там биостанции с хлебосольными знакомыми, чистыми постелями, приварком и аквалангами. Мы пропустили устричный остров Попова, потому что обещанное Паганелем судно так и не пришло. Стараясь обогнать «Туркмению», почти сутки томились на рюкзаках во владивостокском аэропорту, прилетели наконец в Южно-Сахалинск и тут узнали, что самолета на Кунашир все равно не будет. И оставленная в «порту четырех океанов» «Туркмения» преспокойно догнала нас.

Несмотря на все это, Паганель каждое утро выдает нам почасовое расписание на ближайшие три дня. Исходные данные для своих расчетов Паганель, благодаря общительному характеру, черпает у местных рыбаков, у официанток в столовых, уборщиц и «бичей». Правда, он не запоминает лица людей, с которыми разговаривает. Такое у него свойство. Как-то в Посьете он договорился со сторожем рыбоучастка, что тот достанет ему десять пачек сушеного кальмара, и немедленно забыл лицо старика. Это было ужасно, потому что всякий раз, завидя впереди чьи-нибудь сапоги, он хватал за рукав дядю Колю и приказывал:

– А ну, посмотри внимательно – это не тот самый? Не тот, а? Затурканный дядя Коля со слезами умолял:

– Прекрати, ради господ Бога! Откуда мне знать, тот или не тот – ведь ты же с ним договаривался, садист!

На борту «Туркмении» Паганеля снова охватила лихорадка планирования. Он то и дело исчезает куда-то, возвращается, глаза у него блестят.

– Итак, я все разузнал, – начинает он свои выкладки. – Завтра, в шестнадцать часов, мы прибываем на остров Кунашир, в Южно-Курильск. В Южно-Курильске имеется гостиница, куда мы сразу же устраиваемся, чтобы не терять время на установку палаток. Еще засветло осматриваем город и посещаем горячий пляж – главную местную достопримечательность.

На другой день – восхождение на вулкан Менделеева и осмотр останков так называемого дворца Микадо. На третий – ход горбуши. Это зрелище, достойное того, я думаю, чтобы посвятить ему целый день...

Дядя Коля в таких случаях бледнеет.

– Я сейчас пойду в буфет, – говорит он. – Пойду в буфет и напьюсь, как сапожник. Или лучше дайте мне бинокль – я ударю его по голове. Это становится невыносимым. Таких людей надо заковывать в кандалы, увозить на необитаемый остров и оставлять там на растерзание диким зверям.

Все же дядя Коля избирает первый вариант – уходит в буфет, который ему, в общем-то, не очень нравится. Дело в том, что буфет, а на самом деле бар – с красивой полукруглой стойкой, мягкими диванчиками и музыкальной машиной из Гонконга – превращен на «Туркмении» в продуктовый киоск. Там всегда стоит длинная очередь – за колбасой, хлебом, вареными курицами и конфетами. Так что напиться как следует дяде Коле пока не удастся.

Папе легче. Он ничего вокруг не замечает, потому что увлечен новым делом – фотографирует дельфинов. Дельфины почти не оставляют нас. Не успевает исчезнуть одна стая, как появляется новая – и опять начинается игра в догоняшки. Дельфины то отстают немножко, то, взяв разгон, несутся рядом с теплоходом, красиво и враз выпрыгивая из воды, то легко обгоняют «Туркмению». Возбужденный папа бегаёт с одного борта на другой – ему очень хочется сфотографировать дельфина в тот момент, когда он выскакивает из воды, и все никак не удается.

Один раз папина беготня почему-то не понравилась здоровому дядьке, вышедшему на палубу с пивной бутылкой в руке. Дядька мрачно понаблюдал за папой, скрипнул зубами и сказал:

– Снайпер... елкин корень!.. А хочешь, я ему, поганцу, в нос бутылкой засандалю?

С моим папой постоянно приключается что-нибудь подобное. Он, как магнит, притягивает к себе всяких грубиянов, знатоков, советчиков и уличных философов. Хотя сам – человек воспитанный и никогда никого не задевает. Я думаю, что папа именно из-за этого свойства посвятил жизнь физике, чтобы иметь дело с атомами, а не с людьми.

Стоит папе, например, раз в полгода самому отправиться в магазин, как к нему тут же привязывается какой-нибудь небритый гражданин.

– Кореш, – говорит он, – не бери эту кислятину (речь идет о сухом вине «Фетяска», прописанном папе докторами). – Возьми вон лучше «тринадцатый» портвейн. А то, я вижу, ты насчет выпивки не волокешь.

И поскольку папа, имея собственное мнение, не следует совету гражданина, тот начинает нервничать и обижаться:

– А ну, поставь обратно! – требует он. – Ставь, кому говорю!.. Девушка, забери этот квас – дай человеку бутылку портвейна. – И насильно запикивает папе в авоську ненужное ему вино.

В воскресенье на рыбалке, хотя папа забивается обычно в самое безлюдное место, из кустов вдруг вылезает специально, видать, затаившийся там знаток.

– На что ловишь? – тяжело дыша, спрашивает он. – На червя? Отцепляй к лешему, на вот тебе опарыша... Куда кидаешь, голова?! Бросай на быстринку. Грузило отвяжи, пень! Сейчас верховая рыба берет.

Однажды, рассказывал папа, ему довелось быть в малознакомой компании. Папа вел себя очень тихо: тостов не провозглашал, не просил соседей передать ему ветчину и заливное, вообще старался как можно меньше привлекать к себе внимания. Кончилось все тем, что к нему подошел один из гостей и спросил:

– Ты баптист?

Как папа ни отпирался, гость не поверил ему. Целый вечер он уговаривал папу порвать с религией, доказывал, что бога нет, и в конце концов устроил страшный скандал, заявив, что ноги его больше не будет в доме, где принимают религиозных фанатиков и мракобесов.

От дядьки с бутылкой папа отделался легко: заметил тому, что бутылка еще полная и, пожалуй, не стоит с ней расставаться. Так что дядька только погрозил дельфинам.

– Я тя в гробу видал! – крикнул он. – Умней человека стали! Нет, ты докажи! – И ушел назад в каюту.

Одно из предсказаний Паганеля все-таки сбылось – мы пришли в Южно-Курильск в шестнадцать часов. Пришли и встали на рейде. Было еще светло, и Паганель, разведавший все заранее, издали показал нам и гостиницу, видневшуюся на горке, и причал, и дорогу на горячий пляж.

Посрамленный дядя Коля подошел извиниться.

– Теперь вижу, – сказал он, – что-то такое, действительно, есть в этой вашей науке. Может, и не надо тебя пока на необитаемый остров. Может, стоит повременить... Как ты там планировал – чего мы сегодня еще успеем? Повтори, будь добр.

Дядя Коля решил, что такой случай, вообще, надо достойно отметить, и пригласил меня в буфет.

– Двести грамм «Мишки на Севере» – даме, – попросил он. – Ну, а мне – рюмочку. Все же теплоход, старуха, в здешних местах – это уголок цивилизации. Когда-то мы еще с нею встретимся.

Не успели мы взобраться на высокие стулья, как прибежал папа.

– Нечего расслаживаться! – заторопил он нас. – Быстро хватайте рюкзаки! Детеныш, бегом! Что ты, как сонная курица! Плашкоут уже подходит.

Плашкоут подошел, на нем привезли новых пассажиров – и на теплоходе сразу стало вдвое теснее. Мы подхватили рюкзаки, направились было к трапу, но тут увидели, что на освободившийся плашкоут выгружают бочки, ящики и мешки с почтой.

– Видимо, скоропортящиеся грузы, – предположил Паганель, останавливаясь. – Их, конечно, в первую очередь.

Раньше других обо всем догадался дядя Коля.

– Старуха, назад! – зашептал он. – Бросай рюкзак! Бросай к свиньям – никто его здесь не тронет.

– Ах я кретин! – ругал себя дядя Коля в буфете, быстро заполнявшемся вновь прибывшими пассажирами. – Девушка! Сто граммов коньяку и полкило конфет – даме... Ах, балбес седой! Это огурцы-то соленые скоропортящийся груз!..

Через некоторое время в буфет зашел Паганель, остановился за нашими спинами и грустно спросил:

– Едите?.. «Мишку на Севере»?

– Едим, ну и что? – с вызовом ответил дядя Коля.

– И выпиваете, – Паганель вздохнул – Апше, я бы тоже выпил капельку.

– Глянь-ка, старуха, что это там за сирота? – не оборачиваясь, спросил дядя Коля.

Я оглянулась и сказала: по всей вероятности, это дядя Толя-Паганель. Вроде он.

– Ба! – обрадовался дядя Коля. – Пан доктор! Какая встреча! А почему вы не на горячем пляже? Ведь вы там должны быть.

В девять часов вечера на плашкоут пустили пассажиров. Двое матросов, напружинив могучие татуированные груди, удерживали толпу. Третий пересчитывал вступающих на трап. Отсчитав сколько положено, он растопырил руки и сказал:

– Все-все! Остальные – следующим рейсом.

– А чемоданы! – закричала какая-то женщина. – Чемоданы мои, змей ты такой! (Ее чемоданы унес вперед попутчик.)

Матрос очень обиделся.

– Вот люди, – сказал он, – бывают же такие нехорошие люди, вредные, которые поднимают шум из-за каких-то несчастных чемоданов. А кому, если разобраться, эти задрипанные чемоданы нужны? И куда они вообще могут дальше острова подеваться? Вон, например, у гражданочки, – он указал на старушку в плюшевой жакетке, – пацаны вперед прошмыгнули, а она хоть бы что. У вас ведь, гражданка, прошмыгнули пацаны? – спросил матрос.

Старушка, гордая вниманием, охотно подтвердила: да, это точно были ее ребятишки.

...В одиннадцать часов плашкоут вернулся, и все началось в обратном порядке: сначала на него пустили пассажиров, а затем стали выгружать оставшиеся мешки и пакеты.

Поднялся ветерок. Соленые брызги обдавали сбившихся в кучку людей. Плашкоут болтало. Сетка с грузом опасно раскачивалась. Огромная тень от нее металась по палубе. Плакали маленькие дети.

Папа с Паганелем, отойдя в сторонку, пытались разобраться, чем вызван такой порядок погрузки-выгрузки, нет ли здесь какого-нибудь морского секрета или железной необходимости.

Они так и не успели прийти к общему знаменателю, потому что всех отвлекло новое событие. Вторым рейсом с острова приплыли опоздавшие пассажиры – двое бородатых мужчин в штормовках. Теперь они просились на «Туркмению».

– Эй, на борту! – кричали опоздавшие. – Возьмите нас! Нас только двое.

– Нельзя, товарищи, мест нет, – отвечали им сверху матросы.

– Ты не темни, друг! – строжились мужчины. – Как это нет, когда столько-то сошло, а столько-то взяли. Скажи лучше – трап лишний раз спустить лень.

– Ишь, грамотный! – ехидничали матросы. – Сказано – нет – значит нет.

– Мальчишки! – заволновались эти двое. – Вы что, серьезно? Нам же неделю тут сидеть до следующего теплохода. Это же не трамвай на материке. Будьте людьми.

– Шабаш! – сказали мальчишки. – Давай отчаливай. Тогда все, кто был на плашкоуте, стали кричать хором:

– Возь-ми-те дво-их! Возь-ми-те дво-их! Матросы надвинули фуражки с «крабами» на глаза и повернулись к плашкоуту спинами.

– Эй, ребятки! – жалобно крикнул один из опоздавших. – Я врач! Могу пригодиться!

Но ребятки были, видать, здоровыми людьми и болеть в ближайшем будущем не собирались.

Дядя Коля все это время неподвижно сидел на рюкзаке и, казалось, ничем не интересовался. Но, оказывается, под кожаной курткой его закипал справедливый гнев. Между плашкоутом и «Туркменией» уже образовалась порядочная щель, когда дядя Коля вдруг сорвался со своего рюкзака и с негодующим криком: «Позвольте!» – кинулся к борту.

Паганель и мужчина, назвавшийся врачом, едва успели перехватить его над самой бездной и потом уж до самого причала не выпускали из рук.

ГЛАВА XI

Утро надежд, которые потом сбываются.

На вертолете вокруг острова.

На следующее утро мы все проснулись в прекрасном настроении. Солнце, пробивавшееся сквозь редкий туман, заливало наш отдельный номер (три койки и одна раскладушка) мягким розовым светом. Мы лежали под одеялами и вслух размышляли: отчего это нам так приятно и радостно? Дядя Коля закурил трубку, и его даже не вытурили в коридор, как бывало раньше. Наоборот, папа добродушно спросил, что за табачок он сегодня курит: «Золотое руно» или «Принц Уэльский». Дядя Коля ответил, что он курит «Нептун», перемешанный с махоркой.

– Прекрасный запах, – похвалил папа. Подумав еще немного, мы пришли к выводу, что хорошее настроение наше объясняется счастливым устройством в гостиницу, на что вчера вечером, сойдя с теплохода, мы не очень-то рассчитывали и были готовы уже ставить палатку где-нибудь за околицей Южно-Курильска. Такой ночлег нам предсказывал один путешествующий студент на «Туркмении». Студент скитался по островам уже два месяца, он был тертый, штопанный, исхудавший до костей и все на свете знал. Здесь, говорил он, не любят празднующихся туристов Их не любят рыбаки, представители местной власти и администраторы гостиниц. Больше всего туристов не любят пограничники – и это как раз самое печальное. Потому что у пограничников, во-первых – транспорт, а во-вторых, – право не пускать. Так что, говорил студент, скорее всего, мы сможем посмотреть только ничем не примечательный унылый городишко Южно-Курильск, ну еще берег, который здесь захламлен гниющими останками судов, бочками, цистернами и прочими железяками, да, может быть, горячий пляж. В глубь же острова нас не пустят, а если и пустят, то не помогут транспортом – и тогда мы будем блукать по здешнему бездорожью не меньше месяца, так ничего толком и не увидим, наголодаемся, пооборвемся, простынем и выберемся на материк такими скелетами, что нас мать родная не узнает. Если, конечно, выберемся. А то ведь могут разразиться ливни, бури, тайфуны – и тогда вообще придется зимовать.

Паганель деликатно намекнул студенту, что мы все же рассчитываем на некоторое содействие, поскольку представляем не то чтобы празднующихся туристов, а, в некотором роде, лекторскую группу – сочетаем, так сказать, приятное с полезным.

Студент посмеялся над Паганелем. Здесь таких лекторов, сказал он, полтеплохода. И лекторов, и артистов – кого хочешь. Есть свои академики Келдыши и Леониды Утесовы. И все за вертолетик или вездеходик готовы хоть на голове стоять. «Вы присмотритесь внимательно», – сказал он.

Мы присмотрелись. Теплоход и правда, наполовину был забит туристами. Мы очень скоро научились отличать их: по штормовкам, рюкзакам, а главное – по угрюмым лицам.

Интересно бы узнать, кто пустил слух, что туристы веселый, неунывающий народ? Наверняка этот человек видел туристов только в пригородных электричках, где они действительно бывают веселыми, когда вечером, возвращаясь домой, радостно поют: «Попал я, бедненький, в холодную ночевку, и холод косточки мои пересчитал». Я думаю, они радуются тому, что на самом-то деле ни в какую холодную ночевку не попадали, а только утром выехали за город, хорошо отдохнули – накупались, позагорали, съели все консервы, весь плавленый сыр и копченую колбасу, и теперь у них прекрасное настроение. Кроме того, они захватили в электричке все сидячие места и знают: никто их не сгонит – туристов сгонять не принято. Просто отдыхающего можно – он в холодную ночевку не попадал. А туристов, считается, нельзя. Вот они и веселятся.

Настоящие же, не пригородные туристы народ ужасно мрачный. Мы, например, за всю дорогу не встретили ни одного не то чтобы поющего или смеющегося, но даже просто улыбающегося туриста. Дядя Коля считает, что такими их делают невыносимо жестокие условия существования: тяжелая грубая одежда, рюкзаки, под которыми согнется даже лошадь, скверная пища, кровавые мозоли на ногах, отсутствие горячей воды, простудные заболевания, гнус. От всего этого, говорит дядя Коля, вымирали целые народы. А туристы пока держатся. Так что не надо судить их слишком строго. Любому на месте этих ребят было бы не до песен.

– Интересно, где сейчас вчерашний прорицатель? – сладко потянувшись, сказал Паганель. – Кажется, отдал бы сто рублей, лишь бы не оказаться на его месте.

Папа не согласился: сто рублей, сказал он, заведомо много, но вообще-то, четвертую часть можно отдать не глядя.

Они пофантазировали немножко: представили, как несчастный студент, покрывшийся гусиной кожей и взъерошенный, стуча зубами, вылезает сейчас из отсыревшей палатки, и развеселились еще больше.

Вчера никому из туристов, ехавших с нами на «Туркмении», даже в голову не пришло обратиться в гостиницу. Они взвалили на плечи свои рюкзаки и бесшумно, как привидения, растворились в темноте. В результате – единственный свободный номер достался нам. Правда, Паганель позвонил перед этим не то в райком, не то в райисполком и сказал кому-то солидным голосом, что вот, мол, два приезжих профессора и один литератор убедительно просят оказать им содействие. После этого дежурная чуть ли не сама затащила наши рюкзаки на второй этаж.

Вспомнив про этот прием, Паганель и папа совсем загордились.

– Надо кое-что иметь тут, – сказал папа, постучав себя согнутым пальцем по голове. – Как можно, вообще, сравнивать жалкую студенческую самодеятельность с выступлениями профессиональных лекторов!

– И профессионального литератора, прошу не забывать, – вставил дядя Коля.

– Два-три квалифицированных доклада, которыми здесь, конечно, же, не избалованы, – начал загибать пальцы Паганель, – одна литературная встреча – и местные товарищи поймут разницу между нами и этими самозванными агитбригадами, которым только дай, дай и дай. Кстати, – заметил Паганель, – мы вообще не должны ничего просить – и все с ним согласились: да-да, просить ни в коем случае нельзя! Нельзя даже и виду показывать, будто мы в чем-то нуждаемся. Ну, разве что слегка так намекнуть, мимоходом вроде бы погрустить: вот, дескать, все работа и работа, все горение, а между тем проезжаешь разные красивые экзотические местности. Вот и здесь, мол, надо полагать, немало интересных достопримечательностей.

Через два часа мы сидели у высокого районного начальства, изо всех сил стараясь показать, что ни в чем, ну совершенно ни в чем не нуждаемся. У Паганеля, папы и дяди Коли даже скулы побелели от напряжения. Начальник маялся. Он, видать, привык к таким посетителям, которым только дай, дай, и с людьми, ничего не требующими, а наоборот, только предлагающими, столкнулся впервые – и потому не знал, как себя вести.

– Так-так, – говорил начальник. – Надо обмозговать... Попробуем что-то сделать для вас, товарищи... Значит, говорите, два доктора и писатель? Очень, очень приятно. Наши места влекут... У вас как со временем? Ограниченно? Тогда придется вас соединить – не возражаете? И денька через два. Раньше не получится. Завтра у нас, видите ли, уже выступает один член-корреспондент на тему э-э-э... катер ему, в общем, до Шикотана. Послезавтра (начальник перелистал календарь) – тоже вот, кстати, писатель, лауреат премии (тут он назвал такую всемирно знаменитую фамилию, что дядя Коля невольно свел под столом пятки вместе и почти-точно убрал за спину трубку).

Все приуныли. Сбывались худшие предсказания студента с «Туркмении». Начальник заперевивал еще больше. Чувствовалось, что ему нас очень жалко. Все же, как-никак, папа и дядя Толя были настоящими учеными, а дядя Коля – настоящим писателем, хотя и не лауреатом.

– Конечно, два дня пропадают, – посочувствовал начальник. – Свозить бы вас куда-нибудь, по-хорошему-то...

Дядя Коля с трудом расцепил губы и хрипло сказал:

– Работаете, работаете... горишь...

– Эти самые, – заскрипел стулом папа, – достопримечательности пропускаешь.

Начальник оживился. Все же он был хорошим человеком и догадливым.

– Места у нас красивые, – сказал он. – Есть что посмотреть. Вот сейчас горбуша идет – редкостное, доложу, зрелище. Так что же? Сегодня у нас вертолет по точкам летит – можем вас прихватить. Облетите остров, посмотрите на него сверху. Если повезет с погодой, Японию увидите с мыса Головина. Там всего шестнадцать километров через пролив. А на обратном

пути, если захотите, ребята вас высадят где-нибудь на Охотском берегу – поживете там денек. Снаряжены, я вижу, вы по-походному.

Вертолет летел сначала вдоль океанской стороны, и внизу были отвесные скалы с низвергающимися водопадами. Скалы казались совсем ровными, словно отрезанными громадным ножом, прямо к подножию их подступало море, никаких камней, гротов и бухточек здесь не было. Иногда остров сужался, и тогда можно было увидеть внутри его озера, окруженные лесом, светлозеленые поляны низкого бамбука, даже противоположное Охотское побережье, изрезанное заливами, и далекие-далекие, едва заметные полосы набегающих волн.

В общем, все это было просто замечательно – и сам полет, и картины, открывающиеся перед нами, и если бы я умела художественно описывать природу, то мне не хватило бы, наверное, десяти страниц.

Но я, к сожалению, не умею. Папу, например, это мое неумение страшно раздражает. Он считает, что в таком возрасте у меня должна быть просто необыкновенная фантазия, я обязана находить свежие образы и сравнения, видеть то, что огрубевшие взрослые уже не в состоянии рассмотреть. Из-за этого каждая наша прогулка за город превращается в экзамен.

– Малыш, – начинает папа, как только впереди покажется какая-нибудь полянка или лесок, – как ты находишь этот пейзаж?

– Он красивый, – отвечаю я.

Папа всплескивает руками:

– Красивый!.. И только-то? Какое потрясающее открытие! Неужели ты ничего больше не можешь сказать об этих прелестных березках?

– Они зеленые, – подумав, добавляю я. – А стволы – белые.

У папы на скулах начинают вздуться желваки.

– Ну, ладно, оставим березки... Вон плывет облако. На что оно похоже?

– На вату, – уныло говорю я.

– Ольга! – негодует папа. – Напряги же воображение, в конце концов!

Я напрягаю воображение изо всех сил, но облако все равно остается похожим на вату. Такая уж я бездарная. А между тем есть очень талантливые дети. Например, трехлетний сынишка одного папиного знакомого, выйдя как-то на улицу и увидев радугу, нашел, что она похожа на арбуз. Он как раз недавно ел спелый арбуз, но, оказывается, не просто ел, а запечатлевал его в своем детском воображении. Сын другого знакомого, между прочим, литератора – как наш дядя Коля – однажды в присутствии отца, указав пальчиком на только что народившийся месяц, спросил: «Что это там такое, желтое и тонкое, как ноготь?» Отец потом вставил это сравнение в один из своих рассказов, и все критики дружно похвалили свежесть его и оригинальность.

– Кстати, – говорит папа, – а по-твоему, на что походит месяц?

Месяц, по-моему, ни на что не походит. Он тонюсенький, бледный, красивый, и его жалко – все время кажется, что вот сейчас он дотаает и пропадет совсем. А если он и походит, то лишь на самого себя, каким его рисуют на картинах.

– Ну, а на апельсиновую дольку, допустим? – настаивает папа. – На подкову, на ятаган, на лепесток?

Я упрямо мотаю головой: нет, нет, нет.

Не знаю, может, когда-нибудь я научусь все это путать, но пока месяц мне кажется похожим на месяц, береза – на березу, облако – на облако, а не на верблюда, и верблюдов – на самого себя, а не на облако.

...Мы летим, приземляемся на разных «точках»; к стройному красивому руководителю полета подбегают начальники помладше и, поздоровавшись, докладывают про разные свои дела. Мы не слушаем, деликатно отходим в сторону.

Руководитель, вообще, строгий. Он называет нас «граждане туристы», велит не крутиться под винтами, не отходить далеко, не подходить близко, не разбредаться и не сосредоточиваться.

Только когда на одной точке ему забросили в вертолет мешок его любимых кедровых шишек, он отмяк, сделался разговорчивым, гражданами нас больше не называл и охотно начал рассказывать местные легенды и поверья.

В одном месте он даже приказал пилотам обождать полчаса и лично возглавил экскурсию на горячее озеро, образовавшееся в кратере давно потухшего вулкана. По дороге он все время срывал то шишки с кедрового стланика, то редкие ягоды, давал нам попробовать и объяснял, какие именно витамины в них содержатся.

Озеро оказалось на самом деле диковинным. Горячими были мягкие серные берега его, горячей была вода, по берегам клокотали кипящие родники. Все оно шипело, булькало и дымилось.

Вот здесь, между прочим, сказал наш экскурсовод, сварилась однажды корова местного товарища. За ней гнался медведь, корова с разгона залетела в озеро и тут же сварилась. Медведь, однако, не смог попользоваться вареным мясом. Он сунулся было в озеро, но обжег лапы и поворотил назад. Это так разъярило его, что, встретив другую корову, медведь одним ударом своротил ей в сторону рог.

Может, мы не очень-то поверили бы в его легенду, если бы на обратном пути нам не попалась та самая пострадавшая корова. Обрадовавшийся руководитель схватил ее за здоровый рог и стал подзывать нас

– Идите, идите! – кричал он. – Не бойтесь – она не бодучая. Мы подошли. Рог у коровы действительно был вывернут, словно дерево могучим ураганом.

Окончание этой истории мы услышали возле вертолета, от старожилков. Хозяин коровы, кровно обидевшийся на медведя, взял карабин, прицепил за спину рацию и пошел на охоту. А на противоположную сопку посадил наблюдателя с биноклем, который по радио командовал ему: «Направо поворачивай... Теперь налево. Давай – прямо».

Короче, медведь шел по нюху, а хозяин по радио, и, конечно, техника победила.

Мы про такой способ охоты слышали впервые и очень удивились. А дядя Коля восхищенно сказал:

– Шагает, елки-палки, технический прогресс!

Кроме медведей, здесь, на островах, других нарушителей спокойствия, рассказывали нам, не бывает. Существует, правда, легенда про одного заблудившегося диверсанта, но так давно это было, что теперь никто толком не помнит, где именно случилось. Помнят только, что диверсант был страшный мужчина. Он знал джиу-джитсу, каратэ, умел стрелять в темноте на звук, ломал ребром ладони кирпичи и пробивал собственной головой заборы. А поймали его ребяташки, школьники. Они как раз загорали в кустиках на берегу и вдруг увидели, что из моря вылезает какой-то циклоп. Диверсант же их не заметил, стащил с себя гидрокостюм и начал закапывать в песок. Тут один из пацанов шепотом сказал у него за спиной: «Руки вверх!»

Диверсант был готов ко всему, как он потом признавался. Ждал, что ему придется драться врукопашную с целым взводом пограничников, что на него закричат басом: «Стой! Кто идет?!» – или спустят собаку. Но этот жуткий шепот за спиной на совершенно пустом, диком берегу временно парализовал его. Словом, когда диверсант, связанный четырьмя брючными ремнями, очнулся и увидел, какие сопляки его арестовали, он, говорят, плакал и грыз зубами землю. Но было уже поздно.

Скоро мы расстались с пилотами. Они высадили нас, как договаривались, на берегу Охотского моря.

Вертолет скрылся из виду; мы остались одни на бесконечном песчаном пляже и вдруг почувствовали, как далеко уже забрались. Япония была теперь ближе, чем даже Южно-Курильск, который загораживали лесистые сопки и упирающийся в облака вулкан Менделеева, остров Сахалин представлялся отсюда Большой землей, а до родного дома простиралось, вообще, чуть ли не треть планеты.

ГЛАВА XII

Рыбалка на Кунашире. Варвары и гуманисты.

Здесь, на берегу Охотского моря, в маленькой прозрачной речушке, прыгающей по камням, папа наконец-то увидел рыбу. То есть он видел ее и раньше. И не только видел, но сам ловил – в то старое доброе время, когда рыба повсюду кишмя кишела. Папа выхватывал на спиннинг толстых, как полено, тайменей, подсекал двухметровых щук, выуживал карасей, не умещавшихся на сковородке.

Дядя Коля тоже был удачливым рыбаком. Он, правда, специализировался по мелкой рыбе, но таскал ее ведрами, мешками и коробами. Про Паганеля и говорить нечего. Скумбрия, кефаль и ставрида, бычки и камбала никогда не переводились на его столе. Но, видимо, даже в тот золотой век, когда папа запросто ловил тайменей, а дядя Коля – стерлядь на обыкновенную бельевую веревку и ржавый крючок, никто из них не видел ничего подобного: горбуша, шевеля толстыми спинами, шла в речку густо, как толпа пассажиров в метро; обдирая бока, прыгала через камни на перекатах; некоторые рыбины даже с разгона вылетали на берег.

– Стой! – сказал папа. – Стой, не шевелись! – Хотя никто и не шевелился – все остолбенели. – Сейчас мы будем ее фотографировать. – И, низко пригнувшись, он подкрался к берегу.

Он мог не подкрадываться – рыба совсем не боялась людей.

Пока папа щелкал затвором, снимая уникальные кадры, дядя Коля разулся, прошел туда-сюда вдоль речки и поймал руками здоровенную горбушу. Паганель и папа перестали дышать.

– Дохлая? – спросил папа, приходя в себя. – На берегу подобрал?

Но рыбина была явно не дохлая. Она трепыхалась в руках дяди Коли, била хвостом по куртке, пачкая ее чешуей.

– С икрой! – сказал папа. – Клянусь – с икрой! – И быстро начал снимать брюки.

Паганель заявил, что в рыбалке его, прежде всего, интересует процесс. Для него важно, чтобы была быстринка, за быстринкой – омуток, а за омутком – снова перекастик. И чтобы кустики нависали.

После чего он ушел вверх по реке, искать такое идеальное место.

Дядя Коля, воодушевленный своим первым успехом, попытался сначала ловить рыбу голыми руками. Но у него не получилось. Очень скоро он промок до нитки, развесил одежду на кустах, надел шерстяные носки и, мелко дрожа, уселся на берегу греться.

Если бы дядю Колю высадили на необитаемом острове без запаса пищи и огнестрельного оружия, он наверняка умер бы с голоду. Уж очень медленно он эволюционировал. Маленько обсохнув, дядя Коля решил бить рыбу камнями, для чего сначала потренировался на берегу, стараясь попасть маленьким камнем в камень побольше. Почувствовав, что рука его достаточно окрепла, дядя Коля насыпал в подол рубахи гольшей и забрел в воду. Но и тут его постигла неудача. Дело в том, что на берегу он вел огонь по неподвижным целям, а рыба на месте никак стоять не хотела. Дядя Коля только зря взбаламутил воду.

Через два часа, перепробовав множество способов, дядя Коля изобрел, наконец, первое доисторическое орудие. Он надрал лыка, выбрал камень потяжелее и привязал его к валявшейся на берегу палке. Осмотрев свою палицу, дядя Коля с грозным криком замахнулся ею. Камень вырвался из пут, со свистом полетел назад и чуть не сразил папу. Хорошо, что папа в пылу охоты не заметил этого покушения. Папа вообще никого и ничего не видел. В красной рубахе, обтягивающей брюшко, футбольных трусах, с огромной дубиной в руках, даже не дубиной, а целым бревном, рассекая пятки об острые камни и поднимая тучи брызг, он гонялся

по речке за недобитой рыбой. Иногда торжествующий папин вопль доносился аж с берега Охотского моря, в которое впадала речка. Это означало, что папа настиг бедную полуголушенную рыбу и упал на нее животом.

Дядя Коля, пробуя разные способы, тоже в конце концов оглушил несколько рыбин, так что вместе с папиным уловом кучка образовалась порядочная. Папа тут же захотел сфотографироваться рядом с рыбой. Он принял позу Геркулеса, как ему, наверное, казалось: оперся на свою ужасную дубину и напряжинил грудь. Золотые очки его воинственно сверкали. Уважаемый доктор наук и профессор походил на питекантропа с рисунка из учебника истории.

Возвратился Паганель и начал всех срамить.

– Варвары! – сказал он. – Дикари!.. Что плохого сделала вам эта несчастная рыба?!

Папа ехидно поинтересовался: а что такое у самого Паганеля в авоське?

– Да, это рыба! – заносчиво вскинул бороду тот. – Но я поймал ее гуманным способом.

Оказывается, Паганель ловил рыбу, не нанося ей увечий. Просто он выжидал момент, когда она, устав бороться с течением, повернет назад, чтобы взять новый разгон, подставлял авоську и – оп! – выбрасывал ее целую и невредимую на берег.

– Так, так, – обиженно заговорили между собой папа и дядя Коля, – очень интересно: они, значит, варвары – а он, значит, гуманист. Спасибо, что объяснил. Теперь они, по крайней мере, будут знать, кто такие гуманисты. Оказывается, это те, которые по голове тебя не бьют и руки не выкручивают, а ласково берут за жабры и сажают в сетку. Гуманно предоставляют возможность умереть собственной смертью... Только так и можно заслужить благодарность потомков, пришли к выводу папа и дядя Коля. Возможно, и Паганеля не забудут. Вот здесь прямо, на берегу этой безымянной речки, ему соорудят памятник: он будет стоять на пьедестале весь такой гуманный-прегуманный, с полной авоськой в руках – и пионеры, проходя мимо, будут отдавать ему салют.

А я сказала, что, кажется, знаю теперь, почему рыбы становится везде меньше и меньше.

– Молчать! – прикрикнул папа. – Поразговаривай у меня!.. Философ нашелся.

Вечером был устроен рыбный пир.

Горбушу выпотрошили (за это дело взялся дядя Коля и проявил большие способности), достали из нее икру, промыли, посолили, и через пятнадцать минут ее уже можно было есть. Из голов сварили уху (кто-то вспомнил, что самая лучшая уха получается именно из голов), на второе решили приготовить горбушу, жаренную на вертеле, а оставшуюся рыбу – посолить впрок.

Для соления осталось четыре горбуши, но они были очень большие, и Паганель сказал, что часть рыбы, видимо, придется бросить, иначе будет тяжело нести.

– Что ты – бросать! Такое добро! – испугался папа. – Всю, всю солить надо!

С папой творилось что-то невероятное. Из грозного охотника на мамонтов он превращался на наших глазах в суетливого мужичка-боровичка. Он даже разговаривал на какой-то деревенский лад. «Своя, чать, рыбка-от, не купленная! – бормотал папа, хлопоча вокруг мисок и кастрюль. – Грех ее, поди-тко, кормилицу нашу, бросать. Грех!» Есть икру папа нам сразу не позволил, а сначала высыпал ее всю в большую тарелку и сфотографировал. Потом он велел нам с Паганелем взять ложки, зачерпнуть побольше икры, разинуть рты – и сделал еще несколько снимков.

– Надо, чтобы осталось свидетельство, – объяснил папа. – Иначе никто из знакомых не поверит, что мы здесь уплетали такой дефицит столовыми ложками.

Лишь после этого мы приступили к поеданию икры.

Дядя Коля намазал икрой хлеб, откусил один раз и, непочтительно размахивая этим бесценным бутербродом, пустился в рассуждения.

Ажиотаж вокруг красной икры, сказал дядя Коля, по его мнению, раздут искусственно. Все только и твердят: ах, икра! ох, икра! Как будто без нее и жить невозможно. А между тем

живем ведь, хотя в глаза ее сроду не видим. Живем – и только здоровеем. Вообще, лично он не считает икру такой уж вкусной пищей. Соленые помидоры, например, куда привлекательнее. Он даже удивлен, что мы их до сих пор не экспортируем.

– Жареные грибы, – не согласился Паганель. – Самая вкусная еда на свете – жареные грибы.

Один папа не находил, что ажиотаж вокруг икры раздут. Он накладывал ее на хлеб толстыми бугристыми слоями и сосредоточенно поглощал кусок за куском. На носу у папы выступила испарина. Дискуссия его не интересовала. Временами папа косил ревнивым глазом на мой бутерброд, молча отнимал его и собственной рукой докладывал икры (ему все казалось, что мои ломти намазаны слишком тонко). Но и этого папе было мало. Папа хватал ложку, подносил ее к моему рту и требовал:

– Придай!.. Кусай от бутерброда и придай из ложки!

Паганель и дядя Коля заскучили.

Дядя Коля поднял глаза вверх и тонким фальшивым голосом сказал:

– Обрати внимание, старик, какое меткое народное словечко: придай.

Паганель подтвердил, что словечко действительно меткое.

– И пришло оно к нам, – сказал он, – из глубокой старины, из тех времен, когда народ жил крайне бедно: был угнетен, голодал и мыкался. «Приедать», «приесть» означало, скорее всего, прикончить все запасы пищи – весь хлеб, всю картошку, все просо. То есть докатиться до крайней степени обнищания – до лебеды и мякины. Однако, сохранив свое звучание, слово это приобрело в наши дни совсем иной смысл. «Приедать» означает теперь, как видно, следующее: наевшись до отвала, до тошноты, до отупения пихать в себя еще и еще. Безусловно, – сказал Паганель, – эта трансформация по-своему говорит о коренным образом изменившейся социальной психологии отдельных слоев населения.

Так они разговаривали только друг с другом, откровенно презирая жадного папу.

Однако занятый приеданием папа совсем не замечал этого. Когда совсем стемнело, расстроенные Паганель и дядя Коля ушли к реке. Они сели там на камушки, включили фонарики и стали смотреть, как обезумевшая горбуша проходит рядом с их ботинками. Голоса дяди Коли и Паганеля отчетливо доносились к нам по туману.

– Ах, как хорошо, что больше не надо ее убивать! – вздыхал Паганель.

– Охотничий азарт, черт бы его побрал! – отвечал дядя Коля. – Опасная штука. Страшно подумать, что наш брат, гомо сапиенс, натворить может... Потом, наверное, какая-то рыбка выскочила на берег. Потому что Паганель нежно сказал:

– Ну, куда же ты, лапушка? Заблудилась. Ступай назад, глупенькая.

А дядя Коля буркнул:

– Пока тебя здесь не приели.

...Догорал костер, отбрасывая на песок красные блики, сиротливо вздыхало за спиной Охотское море, голоса в тумане звучали все глуше, и от этого на душе становилось тоскливо и одиноко.

Казалось, что дядя Коля с Паганелем не сидят сейчас на камушках в двадцати метрах, а все дальше и дальше уходят вверх по реке, зябко уткнув подбородки в воротники курток...

ГЛАВА XIII

Дядя Коля возобновляет записи. Гостеприимный сварщик Петя.

Лисы Шикотана.

Совесь догрызла дядю Колю в Южно-Курильске, в тот день, когда мы уплывали на Шикотан.

Мы сидели на пирсе, ждали, когда нас возьмут на борт сейнера «Верный». Море было гладким, как натянутая полиэтиленовая пленка, и все знали, что таким гладким оно прoder-

жится еще четыре часа – как раз столько, сколько требуется, чтобы доплыть до Шикотана. А потом, возможно, ударит шторм.

Но «Верный» почему-то не торопились отправлять. То есть, может, и торопились, но пропал куда-то капитан. В диспетчерской считали, что он задержался на берегу и вот-вот будет, Капитан появился только к обеду. Его почему-то привезли с «Верного» на маленьком катерочке. Вид у капитана был заспанный и смущенный.

– Притомились, товарищи? – спросил он. – Ну, ничего, сейчас поплывем.

После этого капитан снова потерялся, теперь уж точно – на берегу.

До начала шторма по прогнозу оставалось полтора часа... Вот тогда-то на дядю Колю и нашло. Он вдруг вытащил из планшетки свой забытый блокнот. Вид у дяди Коли при этом был такой, как у человека, вынимающего из кобуры пистолет с намерением застрелиться.

Паганель и папа, переглянувшись, на цыпочках отошли в сторону. Даже начавшийся было ветерок стих.

Дядя Коля, сгорбившись над блокнотом, быстро писал.

...Когда дядя Коля пишет, на него жалко смотреть. Вот папа, например, ведет свои записи, когда все дневные дела переделаны, ужин съеден, солнце село, и ни рядом, ни на расстоянии ничего интересного не видать. Тогда папа включает фонарик и разумно использует так и так пропадающее время. А на дядю Колю находит неожиданно. Он вдруг умолкает на половине слова, глаза его стекленеют, и рука тянется к блокноту. После этого дядя Коля ничего уже не видит и не слышит, не ест, не пьет, худеет прямо на глазах, и борода у него растет в три раза быстрее.

Мы уже порядочно отплыли от берега, а дядя Коля все писал и пропустил много интересного. Он не видел, как остров сначала не хотел отставать: слева нависал над нами вулкан Менделеева, справа – большущий, пронзивший облака вулкан Тятя, и, если смотреть назад, казалось, что плывем мы на дне великанского корыта с высокими стенками. Но постепенно вода в океане начала вспухать, топить берега, а «Верный» все карабкался вверх и вверх и наконец, взобрался на покатую вершину огромной водяной горы. Кунашир превратился теперь в полоску расплывчатых холмиков, а впереди показалась уже короткая черточка Шикотана.

На вершине горы, ослепительно блестящей под солнцем, жили черноголовые птицы и дельфины.

Папа наконец отвел душу. Борты у «Верного» были низкие, дельфины выпрыгивали выше палубы, и папа снимал их в упор. Дельфинам тоже, видать, понравилось это занятие. Они начали позировать: выпрыгивали сразу вчетвером, проныривали под «Верным» или, подставив белый бок, подолгу плыли у самого борта.

На Шикотан мы пришли под вечер. Мы думали, что нас сразу высадят на берег, но «Верный» не вошел в бухту, а пришвартовался сначала к высокому борту плавучего завода «Павел Постышев». Здесь наша команда начала весело перекрикиваться с бородатыми дядьками, выглядывающими в иллюминаторы «Постышева», дескать, как да что, да не зябнут ли руки-ноги?

Переключка эта закончилась для нас печально. Капитан «Верного», повариха и еще какой-то вертлявый человек из команды перебрались на борт «Постышева». Первый раз мы видели, чтобы так поднимали людей. Им спустили веревочную сетку, они забрались вовнутрь и уцепились руками за веревку, чтобы не попадать вниз и не образовать кучу-малу. Так их и утащили на высоту пятого этажа. А «Верному» было приказано отойти пока в сторонку и дожидаться. Через полчаса Паганель пошел в рубку узнать, скоро ли поплывем дальше.

– Само покажет, – ответили матросы, посмотрев при этом в сторону «Постышева».

Паганель маленько погулял туда-сюда по палубе, опять заглянул в рубку и спросил:

– А без капитана нельзя?

– Никак невозможно, – сказали матросы. Прошло еще полчаса.

Нас медленно несло обратно.

– А может, ему погудеть? – спросил матросов Паганель.

– Вот он тебе погудит! – пригрозили матросы.

Вдобавок ко всему поднялся ветер, и меня укачало. Меня так укачало, что я не могла уже стоять на ногах, а пошла в камбуз и легла там головой на стол.

На столе была свалена большая гора нарезанного хлеба. Я попробовала съесть кусочек. Тошнота вроде отступила. Но, как только я перестала жевать, меня затошнило снова. Я стала есть хлеб. Я ела кусок за куском, гора таяла прямо на глазах, хлеб уже не лез мне в горло, но я все жевала и жевала и не могла остановиться, потому что меня тут же начинало тошнить.

Теперь уже папа отправился в рубку и заявил, что если они не хотят лишиться всех своих хлебных запасов, то пусть немедленно гудят.

Боцман Николай Иванович сказал одному из матросов:

– Выдай им еще буханку.

Матрос пошарил на камбузе и доложил, что хлеба больше нет. Тогда Николай Иванович, вздохнув, отдал распоряжение гудеть.

...Капитана и прочих нам вернули только после заката солнца.

– Ангелы вы наши спасители! – сказал Паганель, глядя на опускающуюся сетку.

– А капитан у нас орел, – отметил дядя Коля.

Капитан точно был орел. Верткий попугачик его комком лежал на дне сетки, а капитан еще держался за веревки и даже время от времени отрывал от груди свою красивую голову, чтобы бросить грозный взгляд на поджидавшую внизу команду.

На Шикотане мы хорошо устроились. Друзья Паганеля с цунами-станции отвели нас на постой в большую квартиру сварщика Пети. Сварщик Петя был одинокий и очень добрый человек. Мы сразу поняли это, как только он вошел. Петя увидел незнакомых людей, и глаза его нежно заголубели.

Одна из Петиних комнат была превращена во временный склад. Он разворотил большую гору имущества, выдал каждому из нас по два меховых спальника, поставил четыре раскладушки и, пока мы застилали свои кровати, быстренько накрыл в соседней комнате стол.

– У нас здесь сухой закон, – сказал Петя, прицеливаясь, куда бы поставить огромный и круглый, как люстра, графин. – То есть полусухой.. То есть совсем, конечно, сухой. Но знакомым людям дают.

Паганель взглянул на графин и зажмурился.

А папа храбро выпил рюмочку.

Он выпил, посидел минуту с распахнутым ртом, вытер набежавшую слезу и заговорил с Петей о другом применении спирта. Петя охотно подтвердил, что за спирт здесь можно достать и крабов, и кетовой икры – что верно, то верно. Правда, у самого Пети не было почему-то ни того, ни другого. Мы угостили Петю остатками нашей кунаширской икры. Петя отнесся к ней положительно.

В разгар ужина пришел один Петин приятель, бывший мореход, а теперь работник электростанции – так он представился. Приятель оказался бойким человеком. Дяде Коле он сразу сказал:

– Не верю, что ты писатель.

– Ну, что ж, – пожал плечами дядя Коля – Не верите – не надо.

– А ты меня убеди, – сказал приятель. – Покажи книжку.

– К чему, – снова пожал плечами дядя Коля. Но приятель очень просил убедить его, и дядя Коля показал сборник рассказов, который возил с собой.

Приятель быстро оттянул ворот свитера и спустил книжку за пазуху. А с дядей Колей пообещал рассчитаться лисьими шкурками. Он сказал, что в соседнем поселке, Крабовозаводске, живет его закадычный друг – великий охотник на шикотанских лис. Друг стреляет их из ружья,

а также травит собакой. Собака у него, что удивительно, сеттер, которого он переучил с водо-плавающей птицы на лисью охоту. Сначала сеттер не очень соображал в этом деле, но после того, как один старый лис выцарапал ему правый глаз, остервенился и теперь давит их, прямо как котят.

Приятель дал нам адрес охотника и велел завтра же идти в Крабозаводск. Каждый получит по шкурке, – говорил он. Самую лучшую охотник, конечно, отдаст дяде Коле – приятель сам его об этом попросит. Остальным достанутся шкурки похуже. Но тоже ничего. Папа, возможно, получит слегка побитую молью (папа почему-то понравился приятелю меньше других).

Скоро папа и Паганель вылезли из-за стола. Папа оправдался тем, что ему надо заняться ребенком – то есть мною, а Паганель взялся ему помогать. Один слабохарактерный дядя Коля ничего не сумел придумать и остался.

Несколько раз потом дядя Коля выглядывал из комнаты и укорял папу с Паганелем:

– Дезертиры! – говорил он. – Выходит, и здешнее гостеприимство мне одному переносить? Это при моей-то печени.

Чувствовалось, что дяде Коле тоже очень хочется нырнуть в спальник. Но раскрасневшийся Петин приятель хватал его за плечи и увлакивал обратно – досказывать про то, как он тонул в Гибралтарском проливе...

ГЛАВА XIV

Два похода по Шикотану.

Погода с утра испортилась. Надвигается тайфун. С вершин сопков ползет туман, дует холодный ветер, на море – барашки.

Все суда попрятались в бухту – лов сайры прекращен, и заводы встали.

По пыльным улицам Мало-Курильска бродят без дела толпы сезонников и студентов. И у нас настроение кислое. Решили вдруг пойти на почту и отбить по телеграмме домой.

Паганель сидел над своей целых полчаса – думал, как бы ему уложиться в минимальное количество слов. В конце концов он написал: «Жив, здоров».

Дядя Коля сердито удивлялся.

– Черт-те что, – ворчал он. – Корпеть полчаса и все же ухитриться допустить лишнее слово. Это надо уметь.

Вообще, Паганель начинает всех выводить из себя своей рассеянностью. Утром он просыпается, долго прислушивается к чему-то, вытянув шею, и встревоженно показывает пальцем за окно: «Что это там такое – пи-пи-пи?»

Папа взрывается: «Ты напоминаешь мне ту слушательницу курсов Леонардо да Винчи, которая была убеждена, что творог добывают из вареников!.. Пи-пи-пи... Цыплята это, разумеется!»

Паганель везде забывает свои темные диоптрийные очки и потом возвращается за ними, ломая нам график. А вчера мы ходили в Крабозаводск. Не за шкурками, конечно. Просто так. К охотнику, впрочем, зашли – на всякий случай. Но дома его не застали, он ушел в Мало-Курильск.

Всю обратную дорогу Паганель был задумчивый-прездумчивый, а под конец признался, что устал высматривать среди встречных одноглазого мужчину.

– Так зачем высматривал? – спросили мы его.

– Ну, как же, – объяснил он. – Этот охотник, которому лис выдрал глаз... Думал, вдруг попадется навстречу...

Папу чуть не хватил удар.

– Это же у собаки его один глаз! – рыдающим голосом закричал он.

Начальник цунами-станции сказал, что отправляться сегодня куда-то далеко он нам не советует – рискованно. Но если мы не хотим терять времени даром, то до начала тайфуна, то есть до двух часов дня, можем посмотреть самую ближнюю бухточку. Бухта очень симпа-

тичная, до нее каких-нибудь два километра, и туда даже можно спуститься – есть тропа, огражденная канатами.

Сразу же за крайними домами Мало-Курильска, на горке, ветер оказался таким сильным, что Паганель засомневался в правильности расчетов цунамистов. Похоже на то, сказал он, что тайфун уже обрушился на остров, а они там у себя все еще ждут его. И вообще, не лучше ли нам повернуть назад?

Папа, перенесший за свою жизнь несколько тайфунов, посмеялся над Паганелем. Считай, сказал он, что это легкий ветерок. Так себе – зефир. Когда загудит тайфун, мы поползем на четвереньках. Заведомо. Тайфун поднимает камни и выворачивает с корнем деревья. А пока еще ни одно дерево не вывернуто... Вернуться, впрочем, можно. На всякий случай. Он не против.

Они остановились, решили подождать отставшего дядю Колю и спросить его мнение.

Однако дядя Коля, погруженный в свои мысли (он уже второй день был в них погружен), прошагал мимо, не откликаясь. Из трубки его снопами летели искры – подходить к дяде Коле ближе, чем на четыре шага, было опасно. Мы двинулись вперед и скоро опять перегнали сосредоточенного дядю Колю.

Тропинка вела все вверх и вверх, и ветер с каждым шагом становился злее. На открытых местах он так плотно прижимал к земле высокую траву, что казалось, будто ее долго утюжили асфальтовым катком.

У самого берега одиноко гулял рыжий теленочек. Когда он поворачивался хвостом к морю, короткая шерсть его вставала дыбом.

Мы сначала любовались с крутизны открывшимся видом, а Паганель, вытянув руку, даже попытался спеть:

«О скалы мрачные дробятся с ревом волны!» – но поперхнулся собственной бородой и умолк.

Потом начали искать спуск в бухту. Или мы вышли не на то место, или начальник станции сам никогда здесь не был, но только вместо тропы, огражденной канатами, мы нашли всего лишь ржавый трос, почти отвесно уходящий в расщелину, и больше ничего.

Паганель и папа, тем не менее, как заправские альпинисты, небрежно поплеывая с обрыва, стали убеждать друг друга, что вообще-де спуститься тут можно, ничего такого смертельного они в этом не видят и так далее.

Подошел дядя Коля, молча постоял рядом, потом, словно очнувшись вдруг, спросил: «Можно, говорите?» – и, сунув трубку в карман, полез вниз.

– Куда? – спохватился Паганель. – Вернись немедленно, безумец!

Дядя Коля от этого неожиданного крика втянул голову в плечи, но не остановился.

– Николай, я тебе приказываю! – неумело строжилась Паганель и даже топал ногами.

Дядя Коля не отвечал. Он спускался все ниже и ниже, цепко перехватывая трос. Из-под ног его вырывались камешки и, пощелкивая, прыгали с уступа на уступ. Иногда дядя Коля поднимал вверх лицо и виновато улыбался, словно хотел сказать: «Вот лезу... А что поделаешь? Извините».

– Он с ума сошел! – переживал Паганель. – Через двадцать минут начнется тайфун – его же как песчинку сдует.

А хладнокровный папа, видя, что дядя Коля возвращаться не намерен, свесился над обрывом и несколько раз щелкнул фотоаппаратом.

– По крайней мере, сказал он, останется доказательство, что не мы спихнули этого полумного.

Тайфун, слава богу, не разразился через двадцать минут. Иначе дяде Коле пришлось бы плохо – он спустился уже так низко, что казался сверху не больше таракана. Паганель не выдержал этого зрелища, отошел в сторону и сел на траву.

– Чувствую, – сказал он, – что надо возвращаться. Наступил, видимо, критический момент – наша психика начинает преподносить сюрпризы. Ну, вот что это с ним такое, скажите?

«Подкорка», – объяснил умный папа. – Это довольно распространенное явление, сказал он. Бывают моменты, когда подкорка выходит из повиновения коры большого головного мозга, и тогда человек совершает поступки, которых сам же потом стыдится. Вот, например, недавно один студент-дипломник, светлая, между прочим, голова, будущее украшение науки, перед самой защитой дипломной работы зачихал под дверь папиного кабинета две малосольные селедки, к хвосту одной из которых была привязана бумажка со словами: «Смерть кашалотам! Все под знамена герцога Кумберлендского!». Другой бы профессор, не знающий про существование подкорки, устроил этому студенту веселую жизнь. Но папа знал и поэтому не стал придавать значения выходке дипломника. Тот на следующий день прекрасно защитился, а папа подарил ему собственные его селедки – под общий, разумеется, хохот.

– Значит, у Гуся тоже подкорка! – догадалась я.

– У какого еще гуся? – спросил папа.

Тогда я рассказала им про мальчишку из нашего класса, Вовку Гусева, у которого подкорка, видать, очень часто выходит из повиновения, а преподаватели считают, что он просто недоумок, и хотят, чтобы его перевели в школу для слаборазвитых. Последний раз подкорка у Гуся вышла из подчинения, когда мать послала его за хлебом. Гусь повесил на руль велосипеда дерматиновую сумку и уехал. Но хлеба он почему-то не купил, а вместо этого напихал в сумку силикатных кирпичей и привез матери. Мать потом гонялась за Гусем с палкой по всему жилмассиву, но так и не догнала – все же он был на велосипеде.

Папа сказал, что наш Гусь, скорее всего, действительно придурок – учителя правы. И очень жаль, что мать в тот раз не догнала его. Что же касается дяди Коли, продолжил папа, то он наверняка уже отрезвел, посмотрел вверх – и небо показалось ему с овчинку. Кроме того, он, конечно же, представил, как мы здесь переживаем, и ему стало неудобно. Так что сейчас он, подгоняемый стыдом и страхом, бешено карабкается вверх, и через секунду-другую мы будем иметь удовольствие снова лицезреть его.

Тут и правда над краем обрыва показалось перепачканное дяди Колино лицо. Он сделал несколько тяжелых шагов, повалился на траву и стал дуть на истерзанные тросом ладони. Паганель снова заволновался:

– Ну, что ты хотел этим доказать? Мальчишка! Седина в голову, а бес в ребро, да?

Но папа незаметно лягнул Паганеля ногой, чтобы тот молчал... пока дяди Колина подкорка опять не вышла из повиновения.

А через день мы отправились в главный наш поход по Шикотану – на Мыс «Край Света».

Сварщик Петя сказал нам, правда, что ничего такого исключительного там нет. Во всяком случае, это не тот край света, где суша соединяется с небом и откуда, просунув голову в щель, можно заглянуть за пределы земли. Просто там красивый берег, скалы торчат из моря довольно живописно, и вообще, за этим мысом начинается сплошной океан – до самой Америки. Но сходить туда, конечно, надо – поставить крыжик. На Шикотане «Край света» такое же обязательное для посещения место, как, допустим, Эрмитаж в Ленинграде или Третьяковка в Москве.

Паганеля и дядю Колю очень забавляло, что мы идем на мыс с таким оригинальным названием. Настроение у них сделалось игривым, они все хотели остановить какую-нибудь девушку и предложить ей отправиться с ними на край света. Они даже начали, перешептываясь и хихикая, приглядываться к встречным женщинам, но папа охладил их. Возможно, сказал он, не одни вы такие остроумные, и эта шутка всем здесь уже надоела.

Утро было солнечным, теплым, и дорога на «Край света» оказалась «потрясающе», как сказал Паганель, красивой. Она петляла между лесистых сопок, то и дело нам приходилось

перебредать светлые речушки, в которых, по словам Пети, водились хариусы, и дядя Коля всякий раз вздыхал: «Эх, посидеть бы здесь с удочкой!»

Немного портил всем настроение Паганель с фотоаппаратом (он взял его напрокат у своих знакомых с цунами-станции).

Когда в руках у Паганеля оказывается фотоаппарат, все окружающие как-то съеживаются, умолкают и стараются не встречаться с ним глазами.

Но это их все равно не спасает. Первое время Паганель, громко восторгаясь и приглашая восторгаться остальных, снимает виды – и тут можно еще отделаться поддакиванием. Однако наступает момент, когда он говорит:

– Этому пейзажу явно не хватает человеческой фигуры, – и придерживает за рукав кого-нибудь из нас. – Будь любезен, постой немножко вот здесь.

Поймав жертву, Паганель начинает долго прицеливаться. Он забегает справа, слева, приседает и даже ложится. Потом говорит:

– Все очень хорошо, но ты не в рамке. Сдвинься, пожалуйста, чуть-чуть вправо.

– А почему бы тебе не установить рамку, – возражает снимаемый (чаще других им оказывается дядя Коля). – Неужели это так трудно?

– Совсем не трудно, – сознается Паганель, – но тогда из кадра уйдет вон та сопочка, а мне бы очень хотелось ее сохранить.

Снимаемый покорно сдвигается вправо.

– Стой! – кричит Паганель. – Прекрасно! Изумительно! Это будет потрясающий кадр!.. Только отшагни назад – ты не в фокусе.

Загнав человека в рамку и фокус, Паганель говорит:

– Теперь, пожалуйста, заметь это место. Ну, выдолби там ямочку пяткой. И подойди сюда. Какая-то незнакомая система – я не пойму, как здесь ставить выдержку и на что нажимать.

Натурщик замечает место, подходит к Паганелю, устанавливает выдержку, отыскивает то, на что полагается нажимать, и нечаянно спускает затвор. Толкаясь и вырывая друг у друга фотоаппарат, они пытаются перекрутить пленку – и в результате теряют место, на котором стоял сам Паганель. И хотя ямочка, выдолбленная пяткой, сохранилась – все приходится начинать сначала.

На перевале, откуда виден стал уже далекий краесветский берег в белой пене прибоя, Паганель предложил сделать остановку и минут двадцать снимал нас в разных позах. Потом он признался папе, что пленка у него идет туговато. Взгляни, мол, не кончились ли кадры?

Папа, повертев фотоаппарат, злорадно сказал: еще бы ей не идти туго, если она вообще стоит на месте. Только кондиционные ослы, сказал он, могут не заметить такого дефекта и отснять все на один кадр. Руки и ноги, сказал он, надо отрывать таким фотоаппаратом.

Словом, когда после привала Паганель заспорил, что идти дальше следует нижней тропой, огибающей сопку у подножий, мы с ним охотно согласились. Но сами пошли верхней.

Верхняя тропа была рассчитана явно на альпинистов-разрядников. Нам пришлось пересекать глубокие овраги, хватаясь за корневища деревьев, валуны и траву, продираться сквозь колючки, прыгать с выступа на выступ.

А Паганель легко шагал по нижней тропе, и мы слышали, как он распевает там строевые песни. Но не завидовали ему. Мы зато могли теперь, уцепившись за какую-нибудь лиану, спокойно полюбоваться природой: никто не загонял нас в рамку и фокус.

На «Краю свет»а было пустынно, как на краю света. К такому выводу пришел папа, отчего сам же и развеселился.

– А, малыш, верно? – спрашивал он, довольно потирая руки. – Ты не находишь?

Я находила. Действительно, пустынно было вокруг, одиноко и мрачно торчали из воды черные скалы. Океан, казавшийся вдали спокойным и гладким, незаметно подкрадывался к ним и здесь взрывался со страшной силой. Белые столбы кипящей воды вздымались к самым

вершинам утесов, а потом медленно оседали. Пена не успевала сбежать из расщелин, отчего скалы казались поседевшими.

Мы выбрали бухточку поуютнее и осторожно съехали в нее по крутому травянистому склону. Дядя Коля решил прежде всего омыть ноги в Тихом океане – в знак того, что человек венец природы и, стало быть, сильнее любой стихии. Но стихия была, видать, другого мнения. Не успевал дядя Коля поболтать в воде одной ногой, как очередная волна, разинув белую пасть, с рычанием кидалась на него, и дядя Коля принужден был улепетывать, как заяц. Волны несли с собой разный мусор и песок, так что ноги у дяди Коли сделались, в конце концов, грязнее, чем были.

Он вытер их тыльной стороной носков и обулся, удовлетворенный. Мы еще немного отдохнули в этой бухте и пошли дальше. Нам хотелось добраться до самого-самого края света, то есть до окончания соседнего мыса, дальше всех других выдающегося в море.

– Нет, все же это забываемо, – говорил по дороге дядя Коля. – Вы заметьте, здесь даже чаек нет почему-то. Только скалы, море, эта вот козья тропа – и мы... Да где-то еще в окрестностях блукает Паганель. А больше – ни души... До самой Америки!..

Не успел дядя Коля все это произнести, как из-за поворота тропы вышла девушка в костюме студенческого отряда. На рукаве ее куртки было написано: «Новосибирский пединститут».

– Здравствуйте, – улыбнулась она дяде Коле. – Ведь вы писатель такой-то? Правда?

Дядя Коля растроганно остолбенел.

– Вот... – сказал он, промокая платком глаза. – Живешь, елки-палки... Пишешь по мере сил... Ни о чем таком не мечтаешь... Как вдруг... И где? На краю света...

Тут из-за поворота вышла другая девушка, быстро глянула на папу и спросила:

– Вы профессор такой-то? Верно?

Папа, раздвинув плечи, украдкой бросил на дядю Колю торжествующий взгляд. Ага, говорил этот взгляд, не только вы, лирики, пользуетесь известностью. И нас, физиков, кое-где узнают.

Через несколько минут раскрылся секрет такой популярности папы и дяди Коли.

На самом краю «Края света», на крохотной полянке кружком сидела компания девушек, а в центре возвышался Паганель и, размахивая руками, что-то говорил им.

Ветерок, тянувший с моря, донес нам его слова. Паганель бессовестно хвастался своими попутчиками...

Мы подошли ближе. Девушки, как по команде, повернули головы и уставились на своих прославленных земляков. И так они смотрели на маявшихся папу и дядю Колю, пока дядя Коля не крикнул:

– Смотрите – нерпа! Тогда все бросились к обрыву. Там, внизу, среди ключев пены, одиноко плавала маленькая нерпочка...

На «Краю света» наш гуманист Паганель совершил гнусный антиобщественный поступок. Он выменял у студенток на восемь шоколадных конфет два бутерброда с повидлом и съел их. Один.

А эти восемь конфет были нашим общим неприкосновенным запасом.

Всю обратную дорогу папа и дядя Коля клеймили его за это. Паганель оправдывался. Сначала он честно сознался, что очень захотел есть, но это вызвало такой дружный вопль: «А, ты один, значит, захотел!» – что Паганель тут же выдвинул другой довод: дескать, неудобно было не угостить землячек. Конфеты прямо жгли ему карман.

«Но бутерброды ты все же съел! – безжалостно сказали ему.

– Ты даже о ребенке не подумал».

Вдобавок дядя Коля набил мозоль и начал отставать. Несколько раз он переобувался, болезненно морщась и говоря при этом, что если бы он теперь скушал две законно причитающиеся ему конфетки, то наверняка даже с мозолью не оказался бы обузой для отряда.

– Давай я тебя понесу, – предложил затравленный вконец Паганель.

– Нет уж, – сказал дядя Коля. – Сытый голодному не товарищ.

Обойдемся как-нибудь.

Он выломал себе костыль и героически пошел дальше – хромой, несчастный, но гордый...

ГЛАВА XV

Бегство. Как провожают пароходы.

Теплоход пришел ночью.

Мы даже не подозревали об этом: спокойно пили чай у дяди Толиных знакомых, а наши распакованные рюкзаки тем временем лежали в комнате сварщика Пети. Торопиться было некуда. Теплоход по расписанию должен был прибыть только на другой день к вечеру.

В квартире у знакомых Паганеля было по-городскому уютно: низенький столик, у которого специально, по моде, были отпилены ножки, диванчик рядом с ним, плетеный коврик на полу и березовый пень с прибитыми веточками. А вокруг столика сидели женщины (знакомые знакомых), и все они выглядели очень симпатичными. А одна была так прямо красавица. Она, как героиня какого-нибудь фильма, куталась в белую шаль, загадочно улыбалась и чуть вскидывала тонкие брови в ответ на разные слова.

Паганель, как близкий семье человек, сразу освоился. Он высоко держал чашечку с кофе, отставив в сторону мизинец, и бархатным голосом произносил: «Апше», «Должен заметить» и «Потрясающе». Дядя Коля, одичавший на воле, ронял керамические чашки, смущался и ставил локти в блюдца с вареньем. А его еще как назло попросили почитать что-нибудь свое. Дядя Коля, запустив пальцы в шевелюру, говорил:

– Ч-черт!.. Вот жаль, что я стихов не пишу... Такая обстановка, холера!.. Тут бы самый раз стихи прочесть.

У красавицы при каждой дяди Колиной «холере» удивленно и весело вздрагивали брови. Папа, как не писатель и не близкий знакомый, вниманием не пользовался – и поэтому налегал в основном на чай с вареньем. А хозяйка дома, оценившая его старательность, хотя и слушала во все глаза дядю Колю, как-то не глядя успевала подложить папе варенья, пододвинуть масло, хлеб и машинально приговаривала: «Кушайте, кушайте».

Так мы сидели, наслаждаясь уютом, когда вдруг в комнату без стука вошла еще одна женщина. Она тоже оказалась красавицей, только не такой, как первая, кутавшаяся в шаль. У этой был решительный, даже чуть-чуть грозный вид, светлые глаза глядели прямо, а на распахнутой брезентовой куртке, лице и волосах сверкали дождевые капли.

– Чай пьете, голубчики? – спросила она не здороваясь. – А там, между прочим, теплоход пришел.

– Ой, ну перестань ты разыгрывать, – заговорили остальные. – Не мешай... Вы не слушайте ее – она у нас хохмачка.

– Ладно, – усмехнулась пришедшая, бросила в угол загремевшую куртку и попросила налить ей водки.

Она выпила большую рюмку, дождалась, пока все снова успокоится, и сказала ровным голосом:

– Ну, вот что: теплоход стоит на рейде, скоро уже отправится, по случаю штормовой погоды нигде останавливаться не будет – пойдет прямо на Корсаков... Что вы на меня уставились? Не верите – позвоните диспетчеру.

И тогда началось наше жуткое бегство с Шикотана. Мы ворвались к тихому Пете и, всполюшив его гостей, начали как попало запихивать в рюкзаки разбросанные вещи.

– Быстрее, Ольга, быстрее! – нервничал папа. – Ах, обидно, без сувениров уезжаем. Главное – без крабов.

Пьяненький Петя повис у него на плече и задушевно сказал:

– Верить мне? Я пришлю... Крабов пришлю, икру пришлю, лисьи шкурки... Напиши адрес.

Папа поколебался секунду и оставил Пете все три бутылки спирта: пригодятся, мол, для обмена.

Мы, конечно, опоздали. Плашкоут с пассажирами уже ушел к теплоходу, когда мы причалили на пристань.

Паганель, как самый представительный, отправился на переговоры с диспетчером и скоро вернулся назад изумленный до остолбенения.

Его пришлось даже слегка потрясти, чтобы он заговорил.

– Во-первых, – сказал Паганель, нервно хихикая. – Во-первых, плашкоут еще один рейс делать не будет. Как только он отвалит от борта, судно поднимет якорь и уйдет. Во-вторых, никакой другой посуды нам дать не могут. Так что поздравляю. А в-третьих, знаете, что она мне сказала? Ждите, говорит, следующего теплохода. Вы представляете? Следующего! Как будто речь идет о троллейбусе. Нет, это потрясающе! Великолепное морское спокойствие! – И он опять захихикал.

Дядя Коля сказал, что не видит причин для веселья. Вообще, трудно придумать более дурацкую ситуацию. Теплоход качается в трехстах метрах – ботинок, извините, добросить можно. И еще минимум часа полтора будет качаться. А мы до него, оказывается, не можем добраться. Чушь какая-то собачья!

– Нет-нет, это, должно быть, недоразумение, – не поверил папа. – Сейчас занарядят какой-нибудь катер. Заведомо.

– Держи карман, – фыркнул дядя Коля.

Тут из темноты вынырнул протрезвевший сварщик Петя.

– Хватайте вещички, – мигнул он. – Ребята знакомые на сайру идут – подбросят вас. Еле уломал капитана.

Совращенный Петей капитан все еще переживал свою уступчивость.

– Ну зачем я вас беру?! – рыдающим голосом причитал он. – Мне же на лов надо, паразиту... Ну, куда лезешь – молчи, я тебя спрашиваю?! Стой там, прыгай сюда!..

Сияющий, как новогодняя елка, сейнер медленно отходил от пустого причала. Один Петя стоял там, подняв плечи, и глядел нам вслед печальными добрыми глазами. Он в горячах не успел одеться и теперь ежился в своем легком пиджаке.

Мы, спохватившись вдруг, стали кричать:

– Петя, милый, до свидания!

– Спасибо за все!

– Старик, мы напишем! Обязательно!

– Да ладно, чего там, – махал рукой Петя. – Счастливо!..

Тайфун «Трикси» здорово раскачал море. Длинные пологие волны медленно поднимали сейнер на высоту пятиэтажного дома, а потом он долго опускался вниз, отчего к сердцу всякий раз подступал противный тошнотворный холодок.

Теплоход был теперь совсем рядом. У борта его скрипел и хлюпал плашкоут, удерживаемый с одной стороны швартовыми, а с другой –

катером-буксировщиком.

Капитан наш опять запричитал. По каким-то суровым морским законам он не мог подойти к теплоходу – то ли не имел права, то ли боялся разбиться.

– Что делать будем, в семь бабушек?! – спрашивал капитан. Мы не знали, что делать, и помалкивали. Тогда капитан по радиации спросил об этом же диспетчера.

– Пересади их на «жучка», – ответила диспетчер. «Жучок» – маленький катеришко – болтался где-то поблизости.

Обрадованный капитан выскочил на палубу и закричал в рупор:

– Эй, на «жучке»!! Подойди к борту – сними пассажиров!

– Не подойду-у-у! – тоскливо донеслось с невидимого «жучка». –

Расшибу-у-у-ся!

– Да кого тебе там расшибать, кого расшибать-то! – сердился капитан. – Подходи, чтоб тебе потонуть!.. Мне на лов надо, я план государственный срываю!

«Жучок» в конце концов подошел, о чем мы догадались по шварканью у борта.

– Ну, прыгайте, что ли! – крикнули с него. Мы боязливо сучились на палубе, не понимая, куда же прыгать – за бортом был сплошной мрак.

– Прыгай, мешочники толстозадые! – рывкнули сзади, и мы посыпались вниз, в темноту, ударяясь о какие-то железяки и ящики.

– Все здесь, никто не промахнулся? – спросил Паганель и на всякий случай сделал переключку.

Папа сказал, что еще один такой прыжок он, наверное, не перенесет. Нервы не выдержат. Заведомо. Только он это договорил, как раздалась команда:

– Эй, интеллигенция! Приготовьтесь прыгать – швартоваться не будем!

«Жучок» ткнулся носом в деревянный бок плашкоута, матросы дружно гикнули – и мы, не чуя под собой ног, перемахнули с катера на плашкоут.

– Вот это цирк! – охнул дядя Коля, хватаясь за сердце. – Все?.. Или еще куда прыгать?

Дядя Коля не зря спрашивал: на плашкоуте страх что творилось. Его поднимало набегавшей волной, несло куда-то вверх, на самом гребне он чуть задерживался и, грохнувшись затем в борт теплохода, проваливался обратно в пучину.

Все отъезжающие были давно на теплоходе, а все приехавшие – на плашкоуте, трап за ненужностью подняли и теперь выгружали почту в большой веревочной сетке.

– Бойся! – яростно орал на оглушенных пассажиров краснолицый матрос с вытаращенными глазами, сам хватал сразу по два чемодана и отшвыривал их, готовя место для почты. Он один что-то понимал в этой неразберихе, знал, куда бежать и за что держаться.

– Что раскрылатились, как бабы?! – подскочил он к нам. – Давай на корму! Живо!

Ругаясь чудовищными словами, матрос погнал нас короткими перебежками в конец плашкоута, туда, где борт теплохода был заметно ниже.

– Потрясающе! – успел шепнуть Паганель. – Он же пьяный вдребезину.

– Плевать, – ответил дядя Коля. – Трезвый бы здесь не выдержал –

свихнулся.

– Кто старшой? – спросил матрос на корме. Мы подтолкнули вперед Паганеля.

– Лезь! – приказал матрос.

– Куда? Куда лезть? – блуждая глазами, спросил Паганель.

Борода его тряслась.

– Зашибу! – пригрозил матрос. – На борт лезь, салага! Договаривайся с капитаном!..

– Тогда отойдите все, – сказал Паганель. Плашкоут несло вверх. Паганель выждал момент, когда он на секунду застыл на гребне, подпрыгнул и, жалобно вякнув, упал животом

на перила. Взметнулись и пропали его длинные ноги. Следом, едва не догнав их, гамкнули, сомкнувшись, борта.

– Один ноль! – сказал матрос.

Паганель вернулся очень быстро. Потом уже мы узнали, что ни с каким капитаном он договариваться не стал, а просто обежал рысью вокруг теплохода.

– Давай! – крикнул Паганель. – Все в порядке!

Настала очередь дяди Коли.

Бледный дядя Коля осенил себя трубкой, неуклюже, как-то боком, кинулся вверх и повис на борту, уцепившись руками. Паганель и еще какой-то подоспевший человек схватили его за шиворот – тяжело перевалили через борт.

Меня подавали наверх матрос и один его добровольный помощник из пассажиров. Обезумевшего от волнения папу нельзя было подпускать близко.

Первый раз они промахнулись: дядя Коля и Паганель не успели подхватить меня, только всплеснули руками.

Плашкоут пошел вниз. В ширящейся между ним и теплоходом щели бурлила черная вода. Я зажмурила глаза.

– Держите ее, держите! – стонал где-то за спиной папа. Матрос и пассажир, подчиняясь этому крику, железными руками сдавили мои ребра. Зато уже во второй раз они не сплеховали. А перепуганные дядя Коля с Паганелем так рванули меня за руки, что я перелетела через перила, даже не коснувшись их ногами.

Теперь внизу оставался один папа. Было заметно, что дядя Коля и Паганель очень боятся за него. Они быстро переглянулись, и дядя Коля прикусил нижнюю губу, а Паганель сделал округлое движение руками возле живота: дескать, с его-то комплекцией, уй-юй-юй!

Но папа взлетел на теплоход, словно кот, которого шуганули собаки. Мы даже ничего не успели понять. Что-то темное и большое метнулось над бортом и с криком: «Ловите меня!» – глухо ударилось о палубу.

– Что же вы меня не ловили? – обиделся папа, трогая стремительно набухавшую шишку на лбу.

– Да, – растерянно сказал Паганель. – Что же мы тебя не ловили, а?..

Дядя Коля вдруг дернул меня за рукав и, загребая ногами, пошел куда-то по палубе. Его, как на перекате, сбивало в сторону.

Когда я догнала дядю Колю, он уже стоял, вцепившись в перила, и прерывисто втягивал воздух открытым ртом.

– Ничего, ничего, – сказал он. – Уже ничего, старуха... ты молчи... Хорошо, что это здесь, а не там... Хорошо, что все мы здесь... Ты постой маленько рядом, будто мы беседуем.

Плашкоут отошел от освещенного теплохода и сразу пропал в темноте. Только огонек на мачте катера-буксировщика долго еще нырял среди волн, словно кто-то, прощаясь, все махал и махал нам фонариком...

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

После того, как повесть была опубликована в журнале, в кругах, близких к научным, распространился слух, что написал ее Паганель, используя двойное прикрытие. Слух совершенно нелепый, обидный, к тому же у нашего милого доктора своих неприятностей предостаточно – так что мой долг отвести от него еще и эти подозрения.

Начну последовательно – с признания, что повесть, конечно же, писала не Оля. Наверное, эту часть недоразумения следовало развеять раньше, в самом начале. Тем более что существует старый, многократно проверенный способ. Обычно автор, сочинив что-нибудь недостойное пера взрослого человека, придумывает некоего соседа по лестничной площадке, пионера Вовку Помидоркина или Петьку Картошкина (фамилии, как правило, выбираются садово-огородные) и сваливает все на него. Дескать, в одно прекрасное утро заявился к нему этот

Вовка-Петька с двумя общими тетрадами под мышкой и попросил: «Дядя Жора, исправьте, пожалуйста, орфографические ошибки в моем сочинении на тему «Как я провел лето». Далее автор сообщает, что сочинение его неожиданно заинтересовало, и он, исправив ошибки, заменив некоторые имена и переделав классного руководителя в домоуправа, решил, с позволения Вовки-Петьки опубликовать это любопытное произведение. И если, мол, читателю некоторые места покажутся наивными или беспомощными, то пусть читатель учтет, что Вовка-Петька литературного института имени Горького не кончал, и вообще у него нынче переэкзаменовка по русскому языку.

Опытный читатель сразу же раскусывает эту мелкую хитрость. Он прекрасно знает, что хотя акселерация и объективный факт, все же семиклассники романов и повестей сами пока что не пишут. И читатель прав. Лично я знал только одного такого вундеркинда. Этот мальчик (не стану называть его фамилии) пытался сочинять сатирические рассказы – и не без успеха. Скоро, однако, он вынужден был оставить это занятие и теперь пишет заметки в классную стенгазету – о школьных «маяках», чемпионах по сбору макулатуры и о достижениях юных натуралистов. Ему пришлось переквалифицироваться, так как друзья-товарищи дали понять, что они хотя и согласны терпеть в своих рядах гения, но не любого профиля.

Словом, в приведенном выше случае между писателем и читателями как бы заключается молчаливое соглашение. Читатели делают вид, что они поверили в придуманного огородного мальчика, и дальше все идет как по маслу.

Признаться, и у меня был соблазн спрятаться за какого-нибудь конопатого двоечника Редискина, но я подумал: зачем? Зачем отдавать повествование какому-то Вовке-Петьке, не набившему ни одной мозоли, не хлебнувшему соленой водицы из Японского моря, вообще не существующему в природе, когда есть живая Оля. Оля, которая путешествовала вместе с нами, терпела лишения, прошагала по всем топям и кручам и, в принципе, могла бы когда-нибудь сама написать обо всем этом. Кстати, отец не раз принимался ее подбивать: ты, мол, давай пиши, а дядя Коля потом малость подредактирует. Но его пожелание осуществилось наоборот, я написал, а подредактировала Оля.

Но я забегаю вперед, а эта поспешность может только навредить Паганелю. Кто помешает его недоброжелателям заявить, что и это послесловие сочинил он сам?

К счастью, имеется свидетельство Оли (к счастью – для Паганеля, не для меня).

Вот как оно возникло.

Написав повесть, я отдал ее на рецензию одному маститому писателю, большому знатоку детской души. Через некоторое время он возвратил мне рукопись – с многочисленными пометками на полях. Не буду их комментировать, просто приведу по порядку, и, надеюсь, каждый поймет то уныние, которое меня охватило.

Стр. 8. «Автор утверждает, что его героиня перешла в седьмой класс. Не знаю, не знаю. Лично я не перевел бы ее даже в третий. При всем желании не могу поверить в такую семиклассницу. Лет пятнадцать назад поверил бы, а сейчас не могу. Про акселерацию, про акселерацию забывать не следует...»

Стр. 13. «Нет, пожалуй, она действительно семиклассница. «Папа был похож на ромб» – это убеждает. Да, шестой-седьмой класс. На худой конец – пятый».

Стр. 27. «Что такое?! Похоже, автор экстерном перевел Олю в восьмой класс. Ишь, как заговорила! «Вопиющая дяди Колина безграмотность». Вопиющая – ты смотри! Если и дальше так дело пойдет, она к концу повести кандидатскую защитит».

Стр. 54. «Поздравляю! Она уже десятиклассница!.. Нет, определенно эта акселерация застит автору глаза. Вбили себе в голову, акселерация, акселерация! А того не видим, что они только длиннеют, но не умнеют. Вон у меня племянник – акселерат: выше отца на полторы головы, ботинки носит сорок четвертого размера, а сам дурак дураком».

Стр 77. «Кто это излагает? Героиня? Автор? Давно знаю автора – что-то не замечал у него раньше такого стиля... В университет пора девице, в университет. Что же он ее в седьмом классе до сих пор томит?»

Стр 92. «Фу ты! Наконец-то все ясно. Ну конечно, она студентка третьего курса. Третий-четвертый курс, скорее всего, истфил, а может быть, отделение журналистики. Короче – из девочки надо сделать девушку. Кстати, появится возможность ввести лирическую линию, например: Паганель – Оля. Или: Оля – бородатый руководитель московских туристов (бухта Посьет)».

Стр 104. «Я ошибся: она – младший научный сотрудник».

Стр. 123 (последняя). «Сколько же лет этой дамочке?!!»

Понятно, что защитить меня в такой ситуации могла только Оля – самый объективный судья. И она меня защитила.

– Все более или менее, только **ОЧЕНЬ УЖ Я ЗДЕСЬ МАЛЕНЬКАЯ**, – сказала Оля, прочитав повесть. – Прямо дошколенок какой-то. Правда, к самому концу вроде чуть-чуть повзрослела. Видимо, автор спохватился: вспомнил, что я все же целый месяц провела с двумя докторами наук и одним писателем... Хотя и такими, – непонятно закончила она.

И пусть это тоже была критика – я обрадовался ей, как похвале.

Все остальные Олины замечания я привожу здесь без особого восторга. И вообще, предпочел бы опустить их, если бы не это чудовищное обвинение в адрес Паганеля.

– Между прочим, дядя Коля (сразу прошу обратить внимание, дядя Коля, а не дядя Толя) много лишнего понавывдумывал, – сказала Оля далее. – В частности, про моего папу. Понасочинял – прямо что попало. Совсем папа не говорил «лишь бы фельетон про нас не написал». Папа только сказал: «Ноль информации». А про фельетон говорил то ли тот товарищ, который из Голландии не успел вернуться, то ли тот, у которого в последний день живот заболел. И про селедки, которые папин студент будто бы ему под дверь подсунул, – неправда. Папа ничего такого не рассказывал. Мы вообще, если уж на то пошло, не стали дожидаться, когда дядя Коля из-под обрыва вылезет. Это правда, что дядю Колю какая-то муха укусила, и он полез вниз, и что Паганель на него кричал, а папа фотографировал. Но потом мы постояли на ветру, холодно стало, и папа сказал: «Нечего время терять. Вон с той сопочки, по-моему, хороший вид открывается. Пошли». Паганель спросил: «А как же этот?» Папа сказал, что, в конце концов, он взрослый человек, и мало ли кому что в голову ударит. И мы ушли. Только Паганель на другую сопку захотел и пошел отдельно... А дядя Коля вместо того, чтобы все честно написать, придумал какие-то селедки. А как он на рыбалке папу обрисовал?.. Это же просто бестактно писать, будто я могла подумать про папу, что он похож на питекантропа. Если бы даже и был похож... Мне, конечно, жалко стало рыбу, но все-таки... И между прочим, когда икру ели – тоже. Ну да, Паганель говорил что-то насчет жареных грибов, что они вкуснее, и съел всего два маленьких бутербродика. Но дядя Коля-то уминал икру с удовольствием... Он вообще себя приукрасил. Я понимаю, когда о себе пишешь – это невольно получается. Но он еще и хитрый. Пишет: желтый, длинный, а потом как-то получается, что высокий и мужественный. А на самом деле дядя Коля не такой уж и высокий, среднего роста, чуть выше папы. Вот я, например, один момент хорошо запомнила – когда мы на Шикотане на теплоход опоздали. Там все вроде правильно: и какая качка была, и как мы боялись, и как через борт прыгали (про папу только опять нехорошо: «Взлетел на теплоход, словно кот...») И потом – про кота уже было у Ильфа и Петрова, я бы так не написала). И дальше – правильно. Кажется, дяде Коле действительно плохо стало – наверное, от волнения. Но когда я к нему подошла – сама, вовсе он меня за рукав не дергал, – он ведь совсем другие слова сказал. Он сказал: «А черт, буфет теперь, конечно, до утра не откроют!»

Неужели я так сказал? Вот не помню.

Впрочем, дело не в этом, а в том, что теперь наконец-то всем ясно: повесть эту написал не Паганель.

Как ни странно, оказалось, что это не совсем ясно самому Паганелю... Я думал, что слух этот ему неприятен, что он оскорбляет его, а слух, оказывается, воодушевлял Паганеля. Недавно он перечитал повесть с карандашом в руках и представил мне длинный список поправок, которые, по его мнению, необходимо внести в текст. Или, по крайней мере, опубликовать отдельно. Я так растерялся, что даже не осмелился спросить: «Послушай, кто, в конце концов, автор повести: ты или я?» Думаю, впрочем, что его не смутил бы этот вопрос. Во-первых, он считает, что раз является действующим лицом, то имеет право указывать автору, а во-вторых, эти ученые вообще помешаны на объективности.

Не знаю, возвысят ли эти поправки Паганеля в глазах человечества. Но раз они так важны для него – что ж, пожалуйста:

а) Паганель считает, что я напрасно «запихал» ему в рюкзак ружье для подводной охоты. Это-де искажает его образ (образ Паганеля). На самом деле с ружьем был Володя.

б) Фраза «Чувствую прилив сил, – сообщил он после десятого примерно ежа» содержит неточность в авторской ремарке. Паганель отлично помнит, что распотрошил тогда в Посьете восемь ежей. Причем коллекционные особи не трогал, а разрезал маленьких, серых – в них икра вкуснее. Но и это нельзя ставить ему в упрек, так как уже через два дня он восполнил урон, лично достав со дна морского двенадцать ежей.

в) Рассказ про человека, искавшего зимние ботинки, ему приписан (вот и делай после этого людям добро!), но зато не зафиксирован следующий факт: в Южно-Сахалинске Паганель открыл для коллектива деликатес – горбушу горячего копчения. А в Корсакове – корейскую капусту «чимчу» и клоповую ягоду.

г) То же самое относится и к десяти пачкам сушеного кальмара, насчет которых он договоривался со сторожем рыбоучастка в Посьете. Паганель получил их. Да, он не узнал сторожа, но сторож узнал его! (Еще бы сторожу не узнать Паганеля – ведь он пообещал ему на бутылку.)

д) Инкриминируемый ему обмен восьми шоколадных конфет на два бутерброда с повидлом он с возмущением отвергает. Он тогда говорил и теперь повторяет, что не менял конфеты, а бескорыстно угостил ими девушек из студенческого отряда. В свою очередь девушки угостили его двумя бутербродами. Не съесть бутерброды Паганель не мог – это означало бы пренебречь угощением.

е) Самое главное. Когда во Владивостокском аэропорту Паганель чуть было не увез по ошибке чужой багаж, а я догнал его и помешал этому, он между прочим попросил меня передать извинения едва не пострадавшему пассажиру. Затем, когда уже Паганель догнал меня, чтобы забрать свои документы, – ему и до сих пор кажется, что они находились все же в моем кармане, – он еще раз повторил свою просьбу. Однако про его просьбу и последующие извинения почему-то не сказано ни слова. Были ли они принесены? И если да, то в какой форме?

Я очень просил Паганеля не настаивать на последнем пункте. И, как мне кажется, привел вполне убедительные доводы – повесть написана от лица Оли, она в тот момент находилась в самолете, просьбы Паганеля не слышала, тем более не могла видеть, как я извинялся. И слава богу. Ни к чему это девочке.

Однако Паганель упорно стоял на своем, и я вынужден рассказать историю про извинение, хотя предпочел бы не вспоминать о ней вовсе.

...Когда я вернулся с похищенным Паганелем тюком в аэровокзал, хозяин его все еще спал в кресле. Это был крупный молодой мужчина, белокурый, одетый в роскошный импортный плащ и грубый водолазный свитер.

Меня вдруг охватила нерешительность. Как же возратить ему тюк? Тихонько подойти и положить рядом? А если он в этот момент проснется и примет благодетеля за вора? Вон какой

мустанг – попробуй такому докажи потом... Небрежно толкнуть его: эй, мол, дядя! Спишь? А вещички-то тю-тю!..

Еще перепугается человек спросонья. Да и Паганеля в каком я свете выставлю? Ведь он все же нечаянно.

Так ничего и не придумав, я осторожно тронул спящего за плечо и сказал:

– Товарищ... вы, кажется, придремали.

– Хоох! – длинно зевнул он. – Ничего себе – придремал. Скажи лучше – придавил основательно. А что?

– Видите ли, пока вы спали, один гражданин чуть было не унес ваш тючок...

– Иди ты? – сказал он без тени тревоги.

– Но, к счастью, ему это не удалось, – продолжал я карабкаться к трудному объяснению.

– Поймали гада? – спросил мужчина, вскинув на меня веселые светлые глаза. – Погоди... ты, что ли, поймал?.. И долго гнался?

– Метров сто, – улыбнулся я, заражаясь его весельем. Мужчина разом поднялся, взметнув за голову кулаки, потянулся со стоном.

– Кореш, – сказал он. – Если я правильно понял твой шелест, ты хочешь сказать, что дело пахнет полбанкой?

– Да что вы, какие полбанки, – смутился я.

– Правильно, кореш, – он одобрительно хлопнул меня по плечу. – Скромность украшает бича. Полбанки я тебе, конечно, не поставлю, но сто грамм ты заработал... Да тебе больше и не поднять.

– Подождите, товарищ... – начал я.

– Ждать мне, кореш, некогда, – строго перебил он. – Вот объявят посадку – и получится, что зря ты своими баками рисковал. Давай топай без разговоров.

«Ладно, пусть ставит, – подумал я. – Сядем за столик объяснимся... Заодно и позавтракаю».

– Вот только не пойму, – сказал мужчина в ресторане, – с чего этот алкаш за мой тючок ухватился? Столько чемоданов кругом.

– Он не алкаш. Это товарищ мой.

Мужчина даже привстал со стула.

– Так это корешок твой?! – закричал он. – Ха-ха-ха-ха!..

Ну, остряки! Вот это работают!.. Слушай, за такое дело по двести надо. Двести осилишь?..

– Ну, ладно, – сказал он, когда нам принесли заказ – А он-то что с этого имеет? С тобой ясно: кореш тянет – ты его ловишь – я тебе за это ставлю. А он что имеет? Или вы по очереди?

– Да поймите же вы, товарищ!.. – взмолился я.

Но он ничего не хотел понимать. Этот симпатичный камчатский рыбак Витя (потом мы познакомились) посмотрелся за свой век на разных бичей, в том числе и «выкающих», интеллигентных. Его даже трубка моя не насторожила.

Перелом в нашем диалоге наступил лишь после того, как я, отчаявшись, повторил заказ. Тут у Вити изумленно полезли на лоб брови.

В конце концов мы во всем разобрались.

Витя оказался хорошим парнем.

И я оказался хорошим парнем.

Мы с ним славно посидели. И даже подружились. Так что, когда была объявлена посадка на мой рейс, Витя захотел проводить меня.

Уже за турникетом мы обнаружили, что уносим два рюкзака – мой и посторонний. Вернее, не сами обнаружили, а догнавшие нас хозяева второго рюкзака.

Витя, однако, запринципиальничал.

– А ты докажи! – сказал он. – Ты не лапай, ты докажи!

Чем это кончилось, я так и не знаю. Помню, что когда поднимался по трапу, Витя возле турникета все еще препирался с двумя флотскими офицерами и одним старшиной милиции.

Теперь можно подвести итог. Повесть эта принесла мне больше огорчений, чем радости. Я вроде никого не хотел обидеть, но Олин папа, например, почему-то перестал поддерживать со мной знакомство. Сама Оля прореагировала на нее, как видно из этого послесловия, довольно холодно. От группы ленинградских туристов я получил возмущенное послание, в котором они требуют реабилитации представителей их славного племени. «А вот мы, например, веселые», – заявляют они и в доказательство прилагают пленку с песней «Тренируйся, бабка, тренируйся, Любка», записанной будто бы у костра на Карельском перешейке.

Единственное утешение – письмо одного мальчика, Алеши Абольянина. Он сообщает, что повесть ему очень понравилась, и просит скорее написать продолжение. И хотя этот мальчик – сын моего старого знакомого, и писал, наверное, под диктовку папы, все равно приятно.

Что же тебе ответить, Алеша? Куртку я пока не выбросил. Правда, она порьжелела, бока у нее вытерлись, но в ней еще свободно можно съездить куда-нибудь на Землю Франца-Иосифа.

РАССКАЗЫ

О ПРЕЖНЕЙ ЖИЗНИ

1975 г.

Вместо предисловия

Мой отец был великолепным рассказчиком. Не то чтобы он здорово владел словом. Нет. Речь его скорее была бедна. Но отец так умел помочь себе руками, ногами, глазами, что истории его оживали, становились зримыми и запоминались навсегда. Он буквально рисовал их. Допустим, рассказывает он о каком-нибудь фронтовом случае и по ходу сюжета надо ему упомянуть, что в такой-то момент он полз по-пластунски. Так он, бывало, не просто скажет – «И тут я, значит, пополз», – а непременно ляжет на пол и, буровя половики, проползет. А если при этом в правой руке у него тогда находился автомат, то угребаться он, будьте уверены, и теперь станет только левой.

Особенно любил отец вспоминать о прежней деревенской жизни. Жизнь эта в его описании получалась необыкновенно ядерной и сочной. Туманы там падали белые, как молоко, град хлестал исключительно с куриное яйцо, телята родились величиною с годовалого бычка, а мужики, играючи, кидали на бричку пятипудовые мешки. Отец не признавал полутонов.

Долгое время я был уверен, что отец либо сочиняет все свои истории, либо основательно привирает. Один случай резко поколебал эту мою уверенность.

Не помню уж, по какому поводу происходила у нас дома крупная гулянка, и я ушел в этот вечер ночевать к товарищу. Вернулся только утром, вместе с приятелем, и никого из гостей уже не застал. За разгромленным столом сидел только младший брат отца дядя Паша и, положив голову на руки, спал. Так обычно кончались все дяди Пашины праздники. Быстренько напившись, он какое-то время свирепо кричал песни, забывая напрочь других желающих, а потом прямо за столом засыпал. Вообще, по приговору всех родственников, дядя Паша был нехороший человек: хвастун, пьяница и задира. Пил он, правда, не шибко часто, но уж до такой степени, пока – как говорила моя мать – «под собой не побачит». А задраться мог по любому поводу – лишь бы только поспорить. Вот и теперь, проснувшись, дядя Паша сразу нашел, к чему прицепиться.

– Ты что же, спортсмен? – насмешливо спросил он моего товарища, заметив на нем тренировочный костюм.

– Да ну, – засмутился тот. – Я – что. Вон Колька – это да!

– Колька? – дядя Паша не поверил. – Куда ему – он слабак.

– Ничего себе – слабак! – обиделся за меня товарищ. – В пятерке лучших бегунов района. Слабак!..

– Хм! – повернулся ко мне дядя Паша. – А я тебя, Миколай, обьягу.

Мне тогда только что исполнилось восемнадцать лет. Под загорелой кожей моей перекачивались нетерпеливые мускулы, тренированные легкие работали, как мехи. И я действительно был одним из лучших бегунов в районе. Поэтому я даже не удостоил дядю Пашу ответом, а только усмехнулся.

– Ты не скалься! – завелся дядя Паша. – Давай сымай штаны. Небось, ты в трусиках привык соревноваться.

– Может, в другой раз, – сказал я. – Вы сегодня тяжелый.

– А я тебя и тяжелый обьягу. Спорим на поллитра.

Товарищ незаметно толкнул меня в бок. Водку мы не пили, но выпорить у дяди Паши бутылку представлялось забавным.

– А куда побежим? – спросил я. Дядя Паша прищурился:

– Ну хоть до свата Ивана – и обратно.

– Далеко это? – поинтересовался мой товарищ.

– Километров пять, – ответил я. Товарищ присвистнул. Из кухни выглянула мать и заругалась на меня:

– Вот я тебе посвищу в избе, черт голенастый!

– Анна, – остановил ее дядя Паша, – налей-кось там мне...

Мать с недовольным видом принесла дяде Паше водки в граненом стакане. Он выпил, понюхал засохший селедочный хвостик, скрутил толстенную сигарку и задымил.

– Сымай, сымай штаны-то, – издевался дядя Паша между приступами кашля. – Да руками помаши. А то задохнешься, не дай бог.

Бежать все же решили одетыми: дядя Паша – потому, что под штанами у него были кальсоны, а я – из солидарности. Вышли за калитку, и товарищ, взявшийся посудить, провел поперек улицы стартовую черту.

– Погодь маленько, – сказал дядя Паша. – Курнуть надо.

Он привалился спиной к воротному столбу и скрутил еще одну великанскую папиросу. Курил на этот раз дядя Паша неторопливо, обстоятельно, впрок. Только когда крохотный окурок стал жечь губы, дядя Паша затоптал его. «Давай!» – махнул он рукой.

Я принял высокую стойку, как при старте на длинные дистанции. Дядя Паша выставил вперед левое плечо, а правую руку, сжатую в кулак, отвел за спину – будто драться собрался. Товарищ скомандовал:

«Марш!» – и мы побежали.

Улица наша Аульская (с одной стороны, по косогору, – низкие насыпухи, с другой – длинный забор алюминиевого завода) тянулась мелкими ложбинками – бежать по ней было трудно. Только не мне, разумеется, привыкшему к кроссам по пересеченной местности. Я действовал по науке. Перед спусками «выключал сцепление» и шел вниз широким, маховым шагом. Подъемы же брал коротким ударным, до отказа работая руками. Как бежал дядя Паша, мне было не видно, но сапоги его настойчиво бухали в двух метрах за спиной. Один раз он даже приналег, поравнялся со мной и сделал замечание:

– Ты... бежи ровней... не суетися.

И снова приотстал.

Мы пробежали метров пятьсот... восемьсот... километр. Дядя Паша все не отставал. А в моей голове росло недоумение. Как же так?! Ведь ему сорок восемь лет. До полуночи он гулял, а потом, опьянев, спал, сидя за столом. Выхлестал натошак чуть не стакан водки,

искурил горсть самосаду. Елки-палки!.. А в сорок третьем году дядя Паша вернулся с фронта на костылях. Он был сапером и подорвался на собственной мине. Ноги его были сплошь в длинных черных струпьях. Он тогда охотно показывал их всем желающим – засучивал штанины и разрешал пересчитать раны: девятнадцать шрамов, не считая отсеченного мизинца на левой ноге!.. Года полтора дядя Паша ходил в инвалидах, торговал на базаре папиросами «Северная Пальмира» поштучно, пьянствовал, куражился и бил костылями тыловых крыс.

И вот теперь, на этих самых ногах, похмельный, накурившийся, дядя Паша гнался за мной, второразрядником – и не отставал. Я пожалел его и чуть сбавил темп. Дядя Паша немедленно захрипел возле самого уха. Пришлось снова прибавить.

Улица закончилась крутым и длинным спуском к согре. Затем потянулись извилистые деревянные мостки, проложенные через топь, на противоположном краю которой виднелся уже дом Ивана Захаровича – свата Ивана. Моим резиновым тапочкам осклизлые мостки были не страшны. А дяди Пашины кирзачи разъехались, он оступися и увяз в болоте.

– Стоп! – закричал он. – Стоп!.. Твоя взяла, Миколай!

Я оглянулся. Дядя Паша стоял на одной ноге, держа другую – в грязной белой портянке – на весу.

Мы вытащили из болота его сапог и пошли обратно. Я громко хвалил дяди Пашин талант. Дядя Паша – все же он очень устал – опять курил, отхаркивался и загадочно хмыкал.

Вечером я рассказал про это событие отцу.

– А ты как думал? – ничуть не удивился отец. – Да ты с кем схватился – соображаешь?.. С Павлом! – Он начал привычно возбуждаться. – Да Павло, знаешь как, еще когда в парнях ходил!.. Бывало, отчертомелит на пашне день, а потом сапоги веревочкой свяжет, кинет через плечо – и подался в деревню, на вечерки. Бегом! А двенадцать верст, слава богу! За ночь нагуляется там, напляшется, а чуть свет – обратно... Сосед наш по заимке, Кузьма Митрохин, рассказывал: трогаю, говорит, один раз от землянки и вижу, будто кто-то из ваших побег на большак. По ухватке – вроде как Пашка. Ну, я кнут из-под себя выдернул – и по лошадям. Догоню, думаю, парня – подвезу. Пока на большак выскочил – его, черта, уже не видать. Дак, веришь? – до самой деревни понужал, кнута из рук не выпускал – так и не догнал! На паре коней! А лошади какие! – совсем уже восторженно закончил отец. – Львы!..

Вот тогда я и подумал впервые, что, может быть, истории отца не столь уж неправдоподобны.

С тех пор прошло много лет. Давно нет отца, а дядя Паша стал вовсе старым – сгорбился, поседел и высох. Теперь, когда я вспоминаю иногда тот его подвиг, дядя Паша искренне удивляется, крутит головой и хлопает себя по тощим коленям. Он плохо слышит и поэтому, наверное, никак не может понять, что я рассказываю ему случай, героем которого был он сам. Дядя Паша не верит.

– Здоров ты брехать, Миколай! – говорит он.

А я с грустью думаю, что вот уходят один за другим старики, а вместе с ними и память о той, прежней жизни, так не похожей на нашу. О жизни, в которой чудно переплеталось разумное с нелепым, героическое с низким, смешное с трагическим. И все чаще у меня возникает желание поделиться своим небогатым наследством – пересказать некоторые истории отца. Пересказать в том виде, в котором сохранила их непрочная человеческая память, зная наперед, что правда в них основательно перемешалась с вымыслом, и все же не пытаюсь ради стройности будущего повествования придумывать отсутствующие события, штопать и надставлять чьи-нибудь биографии, искать скрытый смысл в делах и поступках необъяснимых.

Три рыжих коня

Никто толком не знает (и до сих пор, между прочим), почему в девятьсот четвертом году деда Дементия угнали на японскую войну. По всем законам не должны были его трогать. Дед (а тогда еще не дед, а просто Дементий Гришкин) числился единственным кормильцем, на его

шее висело четверо детей – самому старшему, Григорию, было всего тринадцать лет. Пятым бабка Пелагея ходила беременная.

И все же факт остается фактом: взяли именно деда Дементия, а не когонибудь, допустим, из взрослых и неженатых сыновей Анплея Степановича.

Братья Гришкины, Дементий и Мосей, были мужиками крайне невезучими. Начать с того, что черт дернул их перенять от папаша своего ненужное ремесло: братья были кожемяками. Могли выделывать юфть и хром, овчину – под дуб и черно, сыромятину и спиртовые подошвы для сапог – в палец толщиной и твердые, как железо. Но в родной их деревне на Тамбовщине сапог никто не носил, полушубков – тоже, а ходили все исключительно в лаптях и армяках. Даже ременная конская сбруя была у одного мельника. У остальных прочих сбруя была веревочная. Вообще, тамошние мужики кожу в руках держали только по несчастному случаю – когда у кого-нибудь падала корова. Но такой хозяин, по бедности, мастеров Гришкиных все равно не звал, а с горем пополам выделывал шкуру сам, после чего она начинала греметь, как жестяной лист, и долго потом без пользы мокла на прясле.

От такой жизни братья Гришкины вконец отошались, засохли и решили податься в Сибирь – на вольные земли. Но и тут у них все вышло не как у людей. Добрые люди сначала посылали ходоков, потом долго собирались, копили деньги и ехали в Сибирь по чугунке или же на своих лошадях. Везли, понятное дело, весь скарб: чугуны, сковородки, гвозди, ухваты, сохи, шины железные для колес, колосники и противни. Гришкины-мужики собрались в момент. Сколотили тележку на двух колесах, посадили в нее малых ребят Дементия, впряглись и покатали. Жена Дементия Пелагея, языкастая и нравная баба, подталкивала тележку сзади и срамила мужиков на чем свет стоит.

К осени добрались они до Урала и там зазимовали. Здесь искусство Гришкиных хорошо им подсобило. Всю зиму они выделывали кожи и получали за это пятак в день или половину скотской головы – на выбор. Дементий с Мосеем брали раз пятак, раз скотскую голову, накопили к весне на лошадь с телегой и тронулись дальше. На телеге теперь, кроме ребяташек, сидела Пелагея, успевшая в дороге родить и снова беременная.

И опять они ехали все лето и осень, вплоть до холодов, пока в один день не родила Пелагея и не сдохла лошадь. Случайное место это, где их настигла беда, называлась деревней Землянкой. Лежала деревня между речкой и озером. Налево, за речкой Бурлой, через сутки езды начиналась глухая тайга; прямо тянулась степь с частыми колками; направо, за топким озером, – степь с редкими колками; а за этой степью – совсем уже голая, и жили там не русские люди, а казахи, которых по-местному все называли киргизами. А вольной земли вокруг было столько, что хоть ртом ешь. Вот только никто эту землю для Гришкиных-мужиков не вспахал, не засеял, и пришлось им ввиду наступающей голодной зимы опять пойти в работники.

Дед Дементий (все же нам удобнее так его называть) нанялся с женой к страшно богатому сибиряку Анплею Степановичу по прозвищу «Кыргиз». Прозвали его так потому, что Анплей Степанович, хотя был и русский человек, землю не пахал, вовсе в здешних местах окиргизился, гонял табуны лошадей общим числом до тысячи голов, сам из седла почти не вылезал, даже до ветру, как говорили, ездил верхом и с оружием.

Лошадей ему пасли киргизы, а Дементия Гришкина он взял для работы по дому и выделки кож. Дед Дементий оговорил условие: помимо другой платы – к весне коня. Дементий в Сибирь приехал не батрачить, а хозяйствовать, и у него при виде здешней целины руки зуделись.

– Коня, паря, лови хоть сейчас, – сказал Анплей Степанович. – Посля отработаешь.

Дед Дементий, однако, сейчас же ловить коня не стал, понимая, что зимой его не прокормишь, а ближе к весне напомнил хозяину про его обещание. Целый день он кружил возле косяка – высматривал. Жену так не выбирал, как лошадь. Но зато и выбрал. Пастух-киргиз

заарканил ему могучую рыжую кобылу, с такой широкой спиной, что на ней можно было спать двоим, валетом. Анплей Степанович, глянув на кобылу, только и сказал:

– У тебя, паря, губа не дура.

А больше ничего не сказал.

Примерно в это же время произошло одно вроде бы малозначительное событие. Пелагея, жена деда Дементия, пряла в доме у Анплея Степановича. Пряла, проворно крутила веретено и еще проворнее трещала языком.

– Вот, матушка ты моя, – говорила она сытой, ленивой хозяйке, – живешь ты за своим мужиком, как за господом богом! – говорила будто бы в одобрение, а по голосу ехидно, с подковыркой. – Гляжу я на тебя – какая ты гладкая да справная. И добра у тебя – черт на печь не затащит. Охо-хо-хо-хо, а мы-то голые да разутые! Дементий мой – мешком ударенный: ни украсть, ни заработать...

Хозяйка слушала, слушала, а потом зацепила полную ложку горчицы и сказала:

– Съешь, Пелагеюшка, горчицу – я тебе платье дам.

Хозяйка была насмешница из насмешниц. Сам Анплей Степанович тоже любил пошутить. И сыновья у него были большие шутники. Как-то был случай: Анплей Степанович велел им отвезти в аул пастухам-киргизам два куля муки. Сыновья отвезли. С неделю, однако, киргизы ели эту муку – черпали пиалами из мешков и пекли лепешки. А как дочерпали второй мешок до дна – увидели там дохлого трехмесячного поросенка. Чушку, по-ихнему. После такого дела весь кишлак переблевался, вывернуло их, бедных, наизнанку. Киргизы, от мала до велика, валялись зеленые и на дух ничего не принимали. Старшина ихний, когда маленько отдышался, сел на белого коня и поехал к Анплею Степановичу жаловаться. Но до места не доехал. Возле озера столкнулся он с сыновьями Анплея Степановича. Те как раз лазали по брюхо в воде – ставили мордушки. Тут у старшины душа, видать, не стерпела – он погнался прямо в озеро и начал хлестать этих бугаев плеткой, хрипя и ругаясь по-своему. Сыновья Анплея Степановича сначала прикрывали уши руками, ныряли, а потом рассмотрели, что это всего-навсего сухонький старикашка, стащили его с коня и принялись курять. Они топили его с головой и держали там, зажав ногами, пока он, нахлебавшись воды, не затихал. Тогда братья поднимали старика, давали ему глотнуть воздуха и опять куряли. В общем, накупали они его до посинения, кинули поперек седла и турнули коня в обратную сторону.

Вот такие, значит, они были шутники. Но это – к слову. А в тот раз пошутила ихняя мамаша. Съешь, дескать, Пелагея, ложку горчицы – я тебе платье дам.

– А какое платье дашь? – спросила Пелагея вроде бы с интересом.

– Ну, хоть ситцевое, в горошек.

– А праздничное не дашь?

– За праздничное, девка, две ложки.

– Черпай, – согласилась Пелагея. Хозяйка, смеясь, зачерпнула вторую ложку.

– Теперь, – сказала Пелагея, нехорошо ощерясь, – намажь себе задницу! Как раз на всю хватит...

На другой день сгинула рыжая кобыла. Дед Дементий двое суток мотался по степи с уздечкой – искал. И не нашел. Пелагея извелась вся, плакала потихоньку. Про себя грешила Пелагея на хозяйку: она, мол, толстомясая, подучила пастухов, кыргизию свою отчаянную. Дементию же про свои догадки и про то, как хозяйку за горчицу обрезала, не говорила – боялась.

К концу вторых суток Анплей Степанович вышел после ужина во двор, глянул на уставшего работника и, ковыряя в зубах прутиком, сказал:

– Зря, Дементий, ноги бьешь. Поди, ее давно уж кыргизы на махан пустили. Или волки задрали. – При этом разбойничьи его цыганские глаза лениво смеялись.

«У тебя, туды твою в мышь, целая тыща их, а чтой-то ни одна на махан не попала. И волки не дерут», – подумал Дементий, но смолчал.

– Ты, паря, – опять заговорил хозяин, – имай другую, вот что. Отработаешь – куда тебя девать.

Дед Дементий поймал другую лошадь, опять кобылу и опять рыжую, только в белых чулках – для приметности. Вторая кобыла пошла на махан через неделю. Расстроенный Дементий заявился к хозяину и сказал:

– Попытать разве еще?

– Попытай, паря, попытай, – разрешил Анплей Степанович.

– Я, Анплей Степанович, – сказал Дементий, – к табуну больше подпускать тогда не буду. Хочешь обижайся, хочешь нет, а только сомнение меня берет. Так что буду в пригоне держать.

– А держи, паря, держи. Места не жалко.

– Дурак-башка, Демка! – сердито сказал пастух-киргиз, выловив из косяка мосластого рыжего жеребца (дед Дементий пристрастный был к этой масти). – Дурак-башка! Тьфу!.. Не ты коня арканишь, тебя Анплей арканит, собака!

– Чего мелешь! – буркнул Дементий. Хотя про себя подумал, что, скорей всего, так оно и есть: свил ему Анплей аркан. Но, с другой стороны, и без коня ему здесь на ноги не подняться.

...Рыжий жеребец ушел из пригона через несколько дней. И не вернулся: ни на двор, ни к табуну.

Тогда Дементий сел и, напрягая голову, стал считать. Получалось, что кругом ему петля. Избы нет – живет с ребятишками у Анплея в дырявом сарае. Земли нет – сибиряки за приписку просят по тридцать рублей с души, а это такие деньги, что у Дементия аж в животе жарко становится, как он про них подумает. Коня нет, да еще за трех отрабатывать надо. Клади, значит, два года. Если не больше.

«Ах, туды твою в мышь! – схватился за бороду Дементий. – Оплел чертов Кыргыз!.. На вольные земли ехал, а попал хуже, чем в тюрьму!.. Разве поджечь его в такую голову, завязать глаза да бежать?.. Подожду живодера – один теперь конец!»

Но не пришлось Дементию завязывать глаза и бежать от нужды. Как-то однажды заголосила вдруг хозяйка. Она выла и причитала полдня, и так страшно, что Пелагея, которая после горчичной размолвки в хозяйский дом не заглядывала, решила про себя: «Это Анплей помер. Ей-богу. Ишь ведь кричит, как будто ее железом жгут».

Однако живой и целый Анплей Степанович вечером зашел в сарай к Гришкиным. Зашел первый раз за все время. Он потоптался у порога, зыркнул туда-сюда глазами и сказал, глядя вверх Дементия:

– Айда, паря, в дом. Хозяйка, слышь, пельменей настряпала.

Дементий ушел с Анплеем Степановичем, а Пелагея осталась сидеть с разинутым ртом. То, что Анплей позвал работника на пельмени, само по себе было невиданным делом. Но еще больше Пелагею поразило другое: когда хозяйка успела пельменей настряпать, если она с самого обеда ревела дурнинушкой?..

А вскоре деда Дементия забрили на японскую войну. Сыновья и работники Анплея Степановича раскатали по бревнышку сарай, в котором жили Гришкины, и за три дня поставили на облюбованном дедом Дементием месте сруб. Работали, понятно, день и ночь. Крыши, правда, над домом не было, не было пока окон и печки, но зато рядом, в загородке из жердей, стояли два коня и корова с теленком.

...Дед Дементий провоевал три года. То есть воевал он полгода, два года сидел в японском плену и еще полгода выбирался обратно. Деревню Землянку Дементий не узнал. Вместо одной безымянной улицы, тянувшейся вдоль речки Бурлы, увидел он громадное село с улицами Полтавской, Курской, Орловской, Воронежской, Псковской и Тульской. Видать, понае-

хавшие мужики не задаром здесь строились и селились – у Анплея Степановича топтало степь уже полторы тысячи коней.

Бабка Пелагея тоже не сплеховала – приумножила хозяйство. Теперь у нее было три коня, четыре коровы, двенадцать штук овец, а кроме того – свиньи, куры и гуси. Старшего сына Гришку Пелагея оженала неполных шестнадцати лет, невесту выбрала ему тихую, безотказную и так впрягла молодых в работу, что от них только пар шел.

Словом, довоенный подарок Анплея Степановича попал в цепкие руки, хотя и в бабы. В деревне бабку Пелагею за жадность, злость и двуличие прозвали Яга. Еще говорили про нее: «Пелагея ши из топора варит и сама цыпляет высиживает».

Про деда Дементия и его семейство

Дед Дементий во многих отношениях был человеком странным и необыкновенным. Взять хотя бы его ремесло. Ну ладно, дома, на Тамбовщине, от него было одно расстройство. Но здесь-то, в Сибири, дед мог не колотиться из-за земли и скотины, а начать вместе с братом Мосеем свое дело. Наверняка тогда они очень скоро взяли бы всех односельчан за хрип и жили потом, как сыр в масле. Дед, однако, свое ремесло ничуть не ценил. Он тянулся ко всякой животине, а больше всего обожал коней и собак. Коней дед Дементий любил преимущественно рыжих, а в собаках его восхищали рост и сила. «Ты, Дементий, – говорили ему мужики, – кобелей выбираешь ровно как в оглобли». На своем пристрастии к рослым собакам дед однажды крепко погорел, но про это речь будет дальше.

Имел дед Дементий еще один талант – был прирожденным стрелком. И опять же никак не пользовался своим умением. Другие мужики в овцу с десяти шагов попасть не могли, а все же промышляли. Вокруг Землянки столько водилось зверя и птицы – с зажмуренными глазами стреляй, не промахнешься. Дед Дементий охотиться не любил. Имелась у него, правда, расхлестанная берданка, но чтобы из нее стрельнуть, надо было крепко примотать затвор веревочкой – иначе он мог выскочить и покалечить стрелка.

Вообще, деду Дементию его великое искусство приносило одни огорчения. Единственный раз за всю жизнь он поохотился. Случайно. Шел как-то с берданкой вдоль озера и увидел вдруг, что на прогалинку выплыла семья уток. Впереди кряква, а за ней – по двое, плотно друг к дружке – весь выводок – восемь штук. Ну, прямо солдатский строй! Дед приложился, выстрелил – и все девять уток перевернулись кверху лапками... Вевочки у Дементия не нашлось – связать уток. Пришлось ему снять подштанники, перетянуть их возле щиколоток травой и почихать туда свою неожиданную добычу. В таком виде, с неприличным мешком через плечо, он и примаршировал домой. В деревне деда Дементия подняли на смех. Во-первых, за подштанники, а во-вторых, за рассказанную небылицу. Вот это, дескать, отлил пулю – с одного выстрела девять уток! И как дед ни объяснял, что утки, мол, кучкой плыли, а дробь, наоборот, видать, широко рассыпалась – никто в такую байку не поверил, и долго потом над ним измывались на разный лад.

Еще более обидный случай произошел с ним на японской войне. Точнее, не на самой войне, а перед ней – еще на учениях. Дело было на стрельбище. Каждому солдатику раздали по три патрона, стрелять надо было с колена, в мишень. Дед Дементий отстрелялся раньше всех и, не поднимаясь с колена, задумался. Задумался и, может, даже придремал. И тут бухнул по первому разу долго маявшийся рядом сосед. Дед Дементий от неожиданности вскинулся. В этот момент проходивший сзади поручик смазал его по уху. Так вцепил, что голова у деда чуть не отлетела прочь.

– Ворона, мать твою! – сказал поручик. – Сосед стреляет, а ты вздрагиваешь! Где ж тебе самому попасть, скотина! Мишень со страху не разглядишь!

Тогда сидевший поодаль писарь осмелился вмешаться.

– Гришкин, ваше благородие, – заметил он, – обыкновенно пулю в пулю кладет.

Поручик крякнул и отошел.

А у деда Дементия два дня сочилась из уха кровь и звенело в голове.

Был дед Дементий также страшно отчаянным мужиком. Не боялся ни зверя, ни человека, ни господ Бога – никого. Причем смелость его при незлобности характера была не натужной, а легкой, бездумной какой-то. Дед Дементий просто не знал страха – и все.

Когда братья Краюхины, Лука и Абрам, дрались при разделе, когда они, накатавшись по двору, выскочили в лохмотьях и крови на улицу и стали с разбегу биться кольями, никто не рискнул их разнять. А Дементий рискнул. Он, хоть сам невысокий ростом был и дробный, легко раскидал братьев в разные стороны. А когда Лука с Абрамом, опамятовавшись, двинулись с кольями на разнимщика, дед Дементий не побежал. Стоял, задрал бороду, и дожидался. А потом быстро нагнулся, зачерпнул в обе руки песочку и разом кинул братьев в глаза. Тогда уже и другие мужики набежали, связали ослепших Луку и Абрама.

А еще раньше, когда дед Дементий только с японской войны воротился, начал было прижимать его Анплей Степанович. У Кыргыза такой был порядок: если кто-то из расейских мужиков за приписку платить отказывался, а дом ставил, Анплей ему ничего не говорил, а как бы невзначай прогонял через его усадьбу табун коней голов в триста. После этого мужик понимал, что ему в Землянке все равно не жизнь, и сам подавался куда глаза глядят.

После войны цены за приписку выросли, и Анплея стала заедать жадность. Он, видать, не мог стерпеть, что Гришкин обжился в Землянке вроде как бесплатно. И однажды на зорьке прогнал табун. Кони истолкли в труху плетень, разворотили пригон, закопытили насмерть трех овец и все в ограде смешали с грязью.

Дед Дементий шум поднимать не стал. Он сделал новый плетень и принялся, потюкивая топором, чинить пригон. Но не дочинил. Анплей Степанович через сколько-то дней опять велел прогнать табун. И нашла коса на камень. Дементий еще старую обиду вспомнил, когда Анплей хотел его, российского голодранца, навек в батраках присушить. Он снова заплел плетень, а ночью нарыл вдоль него волчьих ям. Рано утром загудела земля от копыт (дед Дементий на двор не стал выходить, в избе прислушивался), закричали, забились кони, а потом испуганный табун шархнулся, видать, в сторону – только стукоток пошел по степи.

Когда совсем рассветало, прискакал к усадьбе Гришкиных сам Анплей Степанович. А с ним – пять его головорезов-пастухов. Все с ружьями. Дед Дементий уже дожидался их. Стоял возле нетронутого плетня, держа под мышкой свою бердану.

– Дементий! – сказал почерневший Анплей (конь под ним плясал). – Дементий!.. Предупреждаю! – И показал пальцы, сложенные крестом.

– А ну, вертай назад! – тонко закричал дед Дементий. – Вертай, туды твою в мышь, а то я тебя щас с коня ссажу!

Работник Анплея Степановича, собака его Пашка Талалаев, полукиргиз-полурусский, сдернул с плеча ружье. Но только и успел, что сдернуть. Дед Дементий выстрелил раньше – и ружье Пашки Талалаева с расщепленным ложем кувыркнулось в синем небе...

Через час приехали уже только одни работники. И не верхами, а на двух пароконных бричках. Приехали, чтобы прирезать и забрать поломавших хребты лошадей. Не пропадать же скотине.

Вот каким бесстрашным человеком был дед Дементий. Но, с другой стороны, дед был невозможный трус. Он боялся всяческого начальства, особенно же полиции, а впоследствии милиции. Милиции он боялся до тошноты, до расстройства живота. Бабку Пелагею, например, – когда дед принимался «учить» ее за тяжелый нрав, – только и можно было отбить напоминанием про милицию.

Бывало, дед войдет в азарт: в избе пыль до потолка, крик, топот, и уж кажется, ни крестом, ни молитвой Дементия не унять. Тогда кто-нибудь из детей выглянет в окно и нарочно испуганно скажет:

– Ой, тятя, кажись, к соседям милиционер приехал! Вроде его лошадь стоит.

Дед бледнел, глаза его суеверно округлялись, и весь он становился слабый и послушный, как после тяжелой болезни. Обыкновенно он лез в такие моменты на печь и с головой закрывался тулупом.

И еще одно дело – временами на деда Дементия находило. Это уж с ним началось ближе к старости. Допустим, ночью на заимке выйдет он до ветру, присядет в полынях и задумается. А тут потянет легкий ветерок, полыни зашумят – и покажется деду, что попал он в дремучий лес. Вскочит он, штаны в горсть зажмет – и бегом к землянке. А навстречу ему, из тумана, – вдруг конный с палкой в руках. Бывало, дед, всклокоченный, очертневший, так и проблукает всю ночь кругом землянки, проаукает. И только на свету разберет, что никакого леса рядом нет, одни полыни, и конного нет, а просто стоит телега с задранной вверх и подпертой дугой оглоблей. Сам же он вчера для чего-то ее и подпер, старый дурак.

Про жену деда Дементия, бабу Пелагею, рассказ будет короче. Такая эта была отрава, что много говорить о ней язык не поворачивается. Даже снаружи на бабу смотреть не хотелось, хотелось скорей зажмуриться. Была Пелагея костлявая, крючконосая, по-цыгански черная и злоющая, как цепная собака.

– Ведьма! – не раз говорил дед. – Не сдохнешь ты, ведьма, не дашь мне спокойно с детьми пожить!

И еще другое говорил дед с обидою:

– Ведь я на тебе, туды твою мышь, не женился. Шапка моя на тебе женилась.

Когда-то, на самом деле, так и было. Дементий не хотел брать Пелагею. Ни боем, ни угрозами его не могли заставить ехать к ней. Тогда сваты поехали одни, а вместо жениха взяли шапку его. За шапку и сосватали.

Все же – забегая далеко вперед, скажем – дед с бабушкой прожили рядом почти всю жизнь, народили и вырастили восьмерых детей, не считая еще двоих, умерших в младенчестве. Сыновей у них было трое.

Первенец, Григорий, в детстве шибко болел оспой-ветрянкой. Валялся он много дней в беспамятстве, весь обметанный, и глаз не мог расцепить. Пелагея выла над ним, боялась, что умрет.

– Деточка ты моя родная! – причитала она. – Закрылись твои глазыньки! Ой, да не видишь ты свету белого! – А потом взяла, темная баба, и разлепила ему пальцами левый глаз – пусть, мол, хоть одним проглянет.

С тех пор Григорий окривел. И то ли из-за этого изьяна, то ли уж такой характер удался, но вырос Григорий парнем угрюмым и лютым. А потом, когда мужиком стал, к лютости этой прибавилась у него волчья хозяйская хватка. Григорий скоро сообразил, что грести надо к себе, а не от себя, отделился от отца и, зажив своим домом, за несколько лет превратился в настоящего кулака. Правда, надорвался сам, заморил и затюкал ребятшек, а жену, Ольгу, согнул в колесо, старуху из нее сделал. С родней Григорий не якшался, в праздники не гулял, ходил зиму и лето в одном и том же рваном картузе и задубевшей черной косоворотке. Между прочим, в гражданскую войну Григорий крутился какое-то время в партизанах и, может быть, в дальнейшем мы еще расскажем про этот случай специально.

Второй сын, Прохор, был тихоня и добряк. Из таких мужиков, на которых все, кому не лень, верхом ездят. На Прохоре и ездили. Сам он этого, впрочем, как бы не чувствовал. Не замечал, верхом ли на него садятся или в оглобли закладывают. Не замечал, что бабушка Пелагея за столом подсовывает ему, главному в доме работнику, худший кусок; что кобылы-сестры в грош его не ставят и считают за простодырого ваньку; что к праздникам – всем в доме обновки, а ему – те же рваные портки. Да много чего не замечал Прохор. Он мог, например, целый день, уткнув глаза в землю, проходить за плугом и спохватывался лишь тогда, когда видел, что заехал уже на полосу соседа и тому отмахал с полдесятины. А мог и по-другому. Бывало, остановится посреди полосы, сдвинет на затылок картуз и часа полтора слушает, как

заливается жаворонок, хоть поджигай все кругом. Бабка Пелагея, привыкшая к тому, что Прохор безответно мантулит на семью, как вол, в подобные моменты начинала аж из себя выходить.

– Во! – кричала она. – Смотрите на него – встал!.. Распустил слюни-то-черт, мерин, дармоед!

Прохор и этого не замечал.

Редко-редко, когда Прохора уж особенно сильно допекали, он вспыхивал враз, как солома, и тогда становился похожим на деда Дементия – мог все сокрушить, пожечь и переломать в короткое время. Или, наоборот, сбывчивался, каменел – и никакой силой нельзя было сдвинуть его с места.

Так случилось с женитьбой Прохора. Ему собрались сватать красивую и богатую невесту Настю Окишину.

– Женись сама, – сказал Прохор матери. – Я к ней не поеду.

Бабка Пелагея, вспомнив свое замужество, не растерялась – выдала сватам шапку Прохора. К тому времени поп Гапкин уже сбежал из деревни с колчаковцами, по-новому жениться в Землянке еще не умели – и Настю вместе с сундуками просто перевезли к Гришкиным.

Прохор молодуху не признал. Два дня Настя томилась в горнице и, обиженно ворочая большими коровьими глазами, ела печатные пряники. На третий день разыскала Прохора и боязливо сказала:

– Прош, а Прош... Праздник завтра... К тятке с мамкой съездить бы...

– Езжай, – равнодушно ответил Прохор. Дед Дементий, молчком сочувствующий сыну, запряг лошадь и повез Настю к родителям. Прохор открыл и придержал ворота. Когда сани поравнялись с ним, буркнул Насте:

– Назад можешь не вертаться.

А через несколько дней он сказал отцу с матерью:

– Посылайте сватов.

– К кому-то? – спросила бабка Пелагея.

– К тетки Комарихи дочке, Кургузовой работнице.

У тетки Комарихи – Евдокии Комар – после того как муж ее погиб в гражданскую, осталось на руках четверо детей. Евдокия сама пошла по людям работать и старшую дочь Татьяну (ей тогда всего двенадцать лет было) в няньки отдала. Вот про эту Татьяну, которая теперь батрачила у кулака Игната Кургузого, и говорил Прохор. Бабка Пелагея каталась по полу, царапала лицо, кричала:

– Не хочу работницу! Не хочу голодранку.

Но ничто не помогло.

Тогда Пелагея заперла в сундук шапку Прохора. Ехать свататься без шапки считалось большим позором.

Прохор оседлал коня и поехал сам. Он ехал сватать Татьяну Комар, чернобровую работницу Игната Кургузого. Ехал на виду всей деревни один, в легоньком летнем картузе, и уши его на морозе упрямо горели, как два фонаря...

Младший сын, Серега, был, как в сказке, дурак. Но не такой дурак, на которых воду возят. Бабка Пелагея в последыше Сереге не чаяла души. Он это рано усек и вырос нахальным лентяем. Серега – невиданное в деревне дело – спал до обеда, был горлохват и хвастун, тиранил сестер и мать.

Чуть только Серега вытянулся, чуть сопли у него подветрились, как он потребовал у отца гармошку и хромовые сапоги. Начистив сапоги до блеска, насадив сверху калоши, выпустив чуб из-под фуражки, Серега белым днем выходил с гармошкой на улицу и шел козырем, оглядываясь на собственную тень. Играть, кроме «тына-тына у Мартына», он ничего так и не научился, и в деревне про Серегу говорили: «Вон Гришкина корова пошла-замычала».

Если к этому добавить, что дед Дементий вырастил еще пять дочерей и что были среди них и скромницы, и лапушки-красавицы, и горластые завистливые дуры, – то можно подумать, будто дед Дементий в малой капле, в лукошке, всю Россию норовил произвести на свет – с красотой ее и умом, с юродством и ленью, с удалью и темнотой. Да маленько промахнулся. Кое в чем недобрал, а кое в чем переборщил.

В деревне и то, глядя на Гришкиных ребят, смеялись: Дементий с Пелагеей, говорили, похоже, поврозь стараются – каждый для себя и другому поперек.

Один день из жизни села Землянки

Начался этот чудной день обыкновенно: выпорхнул, как воробей из-под застрехи, перышки почистил и зачирикал про свои мелкие дела. Дед Дементий Гришкин, к примеру, собрался резать кабана и позвал на помощь свата своего Егора Ноздрева, большого мастака по этой части. Сват Егор пришел, не медля, достал из-за голенища непомерной длины нож и начал опасно махать – показывать разные бойцовские приемы: как надо хватать кабана за переднюю ногу, как переворачивать и с маху колоть под лопатку.

– В сердце надо! – подступал к деду Дементию с ножом сват Егор. – В самую, значит, середку! Не дай бог промахнуться-и-и-и-и!.. Он как пойдет стегать по двору – все сокрушит!

– Может, из берданки его вдарить? – спросил дед Дементий, заслоняясь рукой от разгорячившегося Егора.

Сват Егор обиделся, завернул свой страшный кинжал в тряпицу и спрятал обратно за голенище.

В этот момент влетел с улицы малый Гришкиных – Серега.

– Сидите тут! – закричал он с порога. – И ничего не знаете! А там поп Гапкин сбесился! – Серега торопливо дернул носом и, видать, повторяя чьи-то чужие слова, выпалил: – Как бы деревню не сжег, кобель долгогривый.

Дед Дементий, сам не шибко набожный, но ребятам своим в этом не потакавший, тут же смазал Серегу по затылку.

– Ты что это говоришь, басурман! – застрожился дед. – Да разве можно этак про батюшку – кобель?! Ну, сбесился и сбесился – и мать его так!

Приструнив Серегу, дед Дементий накинул полушубок и выбежал на улицу – посмотреть на сбесившегося батюшку. Забывший про обиду сват Егор Ноздрев устремился следом.

На дворе было солнечно. Нападавший за ночь молодой снег слепил глаза. А вдоль улицы стояли люди и, прикрываясь рукавицами, смотрели в конец ее, туда, где она начинала скатываться к реке. Вскоре из-под горы вымахнула тройка вороных коней, заложенных в кошевку, и бешено понеслась прямо на глазающий народ. Люди прынули к плетням и воротам.

На облучке, скрючившись и уцепившись побелевшими руками за вожжи, сидел городской племянник попа Гапкина Николай Вякин, человек злой и темный, называвший себя каким-то эсером и слывший в деревне за разбойника. Сам же поп Гапкин, раскорячив ноги, стоял в кошеве и понужал на гармошке. Пьяная кровь кинулась батюшке в лицо и сравняла его по цвету с развевающейся рыжей гривой. На полыхавшем лице попа Гапкина жутко леденели белые сумасшедшие глаза. Кренясь из стороны в сторону, батюшка играл «Подгорную». Тройка пропылила снегом и скрылась. Мужики, дружно выпустив дух, полезли за кисетами. Бабы крестились и плакали.

Не успели мужики запалить сигарки, как тройка вороных снова показалась из-за поворота. Теперь она неслась под уклон. На раскатах кошеву бросало в стороны, батюшка сгибался пополам или сильно откидывался назад, гармошка по-звериному рывкала, и обезумевшие кони рвались из постромок. В одном месте поп Гапкин все же не удержался. Он вылетел из кошевы и с такой силой саданулся головой в запертые ворота Мосея Гришкина, что вышиб щеколду. Гармошку, однако, батюшка из рук не выпустил. Какое-то время он лежал темной кучей, потом

поднялся, встал в проеме ворот, весь залепленный снегом, широко распахнул волосатый рот и крикнул:

– Бога нет!!!

Народ испуганно отшатнулся. Поп Гапкин помолчал секунду, словно к чему-то прислушиваясь, и опять крикнул нараспев:

– Бога не-е-ет!

– Соопчал уже, – подсказал ему дед Дементий, стоявший в переднем ряду.

Батюшка не услышал Дементия. Он растянул до предела застонавшую гармонь и, ухватив с третьего раза верный тон, оглушительно запел:

Бога нет, царя не надо! Волга-матушка река!..

Потом поп Гапкин спел известную всем песню: «Гришка Распутин сидит за столом, а царь Николашка побег за вином...»

Потом он кидал в мужиков снегом и опять кричал:

– Нет бога!.. И царя нет!.. У-у-у, хари!

Потом сидел на земле, плакал и говорил:

– Я есть татарин! Я – магометянин! Вяжите меня, православные!

И мужики, сняв шапки, вязали батюшку и несли его на плечах, как бревно, до дому.

Управившись с батюшкой, дед Дементий и сват Егор воротились домой – кабана все же надо было колоть.

– Крепко он племяша встренул, – говорил дорогой Дементий про попа Гапкина. – Ну, ничего – к завтраму, глядишь, очухается.

...На кабана вышли втроем – взяли с собой сына деда Дементия Гришку. Кабан был матерый, с заплывшими глазами и двойным подгрудком. Желтая щетина на его загривке стояла частоколом. Он не глядел на людей – не мог поднять налитую жиром голову – и ходил, чуть не бороздя пятаком по земле.

Дед Дементий и Гришка враз повалили его, схватив за ноги, как учил сват, а Егор упал на кабана сверху и пырнул ножом.

– Куда же ты, черт?! – заругался дед Дементий. – Рази справа у него сердце-то!

– Молчи! – прохрипел Егор. – Не первого колю! Тут кабан рванулся, расшвырял мужиков и, в точности, как предсказывал Егор, стеганул по двору. Он носился с ужасной скоростью, буровил мордой снег, круто разворачивался и вдруг кидался на растопыривших руки ловцов.

– Бойся! – кричал сват Егор, прыгая задом на плетень и поджимая ноги.

Кое-как мужики остановили кабана. Дед Дементий метнул ему на голову хомут и точно попал, а Григорий упал, рассадив щеку, и схватил кабана за заднюю ногу.

– Быстрой, туды твою в мышь! – торопил дед Дементий крадущегося с ножом свата Егора.

Но не все, видать, чудеса этого дня закончились. Не успел Егор приблизиться к месту схватки, как во двор к деду Дементию прибежал задохнувшийся брат Мосей.

– Ребята! – сказал он, вытирая шапкой пот – Демка! Егор!.. Бросайте все!.. Кыргыз лошадей мужикам раздаст. Даром...

– Гришка!! – закричал барахтавшийся в обнимку с кабаном дед Дементий. – Воротись, сукин сын... Проклянну.

Но было поздно. Григорий с Мосеем и Егором уже лупили на край села, обгоняя других мужиков, бежавших в ту же сторону с недоуздками, путами и веревками в руках.

...За околицей творилось невиданное. Как упавшая туча, чернел на снегу громадный табун коней. Скакали вокруг пастухи на мокрых, с провалившимися боками лошадях – сбивали табун в кучу. Уставшие псы вяло отпрыгивали от шарахавшихся в сторону коней и, потрепетав красными языками, снова кидались на них с хриплым лаем. В стороне от всех, на взгорке, держа в поводу мохнатого киргизского мерина, стоял сам Анплей Степанович, кланялся на три стороны и двуперстно, по-кержацки, крестился.

Анплея уже никто не замечал. Набежавшие землянские мужики отпихивали друг дружку, теряя шапки, сипя и задыхаясь, расхватывали коней.

Братья Краюхины, Лука и Абрам, бородатые и приземистые, бешено дрались из-за поглянувшего обоим солового жеребца. Абрам ударил Луку ногой под вздох, выхватил повод и сел было уже верхом на жеребца. Воспрянувший Лука успел, однако, запрыгнуть коню на круп, сшиб с Абрама треух, и, высоко замахаясь, начал гвоздить его по непокрытой башке чугунным своим кулаком. Испуганный жеребец крутился на месте, Лука бил и бил, подпрыгивая и хэкая, как дровосек. У Абрама глаза сделались стеклянные, но с коня он почему-то не падал. Коля Луценков ухитрился обратить одной веревкой четырех коней. Лошади перегрызлись и понесли. Коля с ободранными в кровь коленями волочился следом и, высунув от натуги язык, стоном кричал:

– Не удоржу-у-у-у!

Мужики потрезвее прибежали семьями и теперь набирали коней по числу душ. Опоздавший кулак Игнат Кургузый как встал, растопырив руки, так и закаменел, казалось, Кургуз собрался обнять весь табун целиком. Но табун целиком не умещался в беремя – и по черному лицу Кургуза бежали немые слезы.

...Григорий Гришкин вернулся домой, когда начало смеркаться. Привел в поводу двух анплевских лошадей. Дед Дементий появление сына не заметил. Он сидел в углу двора, за перевернутой телегой и, матерясь, рвал зубами веревочку на берданке. А перед телегой, зарывшись головой в снег, стоял обессилевший кабан с простреленным ухом.

Среди ночи заговоренные анплевские кони стали уходить из деревни. Они вышибали двери пригонов, ломали загородки, прясла и с диким всхрапыванием уносились обратно в степь.

Разбуженные непривычным шумом и топотом, мужики вскакивали с постелей, поминали нечистым словом святых угодников и трясущимися руками зажигали лампы.

Малой горсткой огоньков замерцала Землянка в необозримой темной степи, и случись в эту ночь пролетать над ней какому-нибудь ангелу – он, наверное, подивился бы, услышав, как она ржет, воеет и брешет на разные голоса.

Но ангел не пролетел над Землянкой. Не стало на белом свете ангелов, как не было больше ни бога, ни царя, о чем, видать, и заявлял сбесившийся поп Гапкин.

Землянские мужики, впрочем, про этот факт пока не догадывались.

История про черного кобеля

Упадок семейства Дементия Гришкина начался с черного кобеля. Именно после истории с черным кобелем потребовал раздела Григорий и откусил от большого хозяйства порядочный ломоть.

Может, конечно, Григорий еще раньше делиться надумал, и черный кобель был здесь вовсе ни при чем. Но как-то уж больно подозрительно все одно с одним слепилось: и раздел этот, и наводнение перед ним, и прочие разные неполадки, так что и сам дед Дементий, и жена его бабка Пелагея, и родственники, и соседи – все дружно грешили на черного кобеля. В нем видели главную причину.

А история эта – совершенно, между прочим, случайная, нелепая и отчасти даже сверхъестественная.

...Деда Дементия сгубило пустое любопытство. Он возвращался из города и версты, может, за четыре от своей деревни встретил на дороге маленького цыганенка. Цыганенок стоял у обочины совершенно один, ни табора поблизости не было, ни даже повозки. Деду бы проехаться, зная повадки этих жуликоватых людей, а он остановился.

– Тпру! – натянул вожжи дед. – Ты чего это здесь один делаешь? Иде тятка-мамка?

Цыганенок важно заложил руки за спину, прищурился на дедова коня и, пропустив мимо ушей вопрос насчет тятки-мамки, сказал:

– Ну что, отец, – сменяем?

– Ах, туды твою в мышь! – изумился дед Дементий. – Чем же ты со мной меняться хочешь? На тебе вон порток даже нет!

Цыганенок вставил в рот два пальца и свистнул. Из кустов широкой рысью выбежал черный кобель. Был он таких неправдоподобных размеров, что деду, глядевшему против солнца, показалось сперва, будто бежит теленок. Лошадь испуганно всхрапнула и попятилась. Бесстрашные дедовы собаки, Ласка и Вьюнок, скуля, попрыгали на телегу.

– Это что же... – сказал потрясенный дед Дементий. – Это ведь... на нем, на черте, возы возить можно... Он ведь медведя загрызет – пустое дело...

Завязался торг. Нахальный цыганенок просил за кобеля лошадь. Дед сердчал, плевался, несколько раз подбирал вожжи, делая вид, что собирается уехать. В конце концов цыганенок уступил – согласился взять обеих дедовых собак и кисет табака – в придачу.

Обессилевших со страху Ласку и Вьюнка дед переловил и связал одной веревкой. Кобель же – удивительное дело! – сам с готовностью побежал за телегой и ни разу даже не оглянулся на своего бывшего хозяина. Дед Дементий ехал домой и радовался сделке. Одно только его чуть-чуть смущало. Кличка у черного кобеля была какая-то нерусская. Звали его на цыганский манер – Герка.

Так оно все случилось и произошло. В общем-то, довольно обыкновенно. Только в первый день черный кобель произвел в деревне некоторую панику: перепугал до смерти старух и ребятишек, которые в этот момент на улице оказались. Отцы ребятишек, между прочим, повыбегали, хотели намять деду Демке бока за такие штуки, но при виде Герки стушевались и отступили.

А дальше все потекло ровно. К Герке мало-помалу привыкли. И он себя ничем особенным не проявлял до поры. Ну собака и собака. Только что ростом раза в три больше самой крупной. И жрет, конечно, в три глотки... А больше – ничего. И вдруг черный кобель резко вмешался в ход жизни...

Деда Дементия сыновья – Прохор и Григорий – доживали последние дни на пашне. Собрались уже домой, но тут пропала у них рыжая кобыла. Рыжуха плутала где-то больше суток и только вечером на другой день пришла к заимке. К хвосту у нее был привязан ремненным недоуздом заостренный с одного конца кол. И с таким расчетом он был привязан, чтобы при каждом шаге тыкать лошадь в задние ноги. Ляжки у Рыжухи оказались сплошь исклеванными и сочились кровью.

Братья Гришкины недоуздок, конечно, сразу же опознали. Никому другому не мог он принадлежать, кроме их соседа по заимке Игната Кургузого. А узнав недоуздок, представили себе и картину – как оно все было: забрела, видать, Рыжуха на полосу к Игнату, объела там копну какую-нибудь; Игнат ее поймал, сутки проморил голодом (все думал, волчья душа, как зло выместить – и вот придумал).

У Прохора при виде такого паскудства глаза закипели. Схватил он вилы, приставленные к землянке, и вгорячах заявил:

– Пойду заколю его!

– Не трожь! – сказал Григорий. – Сам приедет. Кургуз нитки своей чужому не оставит – не то что уздечку. Приедет – наплюй мне в глаза.

И все же, когда Кургуз подъехал верхом к заимке, братья на момент оторопели. И ждали будто, что заявится, но в душе не могли как-то поверить в подобное нахальство.

– Тут, слышь-ка, недоуздок мой должен где-то быть, – буркнул Игнат.

Прохор только головой молча повел: возьми, дескать. Кургуз слез на землю и подобрал недоуздок. И обратно вскарабкался на коня. И поехал. А Прохор с Григорием все еще стояли, распахнув рты.

Вот тогда черный кобель прыгнул. Он прыгнул мимо присевшего от неожиданности Прохора, ухватил Кургузову лошадь за хвост, под самую репицу, уперся всеми четырьмя лапами и остановил ее. Дальше все происходило молча и как бы само собой. Игнат кувыркнулся с коня. Прохор – словно кто толкнул его в спину – сделал три падающих шага и лег животом на голову Игната. Григорий подбежал и выдернул у него из рук недоуздок. Счастье Кургуза, что порол его Григорий поверх неснятых штанов. Иначе пришлось бы ему задницу по лоскуткам собирать. Потому что Григорий остервенился и бил его до тех пор, пока у самого глаз не замутился, пока сослепу не начал промахиваться и хлестать по Прохору.

Только после этого братья отпустили Кургуза. Отпустили, продышались маленько и враз, будто их кольнуло что-то, отыскивали глазами черного кобеля. Черный кобель, облитый лунным светом, неподвижно, как идол, стоял на крыше землянки и, свесив голову, смотрел вниз, на людское копошение. И показалось вдруг братьям Гришкиным, что черный кобель насмешливо скалится. Прохор и Григорий, не сговариваясь, кинулись запрягать измордованную кобылу.

Потом всю дорогу они молчали; рассыпая табак, крутили дрожащими руками сигарки и опасливо косились на бежавшего за телегой загадочного зверюгу. Подозрения их насчет черного кобеля не рассеялись ни на другой день, ни после. По деревне скоро побежал слух про то, как братья Гришкины отвозили Игната Кургуза. Причем непонятно было, кто этот слух пустил. Сами братья побереглись хвастаться этим делом, Кургуз тем более помалкивал, а в Землянке знали, оказывается, всю подноготную. Называли даже место возле речки Бурлы, где будто бы спешившийся Игнат тайно замывал штаны.

Уважение к Кургузу в деревне сильно пошатнулось. Бабы при встрече отворачивались и хихикали. Мужики делали вид, что норовят заглянуть сзади, и сочувственно чмокали губами. Осмелела даже соседка Кургуза, вдова Манефа Огольцова, до этого случая боявшаяся крутого Игната, как огня.

На Покрова Игнат заколол здорового кабана. Тетка Манефа, никогда своей скотины не державшая, взяла холщовый мешок и отправилась к соседям.

Семейство Кургузово сидело за столом – вокруг сковороды с дымящейся свежениной.

– Хлеб-соль, – поздоровалась Манефа.

– Едим, да свой, – ответил Кургуз, не переставая жевать.

– Вот пришла, – сообщила Манефа.

– Вижу, что не конная приехала, – скривился Игнат.

– Свининкой-то поделишься? – трянула мешком Манефа.

– Купить, что ли, надумала?

– Зачем купить. Небось, ты и так отрубишь. Слышал, поди, какие дела: теперь ведь у нас твое-мое, все наше.

– Твое-мое?! – затрясся Игнат. – Я, значит, выкормил, а ты рот разеваешь?!. На! – Он вскочил со скамьи и распахнул на груди рубаху. – Ешь! Рви меня зубами!

Манефу Огольцову как ветром сдуло. Но испугалась она не шибко, не как раньше, бывало. Она, прямо с мешком, заявила в сельсовет и там сказала:

– Сосед мой, Кургуз Игнат Прокопыч, кабана заколол.

В сельсовете тогда сидел фронтовик Мудреных Ефим, вернувшийся с германской войны на деревяшке.

– Ну? – спросил Ефим хриплым от самосада голосом.

– А я без мяса сижу.

Ефим притолок коричневым пальцем табак в трубке и опять спросил:

– Ну?

– Да ведь у нас теперь – твое-мое, – пояснила Манефа. – Пиши бумажку, раз ты совецка власть, – пущай он мне мяса отрубит.

– Ты, Огольцова, – сказал Ефим невпопад, – когда самогоном торговать бросишь? Смотри, приравняем к злостному классовому элементу – только ногами сбрыкаешь!

Так тетка Манефа дармового мяса и не получила. Что же касается семейства Гришкиных, то им происшествие на заимке сначала вроде бы пошло на пользу.

К предпоследней дочери деда Дементия Нюрке посватался неожиданно Ленька Меновщиков. Дед Дементий, правда, засомневался. Жене и девкам он сразу сказал:

– Не будет с этого добра. Не будет добра, говорю – что вы, кобылы, завзбрыкивали!

Дело в том, что Ленька Меновщиков в прошлом году для смеху погулял маленько с некрасивой Нюркой, а потом испортил ее и бросил. Григорий грозился после этого зарезать его, но здоровенный Ленька только похохатывал и бесстрашно ходил по деревне, заломив шапку. Деду же Дементию вышли большие хлопоты. Раза четыре, наверное, Гришкиным мазали ворота дегтем, и дед по утрам, на глазах у всей улицы, отскабливал его японским тесаком.

А теперь Ленька сватался. Говорили, будто мать его, узнав, что Гришкины ребята чуть не до беспамятства засекли Игната Кургуза, на коленях стояла перед дураком Ленькой – уговаривала взять Нюрку замуж.

Потому дед Дементий и сомневался.

Но в доме поднялся страшный вой, Нюрка засобиралась топиться – дед плюнул и согласился.

И тут опять впутался в события черный кобель.

Меновщиковы готовились к свадьбе – лепили пельмени. Лепили всем семейством: и мужики, и бабы, и ребятишки – пельменей требовалось много. Не лепил только дед Леньки, глава семейства, Матвей Куприянович Меновщиков. Его из уважения освободили от мелкой работы. Дед поэтому носил противни с готовыми уже пельменями в сарай – выбрасывал их, как говорится, на мороз, чтобы они маленько схватились.

Матвей Куприянович унес семнадцать противней по двести штук на каждом, а с восемнадцатым спросил себе лучину – побоялся в потемках передавить отнесенные раньше пельмени. В дверях сарая дед зажег лучину и поднял ее над головой. Изумленному взгляду его представился ряд очищенных под метелку противней. А в дальнем углу сарая, вывалив язык, сидел обожравшийся Герка. Раздувшееся от пельменей пузо его лежало на земле. Матвей Куприянович заплакал. Герка же тяжело разбежался по грохочущим противням, ткнул деда Матвея головой выше колен, опрокинул и скрылся.

Свадьба расстроилась. Меновщиковы мужики – Иван Матвеевич, свояк его, шурин и два старших сына, похватав что под руку попало, прибежали к сватовьям – убивать черного кобеля. Дед Дементий сидел на печи, свесив босые ноги, и Меновщиковых мужиков ничуть не испугался.

– Ну, иди, – сказал он Матвею. – Иди-имай его... Эх ты... Твой кобель, туды твою в мышь, девку у меня испортил – не то что пельмени. А я за ним со стежком не гонялся.

Все же воротившегося чуть свет Герку Дементий отхлестал чересседельником. Не то чтобы ему жалко стало меновщиковских пельменей. Нет. Просто он сам не одобрял пакостивших собак. К тому же деда Дементия допекли бабы. Всю ночь в его доме стоял такой рев, что дед не выдержал, плюнул, сгреб тулуп и пошел досыпать в пригон, к лошадям. Тут ему и подвернулся Герка. Потом дед Дементий казнил себя за несдержанность, локти кусал, да уж поздно было.

Дело в том, что на другой день ударила в Землянке и окрестностях невиданная оттепель. Снег, какой был, растаял, побежали ручьи, речка Бурла, не успевшая встать, разбухла и выплеснулась из берегов.

Распутица отрезала в Землянке заезжего кооператора. Кооператор был молодой, но уже нервный. Он ругался и требовал сейчас занарядить ему подводку. Ефим Мудреных, костыляя

на деревяшке, обошел с десятков дворов, но никого из мужиков уговорить не смог. Тогда он явился к деду Дементию и Христа ради стал просить его увезти начальство. Дед Дементий согласился. Запряг Рыжуху, принял кооператора и поехал.

До летнего брода через Бурлу они доехали спокойно, а возле речки кооператор заволновался.

– Ты куда же правишь? – стал говорить он деду. – Давай заворачивай в объезд, через мост! Тут мы не проедем!

Дед и сам видел, что, пожалуй, не проехать. Очень уж рано уходил под воду размытый след. По травке уходил, а не по песочку, как день назад. Но какая-то непонятная лихость овладела дедом.

– Попытаем, гражданин-товарищ, – беспечно сказал он. – Гляди-ка, кобель мой уж на том берегу отряхается.

– Какой кобель?! – испуганно зашарил глазами кооператор. – Какой еще, к черту, кобель?! Чего ты мелешь?

– Да Герка вон, – показал кнутовищем дед. – Ишь ты, сукин кот! Проворный какой сделался. Почаще тебя, туды твою в мышь, чересседельником учить надо... Не бойсь, – обернулся он к седоку.

– Раз кобель перебег – глядишь, и мы не утопнем.

Не доехали они и до середины реки, как вода начала заливать телегу. Кооператор вскочил в рост и двумя руками поднял к подбородку портфель с бумагами. В следующий момент вода пошла поверх телеги, и кооператор с ужасом почувствовал, как ноги его в латаных сапогах заглодели.

– Куда же ты, змей! – плаксиво закричал он и по-дореволюционному ткнул деда взашей. – Утопить хочешь?!.

Дед Дементий молчал, вытаращив глаза, и тщетно пытался удержаться за вожжи. Его сносило – сапоги скользили по телеге. Рыжуха уже плыла в оглоблях, по-собачьи вытянув шею, фыркающая и захлебываясь.

...На берег дед выбрался один – без лошади, телеги и седока. Огляделся. Сизая вздувшаяся река была пустынна. Только на противоположном берегу – у деда даже сердце екнуло – как ни в чем не бывало сидел черный кобель Герка.

Кооператора вынесло течением на Ерофееву отмель, слава богу, живого. Кобыла же с телегой безвозвратно ушла на дно.

Сам дед Дементий заявился домой мокрый до нитки, аж с бороды у него текло. И такие дикие у него были глаза, что домашние, от греха подальше, не стали деда пока ни о чем спрашивать.

Герка прибежал только ночью. Прибежал и завыл.

Дед Дементий лежал на печи под тулупом, слушал этот жуткий вой, и брала деда оторопь. Потом он все же поднялся, обул для бесшумности пимы, снял с гвоздя берданку и, крадучись, вышел.

Серая ночь стояла на дворе. Серой была подветрившая земля, серым казалось небо. На сером заборе по-кошачьи сидел страшный кобель Герка и, задрав морду, выл.

«Господи, благослови – туды твою в мышь!» – мысленно сказал дед Дементий, быстро приложился и спустил курок. Верная берданка первый раз за все время дала осечку. Дед замер. Теперь, чтобы открыть затвор и перезарядить ружье, надо было долго разматывать веревочку.

Черный кобель, услышав щелчок, перестал выть.

И тут на деда Дементия стало находить. Он вдруг увидел, как Герка поворотил морду и сплюнул. Цвыркнул сквозь зубы, как плюют мужики, накурившись самосаду. А потом лениво пробежал несколько шагов по забору и спрыгнул на улицу.

Дед Дементий после этого случая захворал. Прямо не слезал с печи. Лежал там, свернувшись калачиком, и поглядывал из-под тулупа нездорово блестящими глазами. Иногда только он подманивал слабым пальцем кого-нибудь из сыновей и шепотом говорил:

– Герка-то, а?

– Что, тятя? – участливо спрашивали сыновья.

– Нечистая сила! – мигал дед.

Этими днями и забрел к Гришкиным прохожий человек. Странник. Был он какой-то ненастоящий, слепленный будто: одежда простая мужицкая, а руки тонкие. Странник пил чай и сахар не прикусывал, а бросал в стакан и размешивал черенком ложки. Лицо вроде русское, а когда разговаривал, язык ломал на цыганский манер.

– От чаек, дак чаек! – нахваливал он. – Кирпичный, батенька, чаек – сразу видно. Кирпичный я люблю. Вот малиновый мне на дух не надо.

Бабка Пелагея не утерпела и сказала:

– Да ведь ты малиновый пьешь.

– Ну?! – удивился странник. – А скажи ты – ну как кирпичный!

Потом странник вышел на двор покурить и соблазнился Геркой.

– На что тебе такая собака, отец? – пристал он к деду. – Жрет, небось, побольше лошади?

– Жрет, – сознался дед Дементий. – Не токмо свое, чужое жрет.

– Рискуешь ты с ним, отец, – пугал деда странник. – Ох, рискуешь! Вот спросят тебя товарищи: зачем такого тигра держишь, а? Кого им травить собираешься?

– Рыскую, – согласился дед. – А то как же.

– А ты продай его мне. Я хорошие деньги заплачу.

– Поймаешь – бери за так, – ответил дед.

– Зачем его ловить, – сказал прохожий. – Ловить мы его не будем. – И с этими словами он смело пошел на черного кобеля.

И тут случилось удивительное: Герка заюлил хвостом, лег на пузо и сам пополз к ногам странника. Так они и ушли со двора: впереди этот чертов цыган, а за ним – стелющийся по земле черный кобель.

В деревне после решили: черный кобель был нечистый. Это, мол, он часа своего ждал – когда за ним оттуда пришлют. Вот и прислали. Еще потому так твердо решили, что странник, пока шел улицей, все словно бы приплясывал и бормотал чего-то себе под нос, видать, заговор.

... Что бормотал странник, знали только ребятишки, бежавшие рядом.

– А, батенька мой! – повторял он, совсем уж дурашливо ломая язык. – Это сколько же мохнашек получится! Мохнашек-то сколько, батенька мой...

Как Гришка ходил на войну

и что из этого вышло

Сбивать землянских мужиков в партизаны приехал учитель из Бугров – неулыбчивый головастый человек с большой лысиной и в очках, закадычный приятель поповского племяша Вякина.

Землянские на агитацию приезжего поддались легко. Кой-чего они про это дело знали. Слух прошел, что мужики из соседней деревни Тиуновки «партизанили» уже в городе. Прожили там три недели и катались будто бы, как сыр в масле: лошадей кормили, как на убой, сами не просыхали с утра до вечера, брали в лавках любой товар задаром, бархат на портянки рвали, да еще домой разного добра повезли.

Первым прислал к учителю своих сыновей – двух крепких звероватых мужиков – Анплей Степанович. Сыновья были снаряжены с кержацкой основательностью. Под ними играли сытые кони в седлах, на самих была крепкая одежда, а за спинами – по новенькому карабину.

По первым двум добровольцам стали равнять и остальных. Кого попало в отряд не брали. Записывали тех, кто на коне, мало-мальски прикрыт и с оружием: с ружьем ли, с шашкой или пикой. Войско должно было глядеться по-боевому, а не рванью и голюю.

Учитель, видя, что дело ладится, повеселел. И хотя он по-прежнему не улыбался, но время от времени с довольным видом поглаживал свою необъятную лысину – сразу двумя руками. Правда, маленько досаждал ему плотник Василий Комар. Несколько раз он подкарауливал учителя, хватал за рукав и начинал запальчиво критиковать его программу. Василий в деревне числился большевиком. Приехал он сюда совсем недавно и ехал не один – вез откуда-то из-под Тулы готовую коммуны. Но в пути переселенцев покосил тиф, доехало только пять поредевших семейств, ютились они пока по землянкам и баням у добрых людей, все поголовно батрачили и трудно, с натугой строились.

Худой бритый Василий крутил руками, наскакивал на учителя, кашлял, тонко кричал. Учитель слушал, наклонив голову, а потом терпеливо объяснял:

– Вы местных условий не знаете. Здесь мы должны опираться на крепкого мужика.

Тогда Василий, плюнув в сердцах, бежал к Ефиму Мудреных – требовать, чтобы тот вмешался в ход событий.

Мудреных, однако, тоже его не поддерживал.

– Ты, Василий, грамотный шибко, – говорил Ефим. – И тебе грамота глаза застит. Этого головастого нам не переучить. Может, его Колчак переучит, да и то вряд ли. Так что не крутись ты возле него – не трать характер. Лучше за туляками своими гляди, чтоб им какая моча в голову не стукнула.

Надумал податься в отряд к учителю и старший сын деда Дементия Григорий. Он пришел к отцу и, оставив в угол единственный свой волчий глаз, сказал:

– Дай коня.

– Ты кого, туды твою в мышь, спрашиваешь? – ощерился дед Дементий. – Меня или, может, вон печку?

Дело в том, что Григорий никогда никого не звал по-людски: ни отца, ни мать, ни жену, ни соседей. Вместо имен он обходился такими словами, как «эй», «гляди», «слухай», «держи», «цыц», «подай». С детьми родными он и вовсе не разговаривал. А если какой-нибудь из них, замешкавшись, попадался отцу на дороге, Григорий молча перепоясывал его кнутовищем и брезгливо плевал в сторону. Дед Дементий никак не мог привыкнуть к этой собачьей манере сына и всякий раз обижался.

– Тебя, кого еще, – покривился Григорий.

– Своих полон двор, – напомнил дед.

Своих коней у Григория было действительно побольше, чем у отца. Но выбирал он их не по стати, не по красоте и росту, а по какой-то одному ему видимой нутряной жиле – чтобы пусть неказисты были, но тянули бы и хрипели, как хозяин, – до упаду. И в этом смысле деда Дементия, при среднем достатке державшего лучшего в деревне жеребца, Григорий не одобрял. Зачем, дескать, мужику такой конь? Разве только – заложить его в санки, да поехать для форсу под окнами Анплея Степановича или страстного лошадника попа Гапкина.

Теперь же Григорий просил у отца коня, чтобы не ударить в грязь лицом перед сынами Анплея Степаныча и другими богатыми мужиками. И даже соглашался оставить в залог двух чалых кобыл, которые славились тем, что, как верблюды, могли по трое суток обходиться без корма и выдерживали любой воз из какой хочешь грязи. Отторговав жеребца, Гришка потребовал также и берданку.

– Не дам, – твердо сказал дед Дементий. – Ну тебя к черту. Отстрелишь последний глаз – а мне грех на душу. Ты, небось, туды твою в мышь, не знаешь, с какого конца она заряжается.

Вместо берданки дед Дементий выдал Григорию старый японский тесак, настолько тупой, что им, пожалуй, даже курицу зарубить было невозможно. Тем не менее дед сильно переживал,

долго в ту ночь не мог заснуть, все ворочался и думал: «Заколется, сукин сын! Пустит детей по миру».

К концу четвертого дня отряд сформировали. Мужики по этому случаю напились самогонки, дотемна скакали по деревне, размахивали шашками и палили из ружей.

Григорию палить было не из чего, но всеобщая стрельба так его накалила, что он слез с коня и остервенело принялся рубить тесаком чей-то плетень. И рубил до тех пор, пока тут же, у плетня, не повалился и не заснул.

В этот вечер отряд понес и первую потерю. Здоровенный хохол Охрим Задняулица залез на качели, не убранные с Пасхи, и со страшной силой раскачался.

– Упаду! – дурашливо кричал он. – Упаду! А потом, и правда, упал, ударился грудью о стылую землю и убился насмерть.

Утром отрядники кое-как собрались, пошумели, порядили и выработали решение: всем ехать в город, чтобы там, на месте, перевстретить Колчака. План у них был такой: они, значит, внезапно захватывают станцию; отвинчивают рельсу и ждут; и как только поезд с Колчаком останавливается или – еще лучше – слетает с катушек – тут же атакуют его всеми наличными силами.

Историю этой боевой операции в Землянке помнят до сих пор.

Отряд учителя из Бугров был разбит наголову в первой же схватке. В чем-то командир допустил промашку. Возможно, зря он не послушал Василия Комара, критиковавшего его программу опоры на крепкого мужика. Возможно... Но безусловно, что главную стратегическую ошибку учитель совершил днем, когда отряд останавливался в Буграх. А именно: учитель не позволил мужикам опохмелиться. Он, как сам непьющий, не мог, конечно, знать, что если человека, который, допустим, с перепою, вовремя не подремонтировать, то он к вечеру начнет каждого пенька бояться. Это его и подкосило. Словом, когда глубокой ночью отряд скрытным порядком подступил к станции, у многих штаны уже промокли от холодного пота. Правда, маленько их ободрили разведчики, которых учитель высылал вперед. Разведчики вернулись и доложили, что рельсы, дескать, лежат свободно, никем не охраняются и отвинтить любую из них – пустое дело. Только, если, мол, оттаскивать в сторону – надо навалиться всем гуртом. Рельса, по всему видать, тяжелая – вдвоем или даже вчетвером ее не спихнешь.

Тогда они двинулись вперед уже смелее. Передние успели даже пососкакивать с лошадей, стали шарить по земле – искать что-нибудь подходящее, чем можно подковырнуть рельсу. В этот момент раздался выстрел...

Потом уцелевшие доказывали, что по ним ударили из орудия. Однако хорошо известно, что в описываемое время крупных воинских частей в городе не было. Тем более, не было артиллерии. Скорее всего, это стрельнул с перепугу станционный сторож.

Задние, решив, что угодили в засаду, поворотили коней. Передние увидели, что их бросают, и тоже кинулись в седла. Дальше произошло уж совсем обидное недоразумение. Передние (бывшие задние) обнаружили вдруг за спиной погоню. Гнавшиеся за ними конники кричали: «Стой!.. Куда!.. Назад!..» –и матерно ругались.

Началась невиданная скачка. Всего пробежали они этой ночью на взмыленных конях восемнадцать верст. И, наверное, скакали бы дальше, да под утро на пути им попалось озеро Тополье. Вот в это озеро, задернутое первым ледком и припорошенное снегом, они с разгону и залетели. И стали в нем тонуть. Многие потонули сами, а многие утопили коней. В том числе утопил отцовского жеребца и Григорий.

Бугровский учитель, как более выдержанный и скакавший все восемнадцать верст последним, наблюдал гибель своего войска с берега. Бил он себя кулаком по лысой голове и горько каялся.

А через неделю в Землянку заявился карательный отряд. Привел его молодежавый, тонкий, как девка, голубоглазый офицерик. Офицер велел согнать ему на площадь стариков и стал

требовать выдачи зачинщиков. Сам он на рысьих ногах расхаживал внутри образовавшегося круга и для устрашения, видать, вертел сабелькой. И чем больше вертел, тем больше глаза его светлели, заволакивались белесым дымком.

– Ну! – резко кричал офицер. – Называй зачинщиков!.. Ну!

Старики, потупив бороды, молчали.

Случайно в круг забежала чья-то шалавая собака. Офицер, почти не глядя, махнул саблей и рассек ее пополам. Удар был такой скорый, что собака еще сажени полторы протрусилась целая и только потом распалась на две части. Но даже этот наглядный пример стариков не поколебал. Зачинщиков они не назвали.

Выдал зачинщиков поп Гапкин. Переписал их всех по именам и отнес бумагу карателям. Станный, однако, это был список. Не значились в нем ни сыновья Анплея Степаныча, ни другие добровольцы, ни Григорий Гришкин, ни даже так и так убившийся, а значит, и безответный Охрим Задняулица. Учитель из Бугров, правда, был. Но сразу за ним шел Комар Василий, потом – четверо его деревенских, которые тиф пережили, дальше Мудреных Ефим, братья Дрыкины – Игната Кургузого работники, глухонемой пастух Силантий Зикунов, а также сосед Гапкина сапожник Иван Абрамыч – горький пьяница и матерщинник.

Василий Комар достигал пол в новой избе, когда за ним пришли. Кроме верстачка и горы свежих стружек, в избе пока ничего не было. Мог Василий, наверное, вышибить окно и побежать, но то ли он не догадался второпях, то ли, наоборот, сообразил, что подстрелят его, как зайца: дом стоял на голом месте, ни огорода пока что, ни кустика вокруг. Да и увидели они с женой колчаковцев очень поздно. Так что Василий спрятался на русскую печь, а жена завалила его стружками. Успела кинуть туда же рубанок и топор – будто и не было мужика в доме.

Пустую избу колчаковцы обыскивать не стали. Кого тут искать – все от стены до стены видно. Один из них только заинтересовался стружками и стал ширять в них штыком.

– Проширяемся тут до ночи, в бога душу! – сказал другой и чиркнул спичкой.

Сухие, как порох, стружки вспыхнули сразу. Василии рванулся с печи, но солдаты наставили штыки и удержали его.

Страшными нечеловеческими глазами смотрел Василий из огня. Не кричал – крик запекся у него в горле. Только медленно обвисал на штыках и чернел.

Мудреных Ефим успел из деревни скрыться. Ушли с ним также братья Дрыкины и однополчанин Ефима Андрей Филимонов.

...Остальных зачинщиков по списку попа Гапкина били на площади шомполами. Принародно. На все это землянские смотрели уже, как сквозь туман. Не молились и не плакали. Смерть Василия Комара ужаснула их до немоты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.